

М.-З. О. Османов

Хозяйственно-культурные
типы (ареалы) Дагестана
в советскую
эпоху

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

М.-З. О. Османов

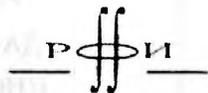
*Хозяйственно-культурные
типы (ареалы) Дагестана
в советскую эпоху*

Закономерности
развития и трансформации,
вымывание традиционных форм

МОСКВА «НАУКА» 2002

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2 Рос. Даг.)
О-74

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 01-06-87003

Рецензенты:

доктор исторических наук *С.С. Агаширинова*,
доктор исторических наук *С.А. Лузев*

Османов М.-З.О.

Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм / М.-З.О. Османов; Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского науч. центра. – М.: Наука, 2002. – 222 с.

ISBN 5-02-008800-5

Монография посвящена проблемам истории экономического и культурного развития Дагестана в советскую эпоху. Исследуются предпосылки формирования основных хозяйственно-культурных типов в этот период. Прослеживается влияние экологических, социальных и других факторов на становление и преобразование хозяйственно-культурных ареалов Дагестана.

Для историков, этнографов, преподавателей общественных наук.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-008800-5

© Российская академия наук, 2002
© Издательство “Наука”, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	4
Хозяйственно-культурные типы в советское время. Постановка вопроса	4
<i>Глава первая</i>	
Развитие сельского хозяйства республики. Особенности развития по зонам. Предпосылки хозяйственного районирования	26
<i>Глава вторая</i>	
Хозяйственно-культурный тип равнины и нижнего предгорья. Трансформация компонентов, изменение их состава	76
<i>Глава третья</i>	
Хозяйственно-культурные ареалы горной и высокогорной зон. Особенности хозяйственного развития и трансформации культуры	125
<i>Глава четвертая</i>	
Совокупность хозяйственно-культурных типов (ареалов) Дагестана. Общие и специфические особенности хозяйственного и культурного развития (вместо заключения)	185
Послесловие	209
Литература	214
Список сокращений	222

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

instituteofhistory.ru

Исследование хозяйственно-культурных типов (ХКТ) Дагестана советского периода представляется актуальным прежде всего в силу своей целесообразности. Целесообразность же вытекает из необходимости изучить закономерности развития хозяйственных и культурных форм в современном обществе, а также исследовать их взаимосвязь с политическим и социально-экономическим развитием.

В этом плане могут быть рассмотрены и вопросы отставания экономики и особенно культуры от поступательного хода современной индустрии, социальных преобразований и т.п.

Изучение ХКТ Дагестана с первых лет советской власти позволит осмыслить и закономерности экономического планирования. Последнее было вызвано, в частности, необходимостью осуществления экономического и культурного роста бывших национальных окраин царской России до уровня метрополии. Этот процесс будет довольно нагляден на фоне взаимодействия хозяйственно-культурных форм (компонентов, элементов) промышленной России и аграрного Дагестана, т.е. взаимодействия ХКТ разного уровня социально-экономического развития.

Несомненно, разработка данной темы будет способствовать и осмыслению особенностей экономического развития отдельных природно-хозяйственных зон Дагестана и, следовательно, должно помочь правильному пониманию и определению зонально-экономического районирования. Это, в свою очередь, позволит, возможно, проследить тенденции сбалансированного развития экономических (и соответственно хозяйственно-культурных) районов, а также прогнозировать их будущее*. Важный аспект предлагаемого исследова-

* В связи с этим обратим внимание на очень важное и актуальное высказывание известного отечественного этнографа В.В. Пименова: "Возможность прикладной функции этнографии проявится лишь в том случае, если эта наука перестанет трактоваться как только историческая, а будет рассматриваться также как одна из существенных сторон науки об управлении, включающей прогнозирование и планирование..." [172. С. 4].

ния – сравнительно-исторический анализ ХКТ Дагестана в дореволюционный период и в советскую эпоху.

Изучение процесса становления новых ХКТ на основе старых, дореволюционных придает исследованию дополнительную аксиологическую значимость. В связи с этим большой интерес представляют вопросы о политической и социально-экономической базе переживания старых и образования новых ХКТ; о значении развития промышленности в городе и усилении смычки города и деревни, установления новых принципов обмена (торговли) между городом (промышленностью) и деревней; о создании новой инфраструктуры торговли и транспорта; о механизации сельского хозяйства и внедрении достижений научно-технической революции (НТР); о месте и содержании культурной революции применительно к ХКТ.

При изучении этих проблем неизбежно встает вопрос о компонентном составе ХКТ.

Мы уже останавливались на этом вопросе при исследовании дореволюционных типов [168. С. 21–34], но в процессе разработки исследуемой темы были выявлены отдельные аспекты этой проблемы, которые вынуждают вернуться к ней еще раз.

Дело в том, что в современных ХКТ ввиду особенностей экономики, промышленности, роста унификации и стандартизации элементов культуры увеличиваются черты сходства, одинаковости, однотипности их отдельных компонентов, возрастает как бы их "размытость". А это предъявляет еще более жесткие требования к точности, четкости определения основных дифференцирующих (и самоинтегрирующих) компонентов, признаков объектов отдельных комплексов. Поэтому необходимо еще раз остановиться на вопросе о компонентах ХКТ. Речь не идет о ревизии понятий, рассмотренных и в какой-то степени принятых (установленных) при исследовании досоветских ХКТ Дагестана, и тем более о пересмотре концепции этих типов, предложенной (и принятой) отечественными учеными. Вопрос стоит только об определенных уточнениях, для того чтобы содержательный материал современных хозяйственно-культурных форм мог быть сведен в систему ХКТ, подобно тому как система ХКТ сравнительно полно и с достаточной степенью идентичности дала бы представление о районировании (ареалах, зонах) основных современных хозяйственных и культурных форм в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

При этом следует учитывать ту особенность современности, что в развитии хозяйственных и культурных форм большую, подчас решающую (и не всегда положительную) роль стали играть факторы социального, политического (деятельность партии и государства) и индустриального, научно-технического (индустриализация, механизация сельского хозяйства, НТР и т.п.) характера.

В связи с вопросом об уточнении, или вернее, конкретизации содержания ХКТ возникает вновь вопрос и о возможности примене-

ния этого понятия по отношению к данному конкретному району, региону. Ведь концепция и сама формулировка ХКТ имеют, скорее, глобальный характер и на роль инструмента для характеристики хозяйственно-культурных форм отдельного региона, и тем более области и района не очень рассчитаны. Мы уже говорили об этом и приводили объективную причину подобного положения. На фоне бесчисленного множества перечней и классификаций хозяйственно-культурных форм, осуществленных представителями разных прагматических, идеалистических, эмпирических, экологических и других подобных направлений и школ (эволюционистов, культурных кругов, диффузионистов, географических детерминистов и экологистов, энвайрон-менталистов и т.п.), советские ученые С.П. Толстов, М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров предложили диалектическое понимание закономерностей развития хозяйственно-культурных форм, обрисовав картину их зарождения и развития для человечества в целом. Они сформулировали общую (глобальную) концепцию хозяйственно-культурной картины мира вместо многочисленных представлений о формах миропорядка.

Задача была фундаментально решена, а сами авторы концепции в содружестве с другими исследователями создали несколько стадийных и синстадийных глобальных классификаций хозяйственно-культурных форм и целый ряд карт на их основе. Инструментом в создании этой глобальной хозяйственно-культурной картины мира послужило предложенное ими понятие ХКТ. По их мнению, ХКТ – это “исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития” [141. С. 4]. В эту формулировку вносились отдельные уточнения и добавления. Одним из важнейших нам представляется уточнение С.И. Брука и В.И. Козлова – о взаимосвязанности особенностей хозяйства и культуры [28. С. 15] (по-видимому, можно было бы говорить и об относительной, частичной взаимообусловленности). В.И. Козлов внес и другое уточнение – не просто “определенный”, а “одинаковый уровень социально-экономического развития народов” [134. С. 96–97]. Однако нам думается, что корректнее и содержательнее уточнение Н.Н. и И.А. Чебоксаровых, заменивших характеристику “определенный” выражением “близкий уровень социально-экономического развития” [202. С. 169]. Я.В. Чеснов считает необходимым подчеркнуть органическую связь ХКТ с историко-культурной областью (ИКО) [206. С. 24–25]. Б.В. Андрианов полагает, что речь может идти о народах, различных по происхождению [70. С. 95], а Ю.В. Бромлей обращает внимание на то, что имеются в виду народы различных частей ойкумены [87. С. 33; 86. С. 130].

С учетом этих уточнений и дополнений и была составлена наша рабочая формулировка ХКТ: исторически сложившиеся комплексы

взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, как единых, так и различных по происхождению, обитающих как в одном, так и в нескольких регионах ойкумены в сходных естественно-географических условиях и находящихся на близком уровне социально-экономического развития. Таким образом, концепция ХКТ служит в конечном счете, по словам Ю.В. Бромлея, делу выявления общего и особенного в этнографической картине мира, в образе жизни, культуре и психологии [87. С. 268].

Именно этим объясняется и отсутствие конкретного перечня критериев ХКТ и, по-видимому, недостаточность исследований по ХКТ отдельных народов и даже регионов. Нам представляется необходимым, оставив ставшую уже хрестоматийной формулировку ХКТ Левина–Чебоксарова без изменений, выработать на ее основе конкретное определение, которое могло бы быть инструментом в хозяйственно-культурной характеристике (описании) отдельных регионов, областей, районов, народов.

Разумеется, нельзя отказываться и от общей формулировки при выборочном описании районов или народов. Скорее всего необходимо учитывать разные мнения при выявлении общего и особенного в хозяйственно-культурных чертах исследуемого объекта.

Концепция Левина–Чебоксарова не содержит частных. Однако составленное на ее основе определение в применении к отдельному народу (району) могло бы быть в известной мере конкретизированным, распространенным (от общего к частному) по отдельным компонентам ХКТ. При этом конкретная формулировка вовсе не означает, что она будет привязана к какому-то одному объекту. Ведь речь идет о понятии, которое позволяло бы последовательно сгруппировать хозяйственно-культурные особенности определенного объекта “А” (района, народа) в комплекс хозяйственно-культурных признаков. Вместе с тем это понятие должно стать универсальным. Это значит, что его можно использовать для характеристики бесконечного ряда объектов. Иными словами, формула должна быть конкретной, применимой в частных случаях, но одновременно она должна иметь всеобщий глобальный характер. В самой формуле глобальность не будет отражена (например: “особенности народов, обитающих как в одном, так и нескольких регионах ойкумены”), но она (формула) должна быть такой, чтобы ее было возможно применить для описания любого народа.

С учетом этих положений и обстоятельств можно предложить формулировку ХКТ “местного значения”, т.е. хозяйственно-культурного ареала (ХКА): ХКТ – исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характеризующий их состояние у народа (в регионе, области, районе) во взаимоотношении с экологией и уровнем экономического и общественно-политического развития, и в частности с общественным разделением труда.

Существенной особенностью местного (частного) ХКТ является его территориальная определенность (привязанность), выраженная ареальность. Фактически – это реализация на конкретной территории общей формулы ХКТ как динамического стереотипа. Являясь ареальным комплексом хозяйственно-культурных черт, он одновременно становится и единственным в своем роде феноменом и одним из многих таких же, которые могут быть выявлены сходными методами и принципами классификации и типизации у других народов. Таким образом, если в общей формулировке мы имеем дело с типологизированным комплексом хозяйственно-культурных черт, обобщением, динамическим стереотипом, служащим для типологизации в глобальном масштабе, то местный тип хозяйств представляет собой реализацию этого стереотипа на конкретной территории, у определенного народа.

Отметим в связи с этим, что Ю.В. Бромлей считает возможным говорить о “системообразующей роли и типов традиционного хозяйства, в таком случае, – полагает он, – мы будем иметь хозяйственно-культурные ареалы”, каждый из которых “представляет конкретное выражение того или иного” ХКТ [86, С. 50].

Поскольку ХКТ не соотносится с этносами, можно, следовательно, исходить из посылки, что реализация ХКТ у того или иного народа является лишь результатом того, что этот народ оказался на определенной территории, объединенной единством экологии, хозяйства и уровня общественного развития. Поэтому следует говорить о реализации хозяйственно-культурного стереотипа именно на данной территории, т.е. возможна только реализация ХКТ, но не его этнизация.

В связи с типологизацией глобальной сущности ХКТ и территориальной выраженностью его реализации, есть, по-видимому, смысл внести какие-то терминологические различия в оба эти понятия – общее и частное.

Таким образом, конкретное выражение ХКТ предпочтительнее всего назвать хозяйственно-культурным ареалом или, в применении к современности, как это сделано некоторыми исследователями – хозяйственно-культурной зоной*.

Естественно, что и в ХКА главным компонентом является хозяйство. Не случайно Ю.В. Бромлей говорит о системообразующей роли именно типов традиционного хозяйства [86, С. 50]. Ведущая отрасль хозяйства (или соотношение отраслей) обуславливает единство ХКТ и представляет собой “всегда одну из главных сторон общественного разделения труда” [74, С. 8]. В комплексном сочетании с природно-географической средой экономическое развитие во

* Впервые, насколько нам известно, термин “хозяйственно-культурная зона” в применении к данному понятию (ХКТ) был применен С.П. Толстовым [192, С. 8].

многом определяет и особенности культуры и этнокультурных традиций [206, С. 23; об этой определяющей роли экологии и хозяйства см. также: 133, С. 74; 141, С. 4; 146, С. 23].

В XX в. эта ведущая, определяющая роль экономики осталась. Правда, можно было бы ожидать, что у советских хозяйств отличий было меньше, чем у традиционных (воздействие индустриализации, урбанизации, НТР), но все-таки различия в природно-географических условиях по зонам существенно сказываются на типах сельского хозяйства. В частности, сохраняются существенные особенности в типе земледелия (особенно орудиях), ирригации, формах скотоводства, отходничестве.

В соответствии со степенью индустриализованности хозяйства, внедрения достижений НТР как в регионе в целом, так и по отдельным районам (зонам) намечаются и дифференцирующие элементы в культуре (жилище, одежда, пища и др.).

Вопрос о компонентах ХКТ в индустриальную эпоху носит, однако, более общий, принципиальный характер, так как правомерность его постановки остается открытой. Имеются высказывания крупных исследователей о несовместимости ХКТ и индустрии, НТР, о том, что “в эпоху НТР значение в общественном производстве ХКТ быстро уменьшается и сокращается ареал их распространения”. Правда, потом авторы добавляют, что “и теперь еще свыше 1,3 млрд людей ведут полунатуральное аграрное хозяйство и так или иначе связаны с традиционными ХКТ” [74, С. 16]. Примерно в этом же ключе высказывается и известный исследователь С.И. Брук. Он считает, что классификация ХКТ и ИКО Левина–Чебоксарова “отражает не столько нынешний, сколько традиционный культурный статус и пригодна прежде всего не для развитых, а для отставших в своем развитии народов” [88, С. 44]. Таким образом, сама идея, концепция ХКТ признается годной только для отсталых, задержавшихся в своем развитии форм хозяйства и культуры. Если придерживаться этой точки зрения, то наше исследование фактически является беспредметным, даже надуманным – нельзя исследовать то, чего на самом деле не существует (хотя, по-видимому, и доказательство того, что ХКТ не существуют, перестали существовать, и раскрытие причин и механизмов этого исчезновения также могло бы считаться актуальным исследовательским поиском).

Есть, однако, и другие мнения. Так, утверждение Я.В. Чеснова о “главенствующем значении социально-экономических процессов и прежде всего общественного разделения труда” в сложении ХКТ, которые “нельзя рассматривать только лишь как формы адаптации к различным экологическим средам” [207, С. 78, 80, 87], содержит, по нашему мнению, ключ к правильной интерпретации вопроса об исторических этапах, эволюции и трансформации ХКТ.

Историзм этого понятия вовсе не означает обязательность исчезновения ХКТ в индустриальную эпоху. Во-первых, хозяйствен-

ные и культурные ареалы можно считать историческими категориями, так как они различаются по эпохам. Во-вторых, в традициях, в быте и культуре, в психологических стереотипах населения, занятого в тех или иных отраслях промышленности, встречаются хозяйственно-культурные и бытовые отличия. Вряд ли можно ставить знак равенства между хозяйственно-культурными чертами, например, нефтяников Туркмении и золотодобытчиков Якутии, шахтеров Донбасса и работников консервных заводов Дагестана.

Тем более правомерной представляется постановка вопроса о хозяйственно-культурных различиях в регионах с преобладающим сельским хозяйством, пусть даже и механизированным с учетом достижений НТР.

Поэтому нам предоставляется более правильным суждение В.В. Пименова. Он отметил, что “концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей” имеет в сущности историческую направленность, и выделенные на ее основе регионы описывают не современную, а прошлую реальность. В то же время исследователь считал, что определение “современных этнокультурных областей ... остается еще не решенной научной проблемой” [172. С. 11].

Справедливости ради отметим, что несколько ранее Н.Н. Чебоксаров (в соавторстве с Линь Яо Хуа) иначе рассматривал этот аспект проблемы эволюции и трансформации ХКТ: вначале указав, что при капитализме ХКТ постепенно разрушаются “или видоизменяются и входят в состав новых зональных экономических и культурно-бытовых комплексов”, он затем добавляет, что ХКТ существуют и в эпоху социализма и имеют перспективы развития в будущем [142. С. 6]. Несколько позднее он отметил, что выделение ХКТ необходимо при изучении всех ступеней социально-экономического развития от первобытнообщинного строя до социализма, и что многие из них, базирующиеся на плужном земледелии и животноводстве, имеют перспективы для “дальнейшего существования” и “прогрессивного развития” и в социалистическую эпоху [203. С. 92]. В работе Н.Н. и И.А. Чебоксаровых также указывается, что ХКТ “на принципиально новой социально-экономической базе продолжают существовать в деревне и в эпоху социализма” и даже “имеют все перспективы прогрессивного развития и в будущем” [202. С. 170–171].

Таким образом, признается, что индустриальная экономика и эволюция общественного строя приводят к большим изменениям в ХКТ. Исследователи пришли к выводу, что, наряду с их разрушением, происходит их вхождение в новые зональные экономические и культурно-бытовые комплексы.

Несомненно, что ХКТ в советскую эпоху претерпевают радикальные изменения. Очень велик комплекс общественно-политических, социально-экономических, культурно-бытовых, морально-психологи-

ческих, диффузионно-унификационных, этнических взаимодействий и других факторов, которые вызвали процессы преобразования и даже разрушения традиционных ХКТ, воссоздания на их основе новых, отвечающих новой экономико-культурной ситуации.

Важное значение для этих процессов имели экономические мероприятия советской власти: передача земли крестьянам, восстановление промышленности и транспорта. Однако начало экономических преобразований, приведших к перестройке старых ХКТ, относится к периоду механизации сельского хозяйства. До этого ни передача земли, ни начало индустриализации, ни целенаправленная работа по усилению смычки между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством к серьезным структурным изменениям не привели. Это и понятно, ибо развитие сельского хозяйства до механизации главным образом заключалось в восстановлении дореволюционного уровня экономики.

Да и после успехов механизации и НТР нельзя говорить о большой степени унификации хозяйства отдельных районов Дагестана. И причиной этому служит различие в природно-географических условиях этих районов, зон. Хотя мы много говорим о покорении природы, но зависимость хозяйства от ландшафта, климата, особенностей почв, осадков, растительности и т.п. остается. Печальный опыт человечества учит, что организовывать хозяйство надо с учетом этого обстоятельства. Ведь никакая архисовременная техника не может дать организму продукты, обеспечивающие его существование и воспроизводство. И оттого как устроены те или иные компоненты природы, как они “поданы”, человек организует сельское хозяйство.

Экологические комплексы, которые отличаются друг от друга в пределах одного региона, вызывают и соответствующее разнообразие хозяйственных типов. Особенно четко подобное размежевание наблюдается в регионах, где имеются горы (наравне с равнинной). Другие ландшафты, кроме горного, в эпоху индустрии и наступления человека на природу (иначе этот процесс не назовешь) могут быть унифицированы, сглажены, видоизменены, приспособлены под интересы специализированного хозяйства. Например, полупустыня, служившая для экстенсивного зимнего выпаса скота, превращается в результате мелиорации в современную хлопковую плантацию или рисовое поле, сад, виноградник и т.п. Тем самым полупустыня теряет первозданный облик, радикально изменяется хозяйственный тип данной местности: старый (настбищное скотоводство) исчезает полностью, новый уподобляется хозяйственному типу, который исторически до этого соседствовал с полупустыней. Подобный процесс происходил и на дагестанской равнине, и он сказался на расширении зоны распространения ХКТ равнинных плужных земледельцев и животноводов Дагестана. Однако для горной части такое резкое перерождение хозяйственного типа невозможно, поскольку оно обусловлено возможностью резкого изменения части экологических условий.

Лишь открытие полезных ископаемых (минеральных, рудных и др.) коренным образом может изменить обстановку в горах, но в сторону создания промышленного типа хозяйства и урбанизации быта. Если не считать этого обстоятельства, во всех других случаях преобразование хозяйственного типа происходит лишь на фоне не изменившейся экологии. Поскольку население большинства горных стран достигло исключительных результатов в приспособлении к местным условиям, то его развитие в новой ситуации оказывается возможным только в усовершенствовании традиционного хозяйственного типа.

Вместе с тем индустриальная экономика, поставленная на рельсы планового хозяйства, не всегда способствовала унификации хозяйственных форм. Одной из важнейших черт развития ХКТ в условиях развитой (индустриальной, с механизированным сельским хозяйством) экономики являются новые закономерности их сопряженности. В этом громадную роль играли как законы функционирования экономики, так и деятельность правительства, которое руководствовало не только чисто экономическими соображениями, но и необходимостью развития бывших национальных окраин царской России.

Поэтому в распространении, существовании, даже выживании ХКТ в советское время исчезла былая жесткость их приспособления и соответственно районирования. Если раньше хозяйственный облик, например среднегорного и отчасти высокогорного Дагестана и соответствующий ХКТ, определялся не столько благоприятными природными условиями для определенной отрасли хозяйства (земледелия), сколько настоятельной потребностью населения в зерне, хлебе и отсюда укоренившейся традиционностью самого, хотя и слабо развитого земледелия, то в условиях целенаправленной торгово-экономической политики правительства подобная вынужденность, связанная с большими непроизводительными затратами труда и средств отпала. Разделение труда (и соответственно продукции) стало результатом не только географии и хозяйства, но и целенаправленной политики (в данном случае зерно, хлеб стали поступать через государственную и кооперативную торговую инфраструктуру).

Таким образом, с одной стороны, существование ХКТ в наше время обуславливается сохранившейся ролью экологии в формировании определенной отрасли хозяйства (или соотношения отраслей), с другой – эти сохранившиеся или заново сложившиеся ХКТ подвергаются настолько большим структурным и пространственным изменениям, что приложение их к хозяйственно-культурному облику дореволюционного Дагестана просто невозможно.

Необходимо учитывать, что хотя природа и в современную эпоху обеспечивает биологическое существование человека, все-таки в огромной степени возросла независимость человека от ее конкретных проявлений, прежде всего от ландшафтных особенностей, от

буйствования стихий и масштабности. Если для изучения тайги или нагорий терялись месяцы и годы, то теперь с помощью авиационной и иной техники это можно сделать за часы и дни. Соответственно уменьшилась (в некоторых случаях исчезла) зависимость культуры от экологии.

В современной формуле взаимодействия человека и природы произошло сильное смещение акцентов. Она как бы перевернулась: если раньше вопрос стоял о приспособлении человека к условиям экологической среды, то в индустриальную эпоху человек не только во многом приобрел независимость в общении с природой, но и начинал подминать ее под себя, под свои индустриализированные и химизированные экономику и быт. Конечно, и раньше человек наносил раны природе, иногда существенные. Об этом говорил Ф. Энгельс, когда указывал на пример альпийских итальянцев, вырубивших “на южном склоне гор хвойные леса” [2. С. 496]. Но те раны наносились природе постепенно, в течение столетий и тысячелетий, больше косвенным образом, совершенно без понимания взаимосвязи между своими хозяйственными действиями и наступившими впоследствии экологическими бедствиями и катастрофами. Да и не могли они этого знать, так как последствия наступали через многие века. Это подчеркивал и Ф. Энгельс, когда добавил, что итальянцы “не предвидели, что этим подрезывают корни скотоводству в их области, еще меньше они предвидели, что этим лишают свои горные источники воды на большую часть года, с тем еще эффектом, что тем более бешеные потоки они будут изливать в долину в период дождей” [2. С. 496].

К сожалению, и в современном хозяйстве ведомственные барьеры и экономическое местничество нередко порождают вредоносные для природы действия (что очевидно даже для дилетанта). Так, строители дорог проводят их через ценное месторождение мрамора и фактически уничтожают его, мелиораторы, не подумав, осушают болота и вызывают обмеление рек, а химики загрязняют их, делая воду непригодной не только для питья и пищевых нужд человека, но и даже для купания, технических целей, полива. Как ни грустно, но и наука, особенно популярная, приложила руку к этому безжалостному, неразумному, непрактичному наступлению на экологию, которое не просто уничтожает существующее, но и не дает генерировать природе. В различных изданиях на все лады воспевается необъятность нашей родины, неисчислимость ее природных богатств, в том числе рек, озер, лесов, рыбы, птицы, полезных ископаемых и т.д. Не это ли привело к губительному расточительству в расходовании ресурсов?

Некоторые цифры просто ужасают: из одной тысячи кубов заготовленной древесины у нас в стране получают 27,3 т бумаги и картона, а в Швеции – 129, в США – 137, в Финляндии – 164 т [209].

Владея суммой современных знаний о нашей планете, вооруженные всеми новейшими достижениями аналитической футурологиче-

ской науки с использованием новейших компьютерных установок, многие хозяйственники, тем не менее, во имя сиюминутной выгоды пускают дело использования ресурсов на поток неумеренного разбазаривания, безвозвратной потери и уничтожения. В этом они уподобляются крестьянам древности и средневековья, тоже выбиравшим более легкие пути ресурсопользования, однако с существенной разницей – последствия действий крестьян были не столько масштабны и сказывались через века, и они не ведали что творят – здесь ведают, но не могут остановиться. Этим хозяйственникам следовало бы помнить о предостережении Ф. Энгельса: “Не следует слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитываем, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых” [2. С. 495–496].

В этом отношении следует прислушаться и к мнению представителей экологической этнографии. Вот одно из их краугольных положений: “В процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и соответственно бывает вынуждена приспосабливаться к тем постоянным изменениям среды, которым сама положила начало” [219. С. 23] – почти по Энгельсу.

Впрочем, эта закономерность сформулирована и Ю.В. Бромлем, который, указав на воздействие этноса на природу через сферу производства и изменение в результате этого географической среды, заметил, что “в свою очередь такие изменения географической среды оказывают обратное воздействие на этнос, подчас играя весьма существенную роль в его судьбах” [87. С. 164].

Не является исключением из этого положения и Дагестан. При чем особенности его орографии, состояния почв, растительности, климата обусловили ярко выраженную чувствительность ко всякого рода экологическим перегрузкам. Особую роль играла в этом скалистость поверхности и сухость климата.

На окультуренных землях, пахотных угодьях ирригация отчасти компенсирует недостаток влаги, поэтому последствия насилия над экологией заметнее на лесных массивах и пастбищах.

Существует понятие емкости пастбищ (количество голов разных видов скота, которое можно пасти на 1 га). Например, для выпаса одной головы крупного рогатого скота (далее: КРС) требуется 1 дес. летнего лугового пастбища (по другим подсчетам – 0,75 га хорошего летнего пастбища или 1,5 – среднего) [211. С. 102; 85. С. 55]. Емкость пастбищ на Терско-Кумской низменности Дагестана оценена в 100–150 голов овец на 100 га пастбищ (при 3–4 ц поедаемой массы с 1 га), емкость Ногайских пастбищ – в 150 голов овец на 100 га, Кизлярских – в 100, Присулакских – в 250 голов [103. С. 98; 171. С. 23]. Правда, продуктивность горных пастбищ была намного вы-

ше – 10–12 ц сухой массы с 1 га и соответственно в несколько раз более высокой была и их емкость [190. С. 265; 200. С. 118]. При этом почти никакого регулирования использования пастбищ не наблюдалось (в пределах тех сведений и материалов, разумеется, которые нам удалось собрать).

Каков бы ни был резерв пастбищ в колхозе или совхозе, всячески поощрялось неконтролируемое увеличение поголовья скота. Положение усугублялось тем, что в каждом населенном пункте имелось, помимо общественного, и стадо, принадлежащее индивидуальным владельцам. Поголовье последнего практически не контролировалось. И еще одно: раньше община строго следила за тем, чтобы соблюдалось не только посезонное использование пастбищ, но и разделение их по отдельным видам скота. Община справедливо исходила из того, что содержание рабочего и молочного скота является первоочередным делом. К сожалению, современные местные власти мало занимаются этими вопросами и поэтому часто случается, что молочный скот остается без выпасов. Пастбища, отведенные для сельского необщественного скота фонда, оказываются выеденными отарами овец частных владельцев, причем выпасают они без всякой системы, огульно, с затапыванием нетронутых участков. Раньше, например, почти повсюду нельзя было летом держать овец в ауле, ибо в этом случае, выпасаясь на присельских пастбищах, они сокращали кормовые ресурсы сельского стада рабочего и молочного скота. В советское время рабочий скот стал принадлежать общественному хозяйству, поэтому ослабло внимание местных советов к сельским выгонам. Им казалось, что раз эта проблема (использования выгонов для необщественного скота) не касается общественного хозяйства, плановых показателей, то можно ею и не заниматься. От этого пренебрежения возникла другая ситуация. Общественные хозяйства стали использовать сельские выгоны для своих нужд, в том числе под распахку, прикрываясь демагогической фразеологией об интересах общественного хозяйства по сравнению с хозяйством частника.

Положение осложнилось в последние десятилетия, когда колхозы и совхозы вынуждены были активизировать поиски новых участков под виноградные плантации.

В результате сельские выгоны и особенно покосы сильно сократились, а имеющиеся эксплуатируются таким образом, что превращаются в голые склоны, затоптанные полупустыни. Описав подобное положение в своем селе, наш респондент заключил: “И еще удивляются, что коровы дают мало молока. Как же им его давать, если все только и думают о том, чтобы увеличить поголовье скота, а хватает ли для этого пастбищ, никто не задумывается. А раньше такие перегрузки не допускались. Вот почему наши коровы давали в прошлом полпуда молока, а теперь 2–3 кг”. Он привел такие цифры (с. Луткун): раньше овец в ауле было 400, ныне до 5 тыс. при 1 тыс.

голов КРС (из них 360 коров), хозяйств в ауле – 360 [52. С. 228–229]. По документальным данным в с. Луткун в 1886 г. было: 133 хозяйства, 361 голова КРС, 9 лошадей и 804 головы мелкого рогатого скота (далее: МРС) [10. С. 208–209]. При этом надо учесть, что ресурсы кормовых угодий на месте, т.е. для летнего выпаса, и особенно выгоны, не увеличились (последние даже уменьшились). Даже при нашем скромном опыте мы имели возможность наблюдать как выгоны для сельского стада (принадлежащие индивидуальным владельцам) во многих аулах урезались со всех сторон на самые различные нужды (распашка, дороги, общественные здания, промышленные предприятия и т.п.). Не последнюю роль в этом сыграло и индивидуальное строительство, под которое, в отличие от прошлого, отводятся лучшие, в том числе пахотные угодья.

Все это не могло не привести к ухудшению экологической ситуации, выразившейся, в частности, в деградации пастбищ, усилении эрозионных процессов.

Достаточно взглянуть на летние пастбища по всему высокогорью или на зимние пастбища Ногайской степи, как убеждаешься в этом без всяких доказательств и статистических выкладок*. Проблема эта имеет достаточно острый характер во всероссийском масштабе.

Таким образом, следует, по-видимому, исходить из того, что экология, природно-географические условия существенно влияют на характер деятельности и современного человека, на тип его хозяйства, выбор занятий, соотношение отраслей, их взаимосочетаемость, масштабность и удельный вес. В этом взаимодействии человека и природы, роль последней значительно уменьшилась. Она уже не имеет былого значения в биологическом совершенствовании человека, в механизме и закономерностях развития человека как социального вида, т.е. в развитии общества. В большей степени, чем в социальном развитии, должно ощущаться воздействие экологии на закономерности формирования и развития культуры, поскольку многие компоненты последней связаны, опосредованы через хозяйство, в той или иной степени определяются им, не говоря уже о том, что частично это воздействие имеет и прямой, непосредственный характер.

Таким образом, экология остается полем (фоном) хозяйственной и культурной деятельности человека, причем не просто фоном, а средой с механизмом частичной регуляции этих видов деятельности.

Ландшафтно-зональное районирование, сохранившись в целом, претерпело ряд изменений, связанных с современной деятельностью и техническими возможностями человека. В то же время, поскольку изменились принципы утилизации сельскохозяйственных угодий, возросло значение возможности (или невозможности) использования современной техники и достижений НТР, возник “эффект при-

* Из 2 млн 398 тыс. га естественных кормовых угодий пастбищной эрозии подвергнуты 2,3 млн га, т.е. почти все пастбища [186. С. 72, 76].

менимости” техники для разных зон, возникли и новые стороны, нюансы зонального размежевания или районирования. Наибольшую роль в четкости размежевания сыграли современная техника и ирригация, в огромной степени увеличившие разницу в природно-географических условиях и возможностях как в смысле их объективной данности, так и функциональных потенций. Значение ирригации станет понятным, если учесть, что 75% пашни республики “размещено в острозасушливых условиях, 16% – в условиях необеспеченной богары и лишь 9% – в условиях более или менее обеспеченной богары” [186. С. 73]. Но 1 ноября 1981 г. в республике имелось 189,6 тыс. га (в 1985 г. – 289,7 тыс.) “орошаемых земель, и на них производилось около 75% зерна, 83% овощей, 77% плодов и 69% винограда” [186. С. 75; см. также: 26. С. 79]. Отсюда ясно, что наличие, отсутствие или преобладание орошения в любой зоне решающим образом сказывалось на облике хозяйственного типа, быте населения, его культуре.

В известном смысле можно говорить, что изменения в ландшафтно-зональном районировании выразились в современной зонально-сельскохозяйственной интерпретации существующих природных зон.

Наибольшие изменения претерпел облик хозяйственного типа равнины, обусловленные в первую очередь расширением клина орошаемых и обводненных земель и ростом сельскохозяйственной техники, возможности применения которой в других зонах ограничены.

Орошение и обводнение увеличили площадь пашни и соответственно ареал распространения типа равнинных плужных земледельцев, сократив одновременно зону полупустыни, используемой до этого для зимнего выпаса скота. Возрос удельный вес равнинного земледельческого хозяйственного типа в народном хозяйстве республики. Равнинный ХКТ становится не только самым большим по своему удельному весу и масштабу, но и ведущим для экономики остальных зон (районов, ареалов). Его культура, развитие которой было в той или иной мере обусловлено НТР, урбанизацией (все города находятся на равнине или в нижнем предгорье), имела наибольшие предпосылки и возможности для новшеств и заимствований, смены культурных компонентов. Поэтому она также приобрела ведущую роль в развитии и преобразовании республики.

Предгорье в условиях прогрессирующей поляризации хозяйственных и культурных комплексов равнины и горной зоны стало советское время еще более “нейтральным” в обоих компонентах ХКТ, все более “размываемым” и уподобляясь на своих границах горному и равнинному ХКТ.

Зато в пределах горной части приобретал большую выраженность и определенность долинный хозяйственный тип. Хотя во многих своих элементах культуры он аналогичен среднегорному, не выделяется из него, все-таки отдельные особенности позволяют гово-

речь о выделении долинного подтипа. Следует отметить, что значительную роль в более четком становлении долинного подтипа сыграли построенные здесь фруктово-консервные заводы и обеспечение населения привозным хлебом через государственную и кооперативную торговлю.

Большая часть среднегорья из земледельческой, какой она была в прошлом, превратилась в скотоводческую. Предпосылка здесь та же, что и в долинах – легкий, дешевый привозной хлеб привел к упадку земледелия, занятие которым было сопряжено с огромными физическими нагрузками и трудностями и при этом не обеспечивало полностью потребностей в зерне. Это сопровождалось интенсивным процессом забрасывания пахотных, особенно террасных земель в среднегорье.

По данным специалистов-аграрников площадь заброшенных одних только террас на горных склонах достигает солидной цифры в 26 тыс. га [186. С. 77, 78]. Естественно, что в среднегорье, в отличие от долин, новая специализация произошла на базе более удовлетворяющей местным условиям отрасли хозяйства – скотоводстве. Более того, в условиях государственного обеспечения зимними равнинными пастбищами среднегорные скотоводческие хозяйства, оказавшиеся как бы посередине между высокогорными и равнинными пастбищами, получили наиболее благоприятные условия для ведения интенсивного отгонного скотоводства, тесно сопряженного с равнинным кутанным хозяйством.

Характерно, с этой точки зрения, что первенство по количеству содержащихся овец держат такие близкие к высокогорью среднегорные районы, как Гунибский (184,0 тыс. голов), Акушинский (197,6 тыс.), Хунзахский (168,5 тыс.), а не высокогорные, скажем, Агульский (68,7 тыс.), Тляратинский (111,7 тыс.), Цунтинский (50,2 тыс. голов) и т.д. Такая же картина и в отношении КРС: Гунибский – 28,9 тыс. голов; Акушинский – 28,2 тыс.; Хунзахский – 28,0 тыс., а Агульский – 11,9 тыс.; Тляратинский – 22,2 тыс.; Цунтинский – 13,9 тыс. голов (цифры даны за 1986 г.) [26. С. 107, 111].

В результате, преобладающая часть среднегорья приблизилась по хозяйственному профилю к высокогорью, и в обеих частях сформировался единый хозяйственный тип современного отгонного скотоводства, сопряженного с равнинным кутанным (кормопроизводящим) хозяйством.

Таким образом, в советское время изменилась территориальная протяженность зон. В частности, увеличился ареал равнинной зоны за счет обезлесения части предгорной. Последняя почти потеряла самостоятельное значение. Однако существенные перемены в экологической сфере не могли произойти за столь короткий (геологически, географически) срок. Они состоялись лишь в районировании хозяйственной специализации районов. В этом отношении можно вполне определенно говорить, во-первых, о сохранении и даже уси-

лении определенности и четкой разграниченности зональной хозяйственной специализации; во-вторых, об изменении ареалов основных хозяйственных типов; в-третьих, о сильной трансформации зональных хозяйственных форм; в-четвертых, об определенной дифференцированности культурных форм по зонам. При этом следует отметить разную степень дифференцированности (и интегрированности на себя) ХКТ отдельных зон (ареалов).

Равнинный хозяйственно-культурный ареал, отличавшийся в прошлом прежде всего типом земледелия, основным пахотным орудием, системой земледелия, спецификой садоводства, орошения, формами скотоводства, особым положением промыслов и отходничества, некоторыми особенностями культуры, как бы развил именно основные свои дифференцирующие черты и этим в еще большей степени стал хозяйственно и культурно (в меньшей степени) дифференцированным и интегрированным. Тракторный плуг (механизация всей пахоты – на 100%), интенсивный севооборот, развитая сеть современного орошения (сравните: “основные орошаемые земли Дагестана расположены в равнинной зоне республики”) [186. С. 80], комбайнирование почти всего зерна, промышленное плантационное виноградарство и садоводство (85% винограда и половина плодов республики) [158. С. 68, 83], высокая степень механизации производственных процессов в земледелии, стационарные формы скотоводства с прогрессирующим удельным весом стойлового содержания и др. – все это четко выделяет равнинный хозяйственно-культурный ареал среди других.

Противоположного характера метаморфозы произошли с горным типом земледельцев и скотоводов. Как уже указывалось, земледелие как ведущая отрасль хозяйства утратило свои позиции и удельный вес, и поэтому хозяйственный тип уже не мог быть земледельческим (в сочетании со скотоводством). С одной стороны, производство зерна стало совсем незначительным. С другой стороны, увеличился удельный вес садоводческой отрасли (24% плодов республики [см. 158. С. 110] – это при всех преимуществах равнины и предгорья для садоводства), приведший к становлению в рамках горной зоны горно-долинного подтипа горного и высокогорного садоводства и животноводства. Автор очерка по экономической географии юга России, касаясь истории республики 20-х годов, указывал, что в отношении садоводства Дагестану принадлежит “блестящая будущность”, причем имел он в виду главным образом горные долины [157. С. 402]. Отметим, что в прошлые эпохи, особенно до XIX в., во многих долинных селениях существовала традиция, по которой садовый участок в долине, внизу у реки, могли заводить лишь те общинники, которые имели землю для зерновых культур на верхних склонах. В противном случае долинный участок не мог использоваться под садовые насаждения в силу необходимости отведения его для зернового поля. Это понятно: в условиях постоянного недостатка хлеба, испытываемого населением гор, общи-

на применяла меры, должностующие обеспечить членов общины его минимумом, и одной из этих мер была обязательность наличия минимального зернового клина у каждого члена общины. Этот пример из прошлого делает достаточно ясными причины упадка зернового земледелия в горном Дагестане в условиях централизованного снабжения жителей хлебом (мукой) через государственную торговую и кооперативную сеть. Разумеется, это произошло потому, что земледелие носило здесь всегда нерентабельный, связанный с огромными трудностями и физическими нагрузками характер.

Таким образом, вместо бывших в досоветском Дагестане трех хозяйственно-культурных ареалов: равнинных земледельцев-скотоводов, горных (среднегорных) земледельцев и скотоводов, высокогорных скотоводов и земледельцев, с превалирующими в каждом из них особым типом земледелия (равнинное плужное, среднегорное ральное террасное, высокогорное ральное склоновое) и формами скотоводства (стационарные на равнине, отгонные в среднегорье, подвижные в высокогорье), складываются путем коренных или частичных их трансформаций новые ХКТ (ареалы). Это – равнинный ареал плужного механизированного и ирригационного земледелия и стационарного молочно-мясного скотоводства, горный (с охватом среднегорья и высокогорья) отгонных скотоводов и земледельцев (незначительного земледелия, с долинным садоводством).

В районировании ХКТ, складывании хозяйственно-культурных ареалов возросло значение надобластных факторов, конкретно не связанных с внутренним географическим разделением труда в республике и относящихся больше к сфере общесоюзных задач и закономерностей развития экономики. Например, в прошлом слабое развитие скотоводства на равнине, так же как и зернового земледелия в горной части, было результатом внутриобластного разделения труда, отсталость отрасли в одном районе (зоне, ареале) компенсировалась ее развитостью в другом, а их взаимодополнение осуществлялось посредством механизма взаимного обмена. Функционирование развитой системы базаров-ярмарок было спланировано таким образом, что владельцы товаров и покупатели могли в течение нескольких дней последовательно попасть на несколько ярмарок. При этом учитывались и специализация ярмарок (преобладание определенных товаров) и расстояния между ними. Такой порядок учитывал разнородные интересы продуктообмена различных районов, а внутри них – микрорайонов и отдельных сел, и довольно успешно обеспечивал взаимное удовлетворение их торгово-экономических запросов. В эпоху же промышленной индустрии, и особенно плановой социалистической экономики, произошли ослабление хозяйственно-культурных связей между отдельными природно-хозяйственными зонами, ибо большая часть хозяйственных и культурных потребностей населения отдельных зон осуществлялась через общереспубликанскую (союзную) и городскую инфраструктуру.

Население горной части Дагестана, например, удовлетворяло потребность в хлебе уже не трудом равнинных земледельцев, а через государство, кооперацию, планово, с учетом количества нуждающегося в хлебе и хлебопродуктах населения. Заметно ослабли и иные обменные связи – разделение труда, различия в профилях хозяйства не сопровождались такой же четкой и интенсивной обменной деятельностью. Так, раньше крестьянин знал, на какой базар следует идти, чтобы приобрести определенный продукт. Губденский базар никак не походил на Кумухский, а Хунзахский – на Боглихский. Впоследствии базары и ярмарки потеряли свои особенности. Это не только сузило поле экономического общения, но и повлекло ослабление культурных связей. Известно немало бывших троп и аэробных дорог, соединявших в прошлом те или иные селения и ныне совершенно заброшенных, забытых. Соответственно стал меньше срабатывать и эффект дву- и трехязычия. Конечно, главную роль сыграли в этом как русский язык, ставший языком просвещения, так и уменьшение товарообмена. Нам уже приходилось отмечать, что подобные связи обуславливали не только знание языков соседних этносов, дву- и даже трехязычие, но и характер двуязычия. Поскольку главным продуктом, в котором особенно нуждались горцы, был хлеб, то его обладатели имели преимущество: им не приходилось вывозить зерно за пределы аула или ближайшего базара – за ним приходили нуждающиеся в нем.

А вследствие этого срабатывал и механизм необходимости приспособления и в языковом отношении – язык учат те, кто приходит за хлебом со своим товаром. Поэтому не равнинные кумыки учились аварскому или даргинскому, а горцы – аварцы и даргинцы – кумыкскому. В феномене двуязычия, активности или пассивности языков разных этносов наличествуют и другие факторы – политическое господство одного этноса, разный уровень культурного развития (в том числе развития языка) этносов, степень доступности того или иного языка и т.д.

Поскольку в наше время центром снабжения необходимыми продуктами и изделиями в основном стал город, то экономические связи между отдельными районами стали также осуществляться через него. Город стал не только главным поставщиком продукции и изделий, но и главным получателем товаров, производимых в разных зонах (ареалах). Он не потребляет их все. Часть полученного возвращается в деревню в виде готовой продукции, полуфабрикатов и даже сырья (например, шерсть), но уже через плановый распределительный механизм. Если учесть, что взаимосвязь промышленности и сельского хозяйства осуществляется через город, то становится ясным, что большинство нитей народнохозяйственного механизма связаны с ним. Природно-хозяйственные зоны свои контакты как бы опосредуют в большей своей части через город. Естественно, что одним из аспектов воздействия города стал русский язык. Раньше

даргинца заставляла изучать кумыкский язык экономическая ситуация. Потребности даргинца вынуждали его бывать на территории Кумыкии, и он должен был сделать так, чтобы население понимало его. (Не случайно у них сложилась притча о двух даргинцах, которые, находясь в Кумыкии, изучили только по одному слову. Когда их застали рядом с не ими убитым человеком и спросили “За что они убили его?”, даргинцы произнесли только два известных им слова “Хайва учун” (“из-за айвы”). Это и привело этих даргинцев к гибели.) Ныне представители разных этносов Дагестана не должны в каждой разноязыковой ситуации прибегать к освоению другого (других) языков. Тем самым исчезла предпосылка многоязычия, в известной мере затруднявшего культурное развитие. Основой для этого послужило внедрение языка города, т.е. русского языка в качестве инструмента всеобщего и разнообразного общения. Представители всех этносов Дагестана общаются по-русски. В условиях автономии внутри Российской Федерации русский стал не только языком экономики и политики, но и языком дагестанской культуры. Расул Гамзатов стал дагестанским (а затем советским, мировым) поэтом именно благодаря русскому языку.

Возвращаясь к хозяйственному районированию отметим, что опосредование экономических связей зон (районов, ареалов) через город и промышленность привело к определенному парадоксу в развитии современных экономических районов. Как уже отмечалось, индустриализация сделала человека более независимым от природных условий. Многим казалось, что есть возможность для его “диктата” по отношению к природе (согласно знаменитому изречению И.В. Мичурина о “милостях природы”, которых “нельзя ожидать” от нее, а надо “взять”). Однако эпоха планового индустриализованного хозяйства выдвинула другие критерии, существо которых определяется вопросами экономической целесообразности, а не вынужденности, безвыходности.

Среднегорный Дагестан стал колыбелью развитого террасного земледелия, несмотря на более трудные условия ведения сельскохозяйственного хозяйства по сравнению с обработкой земли на равнине. Причины этого особо искать не надо: нужда в хлебе, политическая нестабильность равнины (вторжения врагов и т.п.). Плановое хозяйство устранило эту фатальную приспособленность хозяйства, так как распределительный механизм экономики позволил снабжать определенной продукцией нуждающиеся в ней районы. Поэтому главным принципом хозяйственного районирования стала не потребность местного населения (например, хлеб легче купить у государства или кооператива), а экономическая целесообразность (хозяйственно-экологический детерминизм), которая отражает интересы многоотраслевой индустриализованной экономики страны в целом в проекции на особенности экологической среды. Например, возможность и целесообразность расширения ирригации именно на

равнине, и как следствие этого, качественное преобразование равнинного ХКТ плужных земледельцев, которых можно теперь называть и ирригаторами (ХКТ земледельцев и ирригаторов), и связанный с этим количественный рост равнинного ХКТ за счет освоения полупустынных земель, использовавшихся под отгонное скотоводство. Справедливости ради следует отметить, что эта “легкость” отдачи на равнине привела к перекосам в экономической политике. Основная масса капиталовложений шла именно сюда, а население горной части республики оставалось на мизерном пайке. Не случайно в последние годы была принята специальная социально-экономическая программа “Горы”, которая, правда, плохо осуществляется из-за недостаточного финансирования.

В этой регулируемой экологической детерминированности есть и другая сторона, касающаяся возможностей использования достижений НТР в сельском хозяйстве различных природно-хозяйственных районов. Нельзя использовать технику вопреки природным условиям, ландшафту. Она или не пойдет, или будет малоэффективна, нерентабельна, опасна. Поэтому степень возможности использования современных орудий, их применение или, напротив, нерациональность внедрения также стали дифференцирующими признаками для хозяйственных типов разных природно-географических зон, особенно с резко различающимися ландшафтами (равнина–горы).

Таким образом, можно говорить о дифференциации хозяйственных, и в меньшей степени культурных типов в эпоху НТР.

Правда, как упоминалось, в ХКТ новейшего времени есть свои особенности, которые вызваны их взаимодействием с индустрией. Эти особенности настолько значительны, специфичны, что накладывают свой отпечаток на современные ХКТ. В литературе обращалось внимание на особенности ХКТ нового и новейшего времени и делались отдельные попытки их стратификации. Так было введено понятие “трансформированного” ХКТ для нового времени [74. Легенда к карте]. Понятие предполагает такие ХКТ, в которых при сохранении профилирующей отрасли хозяйства, определившего лицо ХКТ, происходят большие изменения, касающиеся сопряженности или с другими ХКТ, или с современным интенсивным хозяйством. Речь идет, таким образом, о “деформированных” ХКТ, но с сохранением их основного облика. Б.В. Андрианов приводит следующие трансформированные ХКТ (в мире): 1) морские кочевники – рыболовы и собиратели; 2) оседлые рыболовы и скотоводы островов и морских побережий; 3) кочевые скотоводы – пастухи пап [Там же].

Нетрудно было догадаться, что трансформация перечисленных ХКТ происходила за счет интенсификации основной отрасли в связи с ростом потребностей в ее продукции в соседних ХКТ или у населения городов. При этом деформируется не структура ХКТ, а соотношение компонентов. Основная профилирующая отрасль имеет

тенденцию на превращение в современный хозяйственный тип (мотип), подчиненный интересам развивающейся индустрии, или более интенсивно развивающихся сопряженных ХКТ. Нечто подобное стало проглядываться в ХКТ отгонных скотоводов и земледельцев дореволюционного Дагестана (ориентация на шерсть для промышленного рынка).

Для Европы и Америки начала XX в. Б.В. Андрианов и Н.Н. Чебоксаров считают необходимым говорить о “настолько далеко” зашедшем преобразовании “традиционных форм сельского хозяйства”, “что на месте прежних хозяйственно-культурных типов стали складываться новые зональные комплексы экономического и бытового характера благодаря механизации, росту промышленного производства и городов” [74. С. 15–16]. В карте эти комплексы названы “зонами нового времени” и таковых Б.В. Андрианов определяет четыре: 1) зона высокоразвитого товарного земледелия; 2) зона высокоразвитого товарного животноводства; 3) зона высокоразвитого тропического плантационного земледелия; 4) зона с преобладанием городского промышленного населения [74. Легенда к карте].

Вопрос состоит в том, насколько эти преобразования велики, сохранился ли ХКТ, не лучше ли назвать его зональным комплексом и т.д.? В отдельных случаях изменения очень велики, например в равнинном хозяйственно-культурном ареале (трактор заменил вола, который практически исчез, механизация других операций земледельческого цикла и т.п.).

В этом смысле равнинный ХКТ больше приближается к статусу зонального комплекса. Не случайно, по-видимому, в формулировке Б.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова отсутствует упоминание культурного компонента. Это отражает то, что в современных ХКТ происходит значительная нивелировка элементов культуры, многие урбанизированные компоненты ХКТ стали схожими. Однако все же наши материалы и изыскания позволяют нам исходить из того, что дагестанские ХКТ (хозяйственно-культурные ареалы) сохранились, хотя и в трансформированном виде, причем деформация в наибольшей степени затронула равнинный ареал. Учитывая высокую степень механизации, этот ареал, возможно, придется считать зональным комплексом, в то время как горный и горнодолинный больше подходит под категорию трансформированного ХКТ.

При учете культурных компонентов выдвигается одно новое обстоятельство в отличие от традиционных ХКТ: в современных хозяйственно-культурных ареалах хозяйство именно данного ареала (“собственно” хозяйство) не обязательно определяет состав и особенности элементов культуры. В эпоху промышленной индустрии сформировалось множество культурных феноменов, которые имеют один источник происхождения (город, промышленность), характеризуются рядом преимуществ перед традиционными предметами (изделиями) и поэтому распространены на больших пространствах,

независимо от специфики природно-хозяйственных особенностей различных районов. Чем больше выражено это явление, тем больше оно способствует унификации отдельных компонентов разных ХКТ. Процесс нивелировки ХКТ вызвал эволюцию некоторых из них в качественно новое состояние – зональные комплексы.

При выяснении различий между трансформированным ХКТ и зональным комплексом следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Состояние первого вызвано преимущественно или сочлененностью с другими ХКТ, или промышленной индустрией. В зональных же комплексах этот этап пройден, и особенности хозяйства и быта (и в меньшей степени культуры) обуславливаются спонтанными процессами и явлениями, происходящими в главной, определяющей лицо ХКТ отрасли хозяйства. С этой точки зрения объяснимо и определение “трансформированные” вместо ожидаемого в данной ситуации термина “трансформировавшиеся”. Последний был бы более уместен именно по отношению к тем ХКТ, трансформация которых зашла далеко, завершилась, приведя к сильной деформации ХКТ, новообразованию, которое уместнее, правильнее будет назвать зональным комплексом.

Перешагнув границы зонального, хозяйственно-бытового и культурного комплекса, ХКТ, по-видимому, находится на грани растворения в современном индустриализированном и урбанизированном хозяйстве (и культуре). Так, намечается некая модель трехступенчатой стратификации ХКТ индустриальной эпохи – от традиционных ХКТ к трансформированным, от них к зональным хозяйственно-культурно-бытовым комплексам и, наконец, к современным индустриализированным формам хозяйства и культуры.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что свойственная традиционным ХКТ этничность обнаруживает во всех трех модификациях современных ХКТ еще большую тенденцию к ее абсолютизации.

Думается, что наше предварительное положение о наличии ХКТ в новое время, с определенными закономерностями их развития в эпоху индустрии и плановой экономики получило достаточное обоснование, дающее право на дальнейшее исследование.

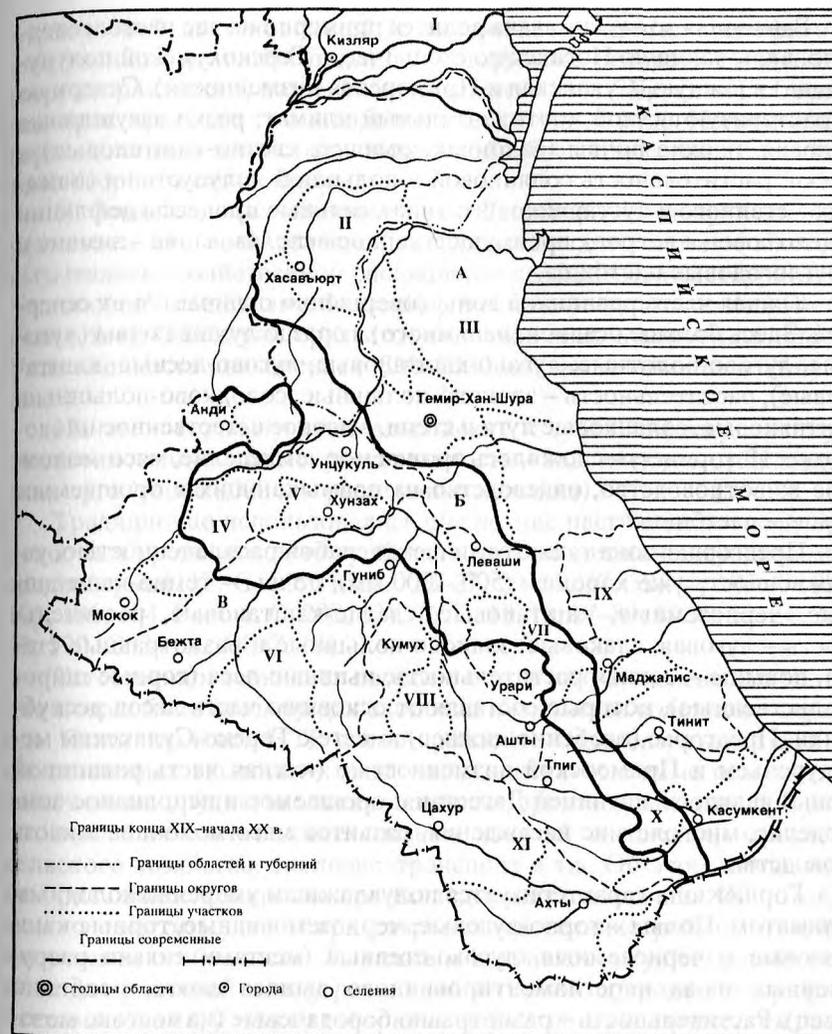
РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПО ЗОНАМ. ПРЕДПОСЫЛКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

Прежде чем переходить к вопросам хозяйственного развития Дагестана в советское время, надо, по-видимому, уяснить для себя, какие вопросы и проблемы, связанные с ХКТ советского времени, найдут свое решение в результате исследования хозяйственного развития. Мы не будем сейчас заново исследовать вопросы общетеоретического и методологического характера, а вкратце напомним уже сделанные нами выводы. При взаимодействии географической среды и человека происходит адаптация общества к ландшафту, в то же время экологическая среда выступает как поле хозяйственной и культурной деятельности человека.

Ввиду такой роли географической среды в развитии ХКТ нам придется кратко восстановить и свое представление об изменениях природно-географических условий Дагестана, происходящих в наше время под натиском человеческой деятельности, НТР во всех отраслях экономики. В этом вопросе мы будем придерживаться замечательной характеристики взаимоотношений природы и человека, данной К. Марксом и Ф. Энгельсом: “Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны: до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга”. И поэтому “всякая историография должна исходить из этих природных основ тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории” [3. С. 16, 19].

Разумеется, нет никакой необходимости заново описывать весь комплекс вопросов природно-географических условий Дагестана (подробный очерк их дан нами в предшествующей работе по ХКА досоветского времени). Поскольку мы уже убедились, что ХКТ довольно строго соотносятся с естественно-географическими зонами, остановимся на них. Как уже указывалось, “общая физиономия зоны характеризуется определенным сочетанием естественных угодий и более или менее ограниченными возможностями в отношении усвоения под сельскохозяйственную культуру” [60. С. 19].

1. Карта хозяйственно культурных ареалов Дагестана (XVIII – начало XX в.)

Условные обозначения

А – равнинный (с нижним предгорьем) ареал земледельцев и стационарных животноводов; Б – горный ареал земледельцев и отгонных скотоводов; В – высокогорный ареал подвижных скотоводов и земледельцев

Округа Дагестанской области

I. Кизлярский (Терская область)	VII. Даргинский
II. Хасавюртовский (Терская область)	VIII. Казikumухский
III. Темир-Хан-Шуриинский	IX. Кайтаго-Табасаранский
IV. Андийский	X. Кюринский
V. Аварский	XI. Самурский
VI. Гунибский	

Равнинная зона Дагестана делится примерно на две части: северную, включающую Ногайскую степь (часть Терскокумской полупустыни) и южную (Сулакская и Приморская низменности). Северную характеризуют сухой континентальный климат, резко засушливые условия, плохие почвы (солончак, солонец, светло-каштановые) и пески, растительность солянковой и полынной полупустыни (в песках – степного и кустарникового типа), сильные процессы дефляции (“дело” овец и ветров), преимущественное использование – зимние и круглогодичные пастбища.

Южная часть равнинной зоны совершенно отличается от северной. Здесь больше осадков (немного), гораздо лучше почвы (луговые, лугово-болотные, лугово-каштановые, лугово-лесные, каштановые), растительность – злаково-полынные, солодково-полынные, житняковые, солянковые луга и степи, высокое естественное плодородие. Исторически сложилось орошаемое земледелие, мясо-молочное животноводство, овцеводство на примыкающих к орошаемым землям пастбищах.

Предгорная зона также отличается слабой расчлененностью, увлажненность уже хорошая (500–1000 мм), почвы – темно-каштановые, черноземные, каштановые, светло-каштановые, растительность – луговая, злаковые, злаково-полынные и разнотравные степи, повыше – сочная растительность, пышные леса (горные широколиственные), которые составляют основную часть лесов республики. Предгорье (особенно нижнее) вместе с Терско-Сулакским междуречьем и Приморской низменностью (южная часть равнинной зоны) являлось житницей Дагестана: орошаемое и неполивное земледелие, многолетние насаждения, развитое мясо-молочное животноводство.

Горная зона характеризуется полувлажным умеренно холодным климатом. Почвы – горно-луговые, черноземовидные, горные каштановые и черноземные, лугово-степные (местами сильно разрушенные из-за нерегламентированного выпаса скота, особенно овец). Растительность – разнотравно бородачевые (на востоке мезофитные и остепненные среднегорные) луга, переходящие выше в субальпийские остепненные луга и луговые степи (с травостоем в 70–80 см). Луга эти можно использовать и как сенокосы, и как пастбища (выпасный период – 4–5 месяцев, доступны всем видам скота). Горная зона всегда была базой отгонных форм скотоводства и горного террасного земледелия.

В пределах горной зоны, как уже отмечалось, все более отчетливую хозяйственную специализацию, базирующуюся на природно-географических особенностях долинных земель, приобретают горные долины. Здесь умеренный полусухой климат, жаркое сухое лето, мягкая солнечная зима (осадки – 335–370 мм). Почвы – лугово-болотные, аллювиально-луговые, луговые, лугово-каштановые и каштановые, т.е. благоприятные для земледелия. Растительность –

от болотной до сухостепной, с включением горных ксерофитов. Особенность долинной подзоны – отсутствие цельного высотного (территориального) пояса. Она вкраплена в зону по руслам рек, причем простирается в таком виде и в высокогорной зоне. Исторически горно-долинная зона стала, ввиду особо благоприятных условий – зоной горного садоводства.

И, наконец, высокогорная зона Дагестана. Нам приходилось указывать, что ее выделение для досоветского времени во многом вызывалось хозяйственной спецификой высокогорья (нетеррасное, “склоновое” земледелие, более развитое скотоводство, особенно овцеводство). Она характеризуется холодной зимой, коротким летом. Увлажненность повышенная (800–1000 мм, самая высокая в республике).

Почвы – горно-луговые альпийские и субальпийские, преимущественно маломощные; растительность – альпийские и субальпийские луга (выше 3000 м – рассеянные лужайки).

Традиционно использовались под летние пастбища, но ввиду суровости и краткости лета требовали часто сочетания с субальпами среднегорья [117. С. 50; 185. С. 20–27, 29–35, 37, 39–44; 103. С. 98, 105, 106; 104. Вып. 1. С. 200, 201; 96. С. 15, 18, 77–89; 60. С. 22, 24, 34, 43; 120. С. 54 сл.; 64. С. 10].

Естественно, возникает вопрос о том, в какой степени это деление может быть принято для экологии и хозяйства советского периода. Ясно, что в век НТР могли произойти определенные сдвиги в соотношениях экология–хозяйство, экология–основные сельскохозяйственные орудия, экология–основные производственные процессы, экология–соотношение главных занятий населения, отраслей сельского хозяйства, экология–транспорт и т.д. Об этом лучше поговорить более конкретно при исследовании зональных ХКТ. Пока можно отметить, что и при современной технике работа в горах имеет свои особенности. Тем самым сохраняется существенная основа для различий между равнинной и горной природно-географическими зонами, и можно говорить о нарастании экологической разницы равнины и гор относительно современных орудий.

Этот аспект усугубляется нарастающей тенденцией усиления отраслевой специализации сельского хозяйства, которая безусловно носит зональный характер. Так, благодаря современной ирригации (мощная техника позволила расширить ее на равнине в огромных масштабах) орошение в еще большей степени стало отличительным признаком равнины.

В свою очередь, новые экономические условия и усиление зональных границ между равнинной и горной частью республики способствовали “размыванию” границ между переходными и однородными зонами и подзонами.

Причем этот факт даже не зависел от состояния межзонального обмена. Как уже отмечалось, разделение труда в пределах республи-

ки складывалось уже на иных основах. Они включали не прямые обменные связи между природно-хозяйственными зонами, а опосредованные через республиканскую (в том числе городскую) и даже общерегиональную и общесоюзную инфраструктуру. Эта специализация основывалась только на трех факторах, включающих прежде всего местные природно-географические условия (с учетом возможностей использования современной техники), общественные потребности и собственные нужды (в последнюю очередь). Фактор межзонального рыночного обмена и удовлетворения собственных нужд и производства продукции для этого обмена почти исчезает. Такие обстоятельства привели к тому, что среднегорье, отказавшись от трудного и малопродуктивного земледелия, стало склоняться к увеличению удельного веса скотоводства. Вместе с тем высокогорье в соответствии с местными природно-географическими условиями (бедность пахотными угодьями, невозможность применения техники, обилие летних пастбищ) сохранило свою скотоводческую специализацию. Этот обоюдный процесс приводит постепенно к стиранию различий (сначала и прежде всего в хозяйственном типе) между обеими зонами и постепенному образованию одной природно-хозяйственной зоны, ориентированной на скотоводство.

Поскольку в связи с ХКТ мы постоянно будем сталкиваться с зональной хозяйственной специализацией, а следовательно, и со статистикой, полезно будет остановиться и на распределении административных районов по выделенным нами зонам. Задача облегчается тем, что в практике современной хозяйственной статистики республики проведено зональное группирование современных административных районов. Правда, статистикой не предусмотрено разделение между среднегорной и высокогорной зонами (что отчасти объяснимо с точки зрения современной хозяйственной практики – об этом ниже), имеющиеся же в литературе группирования трактуют высокогорье расширительно [185. С. 19–21].

По принятой классификации равнинная зона включает 11 административных районов – Бабаюртовский, Кизлярский, Ногайский, Тарумовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Кумторкалинский, Дербентский, Каякентский, Магарамкентский, Карабудахкентский.

Поясная высотность от 28 до 200 м над уровнем моря, площадь – 2,35 млн га (из 5,33), т.е. 44% площади республики.

В предгорную зону входят Буйнакский, Казбсковский, Сулейман-Стальский, Кайтагский, Новолакский, Сергокалинский, Табасаранский, Хивский районы. Высота пояса от 200 до 1000 м над уровнем моря, площадь – 0,84 млн га (16%).

Горную зону мы разделили на среднегорье и высокогорье, исходя из нашего членения дореволюционного Дагестана по участкам и союзам сельских обществ, которое, естественно, учитывало высотные, ландшафтные и хозяйственные показатели. В результате гор-

ная зона (среднегорье) включает 10 районов – Акушинский, Ахвахский, Ботлихский, Гергебильский, Гунибский, Лакский, Левашинский, Советский, Унцукульский, Хунзахский. Поясная высотность – 1000–2000 м над уровнем моря, площадь – 0,95 млн га (18%).

Нетрудно заметить, что в последнюю группировку входит большая часть горных долин Дагестана.

Высокогорная зона охватывает 12 районов – Агульский, Докузпаринский, Ахтынский, Гумбетовский, Дахадаевский, Кулинский, Курахский, Рутульский, Тляратинский, Цунтинский, Цумадинский, Чародинский. Высота – свыше 2000 м над уровнем моря, площадь – 1,17 млн га (22%) [110. С. 26; 185. С. 19–21; 21. С. 13–34; 24. С. 14–139].

Конечно, такая классификация небезупречна. В каждой группе имеются территории, которые по административному делению вошли в одну зону, а фактически (по высотности, ландшафту, хозяйству) могут быть отнесены к другой. Однако абсолютно точно разделить их на административные единицы невозможно, ибо при этом нередко приходится учитывать не только высотность, ландшафт, особенности экономики и т.п., но и целый ряд исторических, этнических, демографических, культурно-бытовых и иных факторов. Поэтому и группирование административных районов по зонам оказывается не всегда соответствующим требованиям классификации на основе природно-географических и хозяйственных показателей.

Однако как опыт статистической службы Дагестана, так и наш скромный опыт исследования хозяйственного развития отдельных зон и соотношения экономик показал жизненность приведенного выше разделения.

Теперь, после того как мы кратко восстановили картину разделения территории Дагестана по природно-хозяйственным зонам, нам осталось, для того чтобы исследовать закономерности хозяйственного развития и формирование на этой основе новых ХКТ, кратко обрисовать сложившиеся к исследуемому времени ХКТ и основные принципы их конструирования.

Как уже отмечалось, к 1917 г. в Дагестане выделялись три ХКА. Это зоны равнинных земледельцев, скотоводов, среднегорных пашенных земледельцев и отгонных скотоводов, высокогорных подвижных скотоводов и пашенных земледельцев.

Равнинный ХКА (с охватом и нижнего предгорья) характеризовали: пашенное земледелие на обширных полях (господствующее), передковый плуг, борона, преобладание переложной системы земледелия при отсутствии удобрения угодий, развитое орошение, высокоразвитые садоводство и виноградарство, пшеница как преобладающая культура, специфические земледельческие культуры (рис, марена) и т.д. Существенная черта – тесная связь земледелия с развитым скотоводством (КРС), особенно симбиотическое значение разведения рабочего скота (волы), при большом удельном весе буйволов (свидетельство развитости орошаемого земледелия).

В скотоводстве доминировал выгонно-стойловый тип, обусловленный стационарным земледельческо-скотоводческим хозяйством; сенозаготовка мужчинами посредством косы и вообще преобладание мужского труда в сельскохозяйственных работах. Слабая развитость домашних промыслов и особенно отходничества из-за трудоемкости и достаточной продуктивности основной отрасли хозяйства – земледелия.

Преобладание колесного (арба) транспорта, практическое отсутствие вьючных и ручных перевозок.

В жилище характерными являлись турлук, покатая кровля, горизонтальная планировка жилого и хозяйственного комплекса, расщепление жилищно-усадебных комплексов для обеспечения подъезда повозки.

Отличительная особенность пищи – регулярность и преобладание печеных мучных изделий и хлебных напитков (бузы).

Состав хозяйственных и культурных компонентов равнинного ХКА показывает его земледельческую природу.

Горный (среднегорный) ХКА пашенных земледельцев и отгонных скотоводов был в сущности также земледельческим, но больше по традиции. Земледелие здесь не было в это время развитым.

Горское рало вместо передкового плуга, узкие горные террасы вместо обширных полей, паровая (и плодосменная) системы вместо переложной были вызваны земельной теснотой и демографическим давлением. В среднегорье применялось удобрение (в отличие от равнины), но орошения зерновых, исключая позднюю кукурузу (и то только в долинах), не было.

В земледельческом цикле нет боронования, мотыжение производится только женщинами, которые участвовали и в жатве. Кроме того, при молотье не использовали катки.

В питании преобладали вареные мучные изделия; напитки – хлебные. Хлебопекарные устройства работали на основе эффекта пламени (неподовые), что отражало особенности экологии (безлесность) и слабую зерновую базу.

Массовое использование мельниц отражало двойственность ХКА среднегорья – глубокие земледельческие традиции при слабом зерновом потенциале.

Особенность скотоводства по сравнению с равнинным – очень слабая соподчиненность с земледелием, преобладание отгонных форм, отсутствие буйвола (не так нужен, не приспособлен).

В заготовке сена преобладание серпа (женского), вообще в полевых работах применялся главным образом женский труд.

Важными отраслями экономики были промыслы и отходничество.

В транспорте преобладали перевозки на осле. Важную роль играли также ручные перевозки (женщинами).

Основные жилищные показатели резко отличались от равнинных. Они были специфичны. В этой зоне строили каменные дома с плоской кровлей и вертикальной планировкой. Усадьбы располагались так, чтобы к ним мог пройти осел с поклажей.

Таким образом, особенностью среднегорного ХКА была его двойственность, отражающая глубокий традиционализм и фактическую слабость и малопродуктивность земледелия.

Высокогорный ХКА подвижных скотоводов и пашенных земледельцев отличается от двух других преобладанием скотоводства (мало связанного с земледелием), которое характеризуется подвижными формами, преобладанием овец, КРС для производства молочной продукции, а также отсутствием буйволов.

Заготовка (серпом) и подвоз сена, вообще большая часть полевых работ выполняется женщинами.

Хотя земледелие пашенное, но в отличие от среднегорья не террасовое, его скорее можно назвать “склоновым”, система земледелия, еще более чем среднегорная, экономная на землю – удобри-тельная плодосменная с элементами паровой.

В пище также существует парадокс традиционализма и слабости земледелия. Она преимущественно растительная, первенствовали печеные изделия (пресные лепешки), хинкал и толокно.

Слабость земледельческого хозяйства и традиций иллюстрируется и характером хлебопекарных устройств (непостоянного функционирования, открытые, неподовые) и меньшим распространением мельниц.

В промыслах, в отличие от среднегорья с более развитым земледельческим хозяйством (и, следовательно, с более привязанным к месту жительства населением), преобладало отходничество. В этом важную роль играло подвижное скотоводство.

И в транспорте здесь есть специфика: вьючно-верховая лошадь преобладала в дальних перегонах (подвижное скотоводство, доставка зерна), а в пределах сельской округи – ручные перевозки.

Особенность жилища – преимущественная многоэтажность, связанная с развитостью разведения КРС и особенностями заготовки и хранения сена.

В одежде также есть определенная специфичность – большие универсальные (кроме работы) шубы и шерстяная обувь.

Это краткое описание ХКА иллюстрирует некоторые особенности их развития, знание которых должно сослужить нам службу в последующем исследовании.

Главное – ХКТ структурно определяется типом экономики. Однако и дифференцирующие культурные компоненты со своей стороны обнаруживают удивительную соподчиненность и согласованность со структурообразующим хозяйственным элементом. Это единый комплекс, система со стержневым главным компонентом.

Все три ХКА достаточно четко дифференцированы, отграничены. Каждый отличается по основному критерию (хозяйственный тип) и имеет ряд других, присущих только ему культурных компонентов.

И еще одна особенность. ХКА обнаружили принципиальную этническую природу. В рамках каждого из них расселено несколько народностей, и отдельные этносы расположены в пределах нескольких ХКА.

Нам остается кратко остановиться (для дальнейшего исследования) на перечне компонентов, которые образуют структуру ХКТ. Исследование показало, что оно представлено хозяйством, т.е. типом и системой земледелия, формами и типами скотоводства, ирригацией, садоводством с виноградарством, промыслами и отходничеством, транспортом. Этот перечень системообразующий.

Однако составить такой перечень сложно, так как в него должны быть включены элементы культуры. Так, выяснилось, что постоянный набор культурных компонентов невозможен по причине их разной приоритетности в те или иные исторические периоды и в разных ХКТ. Кроме того, они по-разному коррелируют с хозяйством и его элементами. Основные компоненты ХКТ – пахотное орудие, борона, орудия уборки (коса, серп), а также пища, напитки, хлебопекарные устройства, мельницы, жилище, одежда и др.

И еще одно, что следовало бы отметить: какие бы различия не носили отдельные ХКА Дагестана, они составляют нечто хозяйственно-культурное целое, единство которого реализуется в рамках и на фоне дагестанской историко-культурной области. В этом смысле Дагестан представлял (и представляет) географическую область, отграниченную природными рубежами, этнической традицией, политической и культурной историей. В ее рамках сложились в процессе общественного разделения труда несколько взаимодействующих (и сочлененных) ХКА.

Разумеется, эта историко-культурная область и охватываемые ею ХКА находились в таком же, хотя и менее интенсивном, взаимодействии с соседними историко-культурными областями и ХКА Кавказского региона.

Поскольку определяющим компонентом ХКТ является хозяйство, хозяйственный тип, попытаемся сначала осветить вопросы развития хозяйства в советское время, определить основные направления и тенденции хозяйственного развития республики. Это тем более необходимо, что хозяйственная ситуация, состояние и соотношение основных отраслей хозяйства республики менялись в продолжение советского периода несколько раз, что, естественно, сказывалось и на облике разных ХКТ.

Изменения хозяйственной ситуации были связаны политическими решениями, продиктованными, как тогда казалось, хозяйственной и социальной целесообразностью.

Можно выделить три рубежа, которые разграничивают этапы хозяйственного развития за годы советской власти. На протяжении первого из них (1921–1940 гг.) шел процесс восстановления традиционного хозяйства, в том же (досоветском) составе отраслей. В исторической литературе данный этап часто называют восстановительным периодом. Однако это было не просто восстановление. Этот период включал также элементы развития, подготавливавшие почву для будущего хозяйственного скачка. Тем не менее главным хозяйственным моментом все-таки был процесс восстановления. Завершение этого этапа можно отнести ко времени утверждения колхозного строя.

Второй этап продолжается от победы этого строя до 1960-х годов. Это период послевоенного восстановления, успехов механизации и первых открытых проявлений недочетов колхозной и совхозной экономики, первых попыток их устранения, которые выразились в крупных изменениях в сельскохозяйственной политике партии и правительства, в частности в области капитальных вложений.

Третий этап (1965–1990 гг.) – время активизации и углубления процессов хозяйственно-культурного развития и реформ (с трансформацией основных ХКА), начавшихся в предыдущий период. После 1985 г. произошли коренные преобразования в сельском хозяйстве, главная задача которых заключалась в восстановлении нормального положения крестьянства: крестьянин-труженик, хозяин. Однако процесс этот далек от завершения и особых изменений в хозяйственно-культурных параметрах не вызвал.

Постараемся охарактеризовать каждый из этапов. В начале восстановительного периода Дагестан (как и вся страна) находился в состоянии крайней разрухи. В 1921 г. промышленность давала продукции в 10 раз меньше, чем в 1913 г. Большинство городов были разрушены и разорсны – Хасавюрт был разрушен полностью, Дербент – на три четверти, Кизляр – наполовину, Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура – на одну треть. Из 48 рыбных промыслов, которые были основной отраслью промышленности Дагестана, осталось менее половины. Производство рыбы упало на 40% от довоенного уровня. Прекратили работать все консервные заводы (не было сахара, да и вывозить продукцию не было возможности) [123. Т. III. С. 145].

Резко упало кустарное производство, также кормившее многие тысячи горских семей. Из-за сужения сырьевой базы и рынков сбыта (в 1923 г. было 46 тыс. кустарей, а в 1915 г. – 132,5 тыс.) объем его продукции снизился с 6,4 млн до 1,2 млн руб. В еще более худшем положении было сельское хозяйство. поголовье рабочего скота по сравнению с 1913 г. уменьшилось на 60–75%, посевная площадь сократилась на 54%. Хлеба в республике производилось в 12 раз меньше необходимого. В 1922 г. здесь насчитывалось 200 тыс. голодающих [Там же. С. 145–146]. Убытки от интервенции и гражданской

войны исчислялись десятками миллионов золотых рублей, катастрофически были разорены Даргинский, Кюринский, Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский, Дербентский округа [Там же. С. 146]. Обращает внимание перечень этих округов. Если не считать Даргинского, потери которого в людских и хозяйственных ресурсах тоже были очень велики [124. С. 70], то все другие округа представляют равнину и нижнее предгорье – традиционную житницу Дагестана.

Разоренное до крайней степени хозяйство предстояло восстановить. Положение усугублялось тем, что разорена была вся страна и рассчитывать на какую-либо значительную помощь от других областей и регионов не приходилось. Хотя отметим, что даже в этих стесненных условиях Москва, Россия находила возможности для оказания помощи Дагестану продовольствием, мануфактурой, золотом, техникой. По словам В.И. Ленина, “создав новый, советский тип государства ... мы разрешили только небольшую часть задачи. Главная трудность лежит в экономической области” [4. С. 213]. К сожалению, в этой области наряду с успехами были и глубокие провалы.

Независимо от стратегических задач народу приходилось начинать с самого простого и необходимого – с ликвидации голода, холода (обеспечение топливом) и катастрофического недостатка в одежде. Прежде всего надо было восстанавливать крестьянское хозяйство, чтобы накормить, одеть и обуть страну. “Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно” [6. С. 218]. Таким образом, задача была поставлена достаточно четкая и определенная. Укреплять крестьянское хозяйство страны как основу для снабжения страны продовольствием и сырьем, для восстановления и развития промышленности. К сожалению, эта мысль была реализована однопланово, и получилось не с помощью крестьянства, а за счет разорения и подрыва крестьянского хозяйства. В августе 1920 г. Военно-революционный комитет республики издал “Положение об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о социализации земли”, которое санкционировало передачу земли трудовому народу. В “Положении” была сделана попытка устранить имевшиеся в Дагестане диспропорции в землевладении между отдельными селениями. Богатым угодьями аулам вменялось в обязанность передать излишки земельных угодий безземельным и малоземельным аулам, с расчетом поднятия уровня их землеобеспеченности до потребительско-трудовой нормы [32. Л. 35]. Другое важное решение Военно-революционного комитета касалось зимних равнинных пастбищ, используемых горцами для отгона скота. Комитет указывал на *обязательность* отвода необходимых равнинных пастбищ в первую очередь горской бедноте, причем бесплатно [179. Док. № 180]. В своих попытках земельного переустройства в масштабах республики правительство столкнулось с трудностями,

связанными с противодействием отдельных сил. Крестьяне аулов, имевших много земельных угодий, хотели уравнительного передела только внутри общины. Между тем в условиях Дагестана аграрная перенаселенность была особенно велика в горной части и возможности ее урегулирования были связаны с использованием равнинных земель. Проблему могли бы решить конфискованные помещичьи земли. Их можно было бы выделять малоземельным аулам, но подобные земли также были сосредоточены в основном на равнине. Так, на равнину приходилось 356,2 тыс. из 441,6 тыс. га земель, переданных в республике крестьянству (более 80%) [160. С. 48].

В этих условиях большое значение имело решение правительства РСФСР о возвращении в состав Дагестана Хасавюртовского округа и присоединении Кизлярского и Ачикулакского округов. Это увеличило фонд удобных земель республики более чем наполовину и в значительной степени облегчило вопрос наделения безземельных крестьян и аулов земельными угодьями, в том числе зимними равнинными пастбищами. Однако при этом были допущены перекося, грубые ошибки, которые отрицательно сказались на хозяйстве и хозяйственном быте коренных жителей равнины. Теперь надо было дать крестьянину определенную свободу в планировании своего хозяйства и использовании излишков. Такой поворот осуществила новая экономическая политика. Суть ее заключалась в замене продразверстки продналогом и введении свободного товарооборота. В июле 1921 г. правительство Дагестана также издало декрет о натуральном налоге. Интересна формулировка обоснования этого декрета: “в целях обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйств на основе более свободного распоряжения земледельцев своими хозяйственными ресурсами и для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельца государственных обязательств” [123. Т. III. С. 152]. Продналог был намного меньше продразверстки (650 тыс. сельхозпродуктов вместо 1 млн 270 тыс. пудов по разверстке) и его размеры, что было особенно важно для крестьянского хозяйства, определялись и доводились до сведения крестьян еще до весеннего сева.

Большое значение в развитии сельского хозяйства Дагестана имела земельно-водная реформа. Хотя она не была выполнена во всем объеме, тем не менее это была первая комплексная программа, наметившая решение многих актуальных вопросов развития сельского хозяйства. Вопрос о реформе был впервые поставлен на пленуме обкома партии в 1926 г. Она была рассчитана на шесть лет и в качестве основных задач предусматривала ликвидацию аграрной перенаселенности горной части (предполагалось переселение 39 тыс. хозяйств, наделение земель на равнине 22 тыс. хозяйств), проведение землеустройства между селениями, зонами и т.п. [123. Т. III. С. 221; 113. С. 332; 161. С. 289; 35. Ч. I. С. 121–130, 136–139]. Все это

сказалось на постепенном возрождении крестьянского хозяйства Дагестана. Например, в 1926 г. по сравнению с 1910 г. более чем в 5 раз увеличилось количество жаток, в 4 раза – сеялок, более чем на 70% – сенокосилок (с 1804 штук до 3232) [124. С. 90]. В 1925 г. в Дагестан завезли 35 тракторов, которые были выделены товариществам по совместной обработке земли.

Однако усовершенствованные орудия и машины внедрялись главным образом на равнине. В 1927 г. они составляли в горной части 0,3% от всех орудий, в предгорье – 0,6, а на равнине – 5,1%, т.е. в 17 раз больше, чем в горах [33. Л. 100]. К 1927 г. валовая продукция сельского хозяйства составляла уже 62%, посевные площади были восстановлены в пределах 60% от довоенного уровня, сады – 96,8%, виноградники – 85,2, поголовье скота всех видов восстановлено в пределах 96,2% от довоенного (отставали овцеводство и коневодство) [123. Т. III. С. 170, 180].

В развитии скотоводства было много объективных и субъективных факторов.

В условиях ограниченных возможностей для увеличения производственных фондов и оборотных средств (для капитальных вложений и обеспечения техникой) единственным выходом оставалось экстенсивное хозяйство (и в земледелии, и в скотоводстве). Распределение земли внутри общины и зоны дало толчок росту экстенсивного стационарного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Отсюда и более быстрый рост поголовья КРС (результат осередничивания) по сравнению с мелким (МРС). Уже в 1924 г. поголовье первого превысило уровень 1916 г. и почти достигло довоенного (93,6% от уровня 1913 г.), а поголовье МРС – только 68% от довоенного. В 1929 г. уровень 1913 г. был превышен (722,7 тыс. голов КРС против 589 тыс.). В том же году приблизился к довоенному, составив 96% от него, уровень МРС (2 млн 801 тыс. и 2 млн 915 тыс.).

Однако нерешенных вопросов было еще немало. Так, медленно развивалось землеустройство. Оно было проведено на площади 1,13 млн га, что составляло всего 20% от общей площади республики (к 1926 г.).

Было отведено под зимние пастбища 119 288 га и под летние 472 100 га [124. С. 95]. Между тем землеустройство было одной из актуальных проблем сельского хозяйства Дагестана. Из 5 815 044 га было всего около 60% удобных земель, из них 73,5% занимали пастбища и выгоны, 12 – пашня, 6 – сенокосы, 7 – леса, 0,5 – сады и виноградники, 1% – усадьбы.

Но из них равнина включала 66,4% пашни и 74% пастбищ. В республике оставалось еще 6,8% безземельных крестьян, 40,1% имели землю до 1 га, 37,3 – от 1 до 4-х га, и только 15,8% – свыше 4-х га. Еще более удручающей была картина в горных округах: на одну душу здесь было всего 1,04 га земли, а на равнине – 14,7 га. В Аварском округе на одного едока приходилось 0,26 га годной под пашню

земли, Гунибском – 0,20 га, Андийском – 0,18 га, Лакском – 0,16 га (для сравнения: в Дербентском округе было 1,15 га на едока, Хасавюртовском и Кизлярском – 1,5 га) [123. Т. III. С. 216–217; 113. С. 270].

В восстановительный период происходило и дробление, измельчение крестьянских хозяйств, что привело к падению их товарности. В 1927 г. было 173 тыс. крестьянских хозяйств, против 123 тыс. в 1916 г. В Хасавюртовском округе до революции производилось 2 млн пудов товарного зерна, в 1927 г. – только 50 тыс. [124. С. 152].

Несколько легче давалось земельное переустройство в отношении пастбищ. В республике делались даже попытки выделять на равнине для горцев, особенно бедноты, индивидуальные пастбищные наделы, в расчете на единоличный отгон скота (и отход вместе с ним). Но эта исторически не свойственная дагестанским горцам форма отгонного скотоводства не прижилась. Поэтому и переселение таким путем осуществить не удалось. Более удачными было выделение участков на равнине колхозам. Так, в 1932 г. горным колхозам было отведено 211,4 тыс. га равнинных пастбищ на пять лет, а в 1933 г. – 189 тыс. в постоянное пользование.

В докладной записке председателя СНК республики (1930 г.) указывалось, что “увеличение производительности дагестанского животноводства как отрасли (в некоторых случаях ведущей) возможно только путем коренной реорганизации всего комплекса условий существования животноводства ДАССР”. Причем в качестве основных препятствий в записке указаны перенаселенность гор и “чрезмерная разреженность населения” на равнине [35. Ч. I. С. 277–278, 287].

К началу 30-х годов можно говорить об определенных успехах коллективизации. К концу 1930 г. в республике насчитывалось уже 485 колхозов. Правда, их хозяйственный потенциал был невелик. Например, в социалистическом секторе (1932 г.) лошадей было 22,4%; КРС – 2,2; коров – 7,7; МРС – 34,7% (в 1934 г. – 44,8%). Между тем к 1930 г. количество КРС составляло уже 120% довоенного уровня, лошадей – 79,2; МРС – 86,1; мулов – 107; ослов – 135% [35. Ч. II. С. 12, 13, 132; Ч. I. С. 345].

Особенно трудно шла коллективизация в горной зоне. Из 485 колхозов в 1930 г. на горную часть приходилось 83. На равнине доля охваченных коллективизацией хозяйств достигла 16,6%, в горной – 3% [160. С. 188].

Для этого были серьезные причины объективного и субъективного характера (малоземелье, трудность применения техники, невозможность в большинстве случаев обобществить террасные малые “сотворенные” угодья, в то время как на равнине это облегчалось наличием больших массивов земель и количеством скота, конфискуемыми у крупных владельцев, и т.п.). Поэтому рекомендова-

лось обеспечивать “дифференцированный подход к различным районам республики, строго учитывая экономические и политические особенности плоскости, гор и отдельных районов” [35. Ч. I. С. 392].

Большую производственную и организационную роль в колхозном движении сыграли МТС. Первые из них были созданы в 1931 г. Они обслуживали 212 колхозов из 324, а в 1932 г. численность колхозов, охваченных услугами МТС, достигла 399 (51,6% от всех колхозов), и, разумеется, большинство из них находилось на равнине. К концу 1932 г. было организовано 11 МТС с 374 тракторами и 9 машино-скотоводческих станций (МСС) с 9 тракторами; еще 304 трактора принадлежали 35 совхозам. Всего, таким образом, насчитывалось 687 тракторов. Показательно, что наибольшей механизированности подверглась пахота на равнинных полях. В 1932 г. степень механизации пахоты в колхозах достигла 77%. А в 1937 г. вспашка на равнине была механизирована на 81%, молотьеба – на 78%, посев – на 31%, и уборка – на 31% (в колхозах) [35. Ч. II. С. 65, 66; 160. С. 201; 113. С. 398].

Однако в остальных работах, особенно в скотоводстве, механизация была очень незначительна. Для ее осуществления была необходимо высокая степень индустриализации и электрификации страны (сложность, многопрофильность операций, энергоемкость, необходимость высокой культуры научно-технического творчества и конструкторской мысли), а также предварительное увеличение концентрации содержания скота, с переходом на товарное производство. В этом отношении делались только первые шаги: в 1932 г. (июнь) на фермах содержалось 4,2% общественного поголовья лошадей, 23,1% – КРС, 40,3 – коров, 68,5% – МРС. По зонам показатели выглядят так: лошади составляют на фермах равнины 2,3%, предгорья – 13,7, гор – 7,1%; КРС соответственно – 24,5, 10,6 и 40,3%, коровы – 36,0, 38,7, 48,4%, и МРС – 73,7, 66,3 и 61,2% [35. Ч. II. С. 13–14]. Однако масштабы более прогрессивного ферменного содержания и темпы его развития были явно недостаточны, и даже в 1939 г. в качестве одного из недостатков развития сельского хозяйства отмечалось слабое развитие товарно-ферменного хозяйства (144 колхоза не имели молочно-товарных ферм (далее: МТФ)) [Там же. С. 345–350]. Принимаемые меры дали неплохие результаты: если в 1938 г. было 493 овце-товарных ферм (далее: ОТФ) с 736 500 головами МРС и 354 МТФ с 99 907 головами КРС, то в 1941 г. ОТФ – 1061 (голов – 1 573 231) и МТФ – 1066 (голов – 361 637) [124. С. 277].

Правда, во всех этих аббревиатурах литера “Т” явно лишняя, так как никакой товарности эти фермы не знали и полностью сдавали свою продукцию государству в соответствии с планом.

XIV партийная конференция республики (июнь 1937 г.) констатировала победу колхозного строя в Дагестане. В колхозы уже было объединено 85% хозяйств (равнина – 95, горы – 75%). Им помо-

гали 16 МТС, на полях работало 938 тракторов и 200 комбайнов. Тут следует отметить один интересный факт. При коллективизации 26 горных районов были отнесены к террасным, а террасные пахотные участки не обобществлялись.

В результате из 153 427 га пахотных площадей на личные участки колхозников приходилось 60,1% площади, на единоличные участки – 11,8% и лишь 20,8% на колхозно-кооперативный сектор, т.е. в горной зоне отчасти сохранилась крестьянская собственность на землю. Разумеется, адепты коллективизации не могли этого потерпеть, и положение это в последующем “исправили”, национализировав даже большую часть приусадебных участков с насаждениями и далекие террасы. Если бы не эти перегибы, многие из ныне заброшенных, погибших террас были бы в деле и давали на стол трудящихся фрукты, овощи, мясо, молоко.

1940 год можно считать кульминационным, заключительным годом коллективизации. В этом году в республике насчитывалось 1170 колхозов, объединявших 175,5 тыс. хозяйств Дагестана (97,5%). Колхозам принадлежало 95,5% (по другим данным 99,5%) всех посевов, причем 201,4 тыс. га пахотных земель (51,3%) орошалось. В них же сосредоточилось основное количество садов (97,3%) и виноградников (99%). Поголовье КРС приближалось к довоенному – 543 тыс. голов (1916 г. – 513 тыс., 1913 г. – 589 тыс.), 95% рабочего скота было в колхозах, в них же было 70% МРС (всего его было 2 млн 190 тыс., 1916 г. – 1 млн 626 тыс., 1913 г. – 2 млн 915 тыс.) и 62% лошадей. На полях колхозов использовали 1175 тракторов (с их помощью обрабатывали 460 тыс. га условной пахоты, что составляло 70% сельскохозяйственных работ в колхозах и совхозах ДАССР), 265 комбайнов, 555 автомобилей [17. С. 26, 27, 32, 65, 84, 85; 35. Ч. II. С. 345; 187. С. 39].

Следует отметить те тенденции в хозяйственном развитии, которые, приобретая уже в течение этого периода все возрастающую силу, послужили в дальнейшем определенной дифференциации зонального хозяйственного районирования. Прежде всего это орошение. Мы отмечали, что орошение в значительной мере являлось дифференцирующим признаком равнинного ХКА. В период разрухи система ирригации была почти полностью разрушена и в восстановительный период ее пришлось создавать почти заново. При этом руководствовались и указаниями В.И. Ленина относительно роли и значения орошения: “Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму”, оно “особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало” [7. С. 199, 200].

Проблема орошения особенно актуальна для Дагестана. Малоземелье и перенаселенность при сухом, даже засушливом характере климата делали орошение одним из главных рычагов в восстановлении и дальнейшем комплексном развитии земледелия и скотоводства

ва (именно орошаемое земледелие является гарантом развития отрасли сеяных кормовых культур – неперемного условия современного скотоводства). Только основанные на нем земледелие (с садоводством и виноградарством) и скотоводство могли изменить то ненормальное положение в хозяйстве дагестанского горца, в котором полеводство с садоводством и скотоводство давали всего 39,5% условного чистого дохода (1917 г.) [123. Т. IV. С. 267]. В 1911 г. в Дагестане было 207,8 тыс. дес. орошаемых земель (подавляющая часть – более 95% на равнине) [12. За 1911 г. С. 13; 199. С. 86, 87], а в 1920 г. их осталось только 40 тыс. Политика возрождения и дальнейшего развития орошения была одной из генеральных линий планово-хозяйственной деятельности в республике. В 1921 г. было начато проведение канала им. Октябрьской революции, имевшего жизненно важное значение для правобережья Сулака и города Порт-Петровска. Строительство канала было закончено в 1923 г. Его сооружение осуществлялось методом народной стройки (в иные дни на строительство выходило до 40 тыс. человек со всего Дагестана) и не случайно этот трудовой подвиг был отмечен орденом (февраль 1923 г., первый среди республик орден РСФСР). Были реконструированы и построены каналы Кушбар в Хасавюртовском районе, им. Держинского в Бабаюртовском, Самур–Дербентский, Юзбаш–Сулакский, в горах – Ахтынский, Хаджалмахинский, Ирганайский и др.

В 1925 г. орошаемых земель было уже 67,5 тыс. га. В последующие годы прибавлялось по несколько десятков тысяч га ежегодно. В 1930 г. введено заново в эксплуатацию 30,1 тыс. га (в том числе в горной зоне – 0,3 тыс.), в 1931 г. – 49,2 тыс. (в горной – 1,8 тыс.), в 1932 г. – 53,6 тыс. (в горной – 2,5 тыс.), в 1933 г. – 49,5 тыс. (в горной – 2,5 тыс.), в 1934 г. – 56,9 тыс. га (в горной – 2,5 тыс.) и всего в 1934 г. было уже 239,3 тыс. га орошаемых земель, из них 9,6 тыс. – в горной зоне. Таким образом, уже в 1934 г. был превзойден довоенный уровень ирригации. В 1940 г. площадь орошаемых земель в республике составила 348,5 тыс. га, причем степень их использования была довольно высокой (использовано – 337,8 тыс. га, полито – 310,1 тыс.) [113. С. 290–292; 115. С. 63; 159. С. 82, 83]. Но дело было даже не в том, что какая-то часть орошаемых земель была восстановлена, а в гораздо большем. Ирригация была избрана в качестве одного из основных средств специализированного развития сельского хозяйства, и, что особенно важно, основой для развития современных форм скотоводства.

Здесь прежде всего речь может пойти о кормопроизводстве. Дагестан – самая бедная на Кавказе (исключая, может быть, только Армению) область по наличию естественных сенокосных угодий (в начале XX в. здесь было 0,11 дес. сенокосных угодий на душу населения, а в Балкарии – 0,23; Карачае – 0,79; Кабарде – 0,84 дес. В отдельных горных округах было и того меньше: в Аварском – 0,09 дес. на душу, Андийском – 0,08, Самурском – 0,06, Гунибском – 0,05,

Даргинском – 0,04 дес., т.е. в 20 раз меньше, чем в Карачае или Кабарде) [114. С. 122; 12. За 1913 г. С. 8, 9; За 1909 г. С. 19].

Это делало во все времена очень острой проблему зимнего обеспечения скота кормами. Следует признать, что этот недостаток дагестанского скотоводства был учтен с первых лет коллективизации, и планирующие организации принимали меры для развития кормовой базы за счет сеяных кормов. Одним из первых шагов в этом направлении было постановление СНК ДАССР 1934 г. (сентябрь) об освобождении от зернопоставок зернофуражных посевов в колхозах, имеющих животноводческие фермы. Тем самым поощрялись и ферменное содержание и кормовые посевы [35. Ч. II. С. 119].

Правда, в течение первого периода решить эту проблему удовлетворительно не удалось. План сева кормовых трав был выполнен колхозами в 1937 г. – на 66%, в 1938 г. – на 59, в 1939 г. – на 80% (всего 13,6 тыс. га) [119. Т. I. С. 119]. В 1938 г. впервые был выполнен план сенокоса (192 733 га при плане – 190 тыс. га – 101,5%). В 1940 г. было скошено уже 236 тыс. га. Однако удельный вес кормовых культур при отмеченной выше бедности естественными сенокосными угодьями был явно недостаточен и намного уступал среднему российскому показателю. Так, в 1940 г. кормовые культуры занимали лишь 20,7 тыс. га из 406,4 тыс. (5%), в то время как по РСФСР – 10 млн 432 тыс. га из 92 млн 76 тыс. (11%). Для сравнения: в 1976 г. в республике кормовые занимали 142,5 тыс. га из 425,4 тыс. – больше трети всех площадей (33,4%) [35. Ч. II. С. 385, 421; 19. С. 37, 38; 25. С. 133, 134, 171, 172, 174, 178, 179; 22. С. 112; 28. С. 347].

Соответственно была низка и продуктивность скота. Так, средний удой от одной коровы составлял в 1940 г. в республике 434 кг, а по стране в целом – 1124 кг (в РСФСР – 1148 кг, в Северной Осетии – 600, в Адыгее – 1000, и только в Грузии – 461 кг и в Азербайджане – 435). Показатели были низкими в связи с удельным весом кормовых культур.

Еще одна тенденция, получившая затем дальнейшее развитие, заключалась в темпах и масштабах восстановления и развития садоводства и виноградарства. Это проявилось прежде всего на территории горной зоны (особенно среднегорья). Восстановить садоводство и виноградарство там было легко, потому что директивные планирующие органы, исходя из общей оценки хозяйственной ситуации, принимали меры для развития плодоводства и виноградарства во всех зонах. Так, президиум сельскохозяйственной секции Госплана СССР в своем постановлении от 16 июня 1924 г. указывал: “Принимая во внимание, что плодоводство в Дагестане до войны получило промышленное направление и техническая переработка его продуктов получила сравнительно широкое развитие (консервные заводы), что плодоводство в указанном районе является серьезной подсобной статьей к существованию населения, признать отпуск

средств на восстановление и развитие фруктоводства крайне желательным и присоединиться к ходатайству ЦК Последгола об открытии ему кредита на эту цель” [124. С. 90]. Такая целенаправленная политика не замедлила сказаться на росте садоводства и виноградарства. Если раньше во многих горно-долинных аулах для обзаведения садовым участком у реки необходимо было иметь зерновой клин на верхних участках, что сдерживало развитие садоводства, то теперь не только не было препятствий, но и принимались специальные меры для поддержки отрасли. Однако темпы роста площадей насаждений в первый период были невелики.

Характерная особенность восстановительного периода – зарождение основ современного хозяйственного развития (например, кормовые культуры, ферменное содержание скота, интенсификация садоводства и виноградарства), но реализация их, ввиду слабости финансово-производственной базы, была отложена на последующее время. Вот как выглядит развитие садоводства и виноградарства (3-я колонка) в эти годы (в тыс. га) [113. С. 301].

1913 г.	6,3	9,7	1926 г.	5,3	6,7
1923 г.	4,7	5,8	1927 г.	5,6	7,1
1924 г.	4,9	6,0	1928 г.	5,7	7,8
1925 г.	5,0	6,2			

В 1939 г. продукция садоводства и виноградарства, составляя всего 5% валовой продукции сельского хозяйства, давала 30% товарной продукции (больше была лишь доля товарной продукции животноводства – 43,1%) [34. Л. 74]. В 1940 г. урожай плодов составил 22 тыс. т против 4,7 тыс. в 1913 г. [123. Т. III. С. 325]. Садоводство, таким образом, становилось более масштабной отраслью по сравнению с дореволюционными временами.

Таковы итоги развития основных направлений экономики республики в восстановительный период. Важнейшим результатом этого периода явилось обобществление земельных ресурсов и сельскохозяйственного труда, создание на этой основе общественных хозяйств (колхозов и совхозов). Открывая большие возможности для использования техники, общественные хозяйства дали основу НТР в сельском хозяйстве. Благодаря им открывались предпосылки для реализации современных тенденций хозяйствования, включая специализацию, кооперацию и концентрацию профилированных производств, в частности в наращивании удельного веса садоводства, сеяных кормовых культур, орошаемого земледелия и т.п.

Достижением можно считать, что эти тенденции оказались весьма результативны, так как позволили обеспечить подъем сельского хозяйства республики, его продуктивность. Вместе с тем на этом этапе были заложены основы отчуждения крестьянина от земли, которые еще не так ярко проявлялись и не сказывались на результатах хозяйствования ввиду жившего еще в народе энтузиазма первых ре-

волюционных лет, веры в лучшее будущее и т.п. Пожинать плоды “отлучения от земли” пришлось в последующее время.

В целом (с точки зрения состояния хозяйства, его основных отраслей и их соотношения, выделения отдельных хозяйственных зональных типов и соответствующих ХКА) больших изменений не произошло. В республике жили те же категории населения: скотоводы равнины (с нижним предгорьем); пашенные земледельцы и отгонные скотоводы среднегорья; подвижные скотоводы и пашенные земледельцы высокогорной зоны. Некоторый сдвиг намечился в равнинном типе в связи с определенным техническим прогрессом в земледелии, особенно в вспашке. Увеличивая земледельческий характер типа, это явление одновременно ослабляет степень симбиозности земледелия со скотоводством, нарушает единство традиционной симбиотической триады – корма–тягловая сила–удобрения. Изменение технической оснащенности равнинного земледелия одновременно привело к увеличению типологического различия между равнинным и среднегорным земледельческими типами.

Второй период, характеризующийся специфическими особенностями хозяйственного развития, приходится на 1940–1965 гг. Это время крупных изменений в сельскохозяйственной политике правительства. Основная линия хозяйственного развития определялась утверждением колхозно-совхозного строя, обобществлением как сельскохозяйственных производительных сил, так и крестьянского труда. Однако в годы Великой Отечественной войны в сельском хозяйстве не происходило особых структурных изменений и был вполне объяснимый спад в производстве, хотя в условиях крайнего напряжения сил на фоне патриотического подъема произошел рост производительности труда, а также выпуска продукции в отдельных отраслях, особенно военных. Так, колхозное крестьянство Дагестана сдало государству за 1941–1944 гг. (по неполным данным) около 50 тыс. т мяса, 1,3 тыс. т масла, 1,2 тыс. т брынзы, около 120 тыс. т зерна, свыше 15 тыс. т картофеля, 42,6 тыс. т овощей, около 15 тыс. т винограда, до 18 тыс. т плодов, свыше 28 тыс. т сена, около 5 тыс. т шерсти, 135 тыс. голов КРС и около 2 млн голов МРС [123. Т. III. С. 395]. В 1947 г. вышло постановление Пленума ЦК партии “О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период”. Из других решений можно отметить постановления о трехлетнем плане развития животноводства (1949 г.), о создании самостоятельных управлений отгонного животноводства с политотделами при них. Принятие этих постановлений свидетельствует о большом внимании директивных органов к этой отрасли хозяйства.

Решения 1953–1955 гг. были направлены на более последовательное проведение принципа материальной заинтересованности (увеличение закупочных цен, погектарный принцип заготовок), расширение производства кормовых культур, преимущественный рост

поголовья КРС. Было определено, что планирование сельского хозяйства должно “проводиться с учетом лучшего использования сельскохозяйственных угодий”. Важной предпосылкой этого является планирование в обоих направлениях – сверху вниз для определения потребностей страны в ассортименте и количестве сельскохозяйственной продукции и снизу вверх, начиная “непосредственно в колхозах совместно с МТС и в совхозах”, для наиболее эффективного и реального использования угодий [116. С. 367].

Однако партийный и административный аппарат сводил на нет реализацию, решений, продолжая процесс отчуждения крестьянина от земли как собственника, что делало его постепенно безынициативным, незаинтересованным в результатах труда хозяйственником.

Не последнюю роль в подъеме сельского хозяйства должна была сыграть и техника, механизация. В 1950 г. пахота и сев на равнине были механизированы на 60% от общего объема работ, уборка – на 55%, сенокошение – на 38%. А уже в 1957 г. вспашка механизирована полностью, посев – на 98%, уборка – на 95% [112. С. 39, 161]. В горной части такие показатели не могли быть достигнуты. Однако в других сельскохозяйственных работах механизация была еще совсем недостаточна. Лучше обстояло дело в сенокошении: в 1965 г. оно было механизировано на 63%, но, например, в уборке овощей не было никакой механизации, копка картофеля механизирована на 2,4%, стогование сена – на 13,3%. Еще хуже обстояло положение в животноводстве. Техника использовалась в зерновом земледелии и отчасти сенокошении. Другие работы требовали более высокого уровня достижений НТР, развития средств автоматизации, компьютеризации, даже роботизации. Техника того времени могла испортить продукцию. Она была неудобной для работающего, вредной для животных и т.д. Вот почему в животноводстве доение коров было механизировано в 1965 г. только на 1,2%, раздача кормов – на 0,7, подача воды – на 5, очистка помещений на – 1,7%. Комплексной механизации не было вовсе, и только при стрижке овец (принцип стригущего аппарата с однообразными движениями был известен давно, хотя бы в косилках) технику использовали на 78%, а в совхозах – даже на 99,6% [22. С. 107]. Однако уровень механизации оставался низким, причем он отставал от показателей соседних регионов.

Так, доение было механизировано на Северном Кавказе на 27%, в Краснодарском крае – на 30,8% (в совхозах – на 54). Соответственно механизация подачи воды выражалась цифрами: Северный Кавказ – 57,5%, Краснодарский край – 77%; уборка навоза – 16,4 и 14,7%; раздача корма – 8,3 и 9% [215. С. 145, 146].

Техническая вооруженность сельского хозяйства прослеживается по величине производственных фондов (она показывает абсолютный рост материально-технической базы сельского хозяйства и ее удельный вес по отношению ко всем производственным фондам), по уровню фондовооруженности (величина показателя производствен-

Таблица 1

Обеспеченность колхозов и совхозов сельскохозяйственной техникой

Годы	Тракторы	Комбайны	Автомобили
1925	35	–	–
1927	74	–	–
1928	104	–	–
1932	721	–	–
1936	1300	–	–
1938	725	137	300
1941	1409	265	–
1951	2167	346	398
1955	3923	–	1845
1957	4318	885	2255
1959	4832	1092	1266
1960	3300	1300	4600
1965	11 808	1531	4697

ных фондов на одного работника) и фондообеспеченности (величина производственных фондов на 100 или 1000 га сельскохозяйственных угодий). Так, если в 1958 г. сумма производственных фондов в сельском хозяйстве Дагестана составляла 134,5 млн руб., то в 1960 г. она выросла до 173,2 млн, и в 1965 г. – до 238,6 млн руб. Фондообеспеченность (на 100 га) составила в 1958 г. по колхозам – 4 тыс. руб. (по совхозам – 26,6 тыс.); в 1960 г. – в колхозах – 5,6 тыс. руб. (в совхозах – 33,9 тыс.); в 1965 г. – в колхозах – 7,1 тыс. руб. (в совхозах – 16,6 тыс.). Общая цифра в колхозах и совхозах составила в 1960 г. – 6,8 тыс., в 1965 – 9,3 тыс. руб. [19. С. 31; 21. С. 62].

Наиболее четко фондовооруженность и фондообеспеченность выражаются в количестве сельскохозяйственной техники. Интересно проследить, как изменялась вооруженность колхозов и совхозов тракторами, комбайнами и автомобилями (табл. 1) [18. С. 47; 113. С. 281, 282, 398]. Получается, что в 1965 г. один тракторист обрабатывал 39,7 га посевной площади (в 1941 г. – 209,1) [123. Т. IV. С. 153].

Рост технической оснащенности сказался и на увеличении посевных площадей. Уровень 1913 г. – 377,3 тыс. га был почти достигнут в 1940 г. – 345,5 тыс. га. Этапы роста: 1927 г. – 162,1 тыс. га, 1928 г. – 210,6 тыс., 1960 г. – 439,4 тыс., 1965 г. – 469,2 тыс. га. Причем если в 1913 г. под зерновыми было 114,0 тыс. га, то уже в 1940 г. – 190 тыс., в 1960 г. – 322,4 тыс. и в 1965 г. – 350,5 тыс. га [26. С. 55]. Не надо объяснять, что зерновые – это основа земледелия и даже скотоводства. Не менее важное значение имеют кормовые культуры. Темпы их роста были даже выше, чем у зерновых. В 1913 г. кормовые культуры зани-

мали 3,2 тыс. га (1,2% всей пахотной площади), в 1940 г. – 20,7 тыс. (5%), в 1953 – 33,2 тыс. (7,9%) и в 1965 г. – 85,1 тыс. га (18%). Повышалась и урожайность: например, у многолетних трав она увеличилась с 10,2 ц с 1 га в 1940 г. до 34,6 ц с га в 1964 г. [18. С. 36; 22. С. 165]. В равнинных районах кормовые имели еще больший удельный вес и тенденцию роста. В Дербентском районе, например, кормовые культуры занимали в 1940 г. – 3,9% посевной площади, в 1955 г. – 5, а в 1965 г. – 18% посевной площади. В Ленинском районе они охватывали в 1965 г. 8,6 тыс. га из 22,4 тыс. га – 38,4% всей площади [22. С. 174]. И все-таки на этом этапе проблема кормов оставалась острой и республика намного отставала от уровня обеспеченности кормами, достигнутого в других областях и в целом по стране.

Значительного роста достигла другая отрасль растениеводства – садоводство и виноградарство. В 1953 г. площадь садов составила 16,7 тыс. га (1913 г. – 6,3 тыс.), виноградников – 5,0 тыс. га (1913 г. – 9,7 тыс.). В 1959 г. садов было уже 33,8 тыс. га и виноградников 20,8 тыс., в 1960 г. – 50,4 тыс. и 28,4 тыс. га соответственно. В 1965 г. площадь первых составляла 57,0 тыс. га, а вторых – 27 тыс. га. В 1959 г. было принято специальное постановление Совета Министров РСФСР “О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства в Дагестанской АССР” [19. С. 46; 187. С. 46]. Надо сказать, что отмеченная для предыдущего периода тенденция дальнейшего развития горно-долинного садоводства приобретает еще большую силу. Это связано с общим процессом профилизации и специализации.

Поскольку среднегорная зона, колыбель и цитадель дагестанского земледелия, строительства террас, многих эндемичных ценных злаковых культур, стала терять земледельческо-зерновой облик, то в долинах получило распространение садоводство, а в более высоких местах – скотоводство. Интересно привести некоторые данные о соотношении отраслей растениеводства в 1947 г. на равнине и в горах. Если на равнине полеводство давало 62,2% от общего объема продукции земледелия, то в горной части преобладало садоводство (53,7%), в то время как на равнине ему принадлежит только 5%. Второе по значению на равнине – виноградарство (22,3%), в горах оно ничтожно (1,6%), так же как и овощеводство (1,9%).

Уже на втором месте для горной части оказалось полеводство (42,8%) [108. С. 38], причем ножницы между садоводством и полеводством, в пользу первого, увеличивались с каждым годом. Например, с 1960 по 1965 г. площадь садов в горной части увеличилась почти на 1 тыс. га (с 13 979 до 14 955), что, учитывая рельеф, занятость более или менее удобных участков, трудности освоения их и т.п. – не так уж мало. В то же время в горах идет неуклонное сокращение площадей под зерновыми культурами. Так, с 1965 по 1970 г. они уменьшились со 109,5 тыс. га до 85,2 тыс. [21. С. 69, 85]. Заме-

тим, что в эту цифру входят и площади на равнинных кутанах горных хозяйств, тогда как садов на кутанах не было.

Теперь охарактеризуем развитие скотоводства и его соотношение с земледелием. В послевоенные годы животноводство стало развиваться экстенсивно. Преобладали малозатратные методы содержания животных.

Отгонная форма содержания скота для колхозов стала основной. Для этого использовали горные летние и зимние равнинные пастбища. Поворотным пунктом в развитии скотоводства стал 1953 год. Очень суровая зима привела к невиданному падежу отгонного на равнине скота горных районов. За один год поголовье овец уменьшилось более чем на 1 млн (1953 г. – 2,9 млн голов и 1955 г. – 1,8 млн) [18. С. 40]. Падеж этот удалось восполнить с большим трудом рядом экстраординарных мер лишь к 1960 г. В этот год снова был преодолен рубеж поголовья МРС 1913 г. (2,9 млн) и 1953 г. (2,9 млн).

Достигнутый в 1960 г. уровень поголовья оставался относительно стабильным на протяжении всех последующих лет, что является, скорее всего, не только свидетельством правильности ведения овцеводческого хозяйства, но и признаком определенного рубежа, дальше которого овцеводство в республике без ущерба для остальных отраслей скотоводства и народного хозяйства, подняться, по-видимому, не может. Рубежом можно считать, судя по всему, уровень в 3,5 млн голов. Приведем для наглядности движение поголовья с 1960 г. – 3,1 млн голов; 1966 г. – 3,0 млн; 1976 г. – 3,3 млн; 1980 г. – 3,4 млн, 1986 г. – 3,4 млн голов [22. С. 135; 25. С. 100].

В процессе хозяйственного развития возникает и отсутствовавшая на первом этапе проблема породности скота. Высокопородные крупные (“тяжелые”) виды скота, дающие много качественной продукции, нуждались в лучшем уходе. Они были плохо приспособлены к тяжелым условиям отгонного скотоводства, требуя стационарного содержания. Поэтому разведение высокопородного скота самым существенным образом сказалось на соотношении его видов по зонам и способствовало развитию стационарного скотоводства, относительно уменьшению отгонного содержания скота. Так, в 1953 г. горные и предгорные колхозы оставили на весь год на равнине в Кочубейской зоне отгонных пастбищ 3–4 тыс. мериносов, а в 1964 г. поголовье таких “оставленных” овец составило уже 150 тыс. А количество породного скота все увеличивалось. Если он составлял в 1939 г. 40% поголовья МРС колхозов, то в 1955 г. – 73,9%, в 1960 г. – 74,9, в 1964 г. – 79,5% [21. С. 121]. В дальнейшем рост его удельного веса продолжался и соответственно увеличивалось поголовье МРС горных колхозов, оставаемого на равнине.

Аналогичное явление наблюдается и в содержании КРС, причем даже в большей степени, поскольку он по своим физико-биологическим качествам менее приспособлен к отгонному содержанию, чем МРС. Большую часть породного КРС горные колхозы были вынужде-

ны содержать на равнине (и часть в горах, но тоже на стационаре). В 1955 г. породный КРС составлял 22,2% от всего поголовья общественных хозяйств, в 1960 г. – 35,5, в 1964 г. – 34,4% (из них коров – 52,7%). Соответственно на равнине в 1951 г. содержалось 20,2% КРС горных колхозов, в 1961 г. – 22,8, в 1966 г. – 24,2% [21. С. 121, 122; 22. С. 193].

Определенные сдвиги происходят и в соотношениях валовой продукции главных отраслей сельского хозяйства – земледелия и скотоводства. В целом по республике на втором (и на третьем) этапе наблюдался между ними примерный паритет.

Так, в 1958 г. валовая продукция сельского хозяйства составила 172,7 млн руб. (колхозов и совхозов 117,4 млн). Доля земледелия составила 47% (в общественных хозяйствах – 57). В 1960 г. общий показатель – 186,6 млн руб. (продукция колхозов и совхозов – 128,5 млн), продукция земледелия – 45% (в совхозах и колхозах – 57). В 1965 г. валовая продукция – 243,6 млн руб. (совхозы и колхозы – 178,5 млн). Доля земледелия – 53% (в колхозах и совхозах – 76) [19. С. 34; 25. С. 59, 60]. При стабильном небольшом повышении удельного веса продукции животноводства во всех категориях хозяйств, в колхозах и совхозах, напротив, также устойчиво растет удельный вес продукции земледелия. Это было связано с ростом земледельческого хозяйства, с обработкой новых массивов орошаемых земель, садов, виноградников, главным образом на равнине.

Теперь кратко определим основные тенденции хозяйственного развития второго этапа.

Одна из них – механизация многих полевых земледельческих работ, главным образом на равнине. При этом ряд объективных обстоятельств привел к тому, что механизация в скотоводстве пребывала в зачаточном состоянии. Такое, казалось бы, второстепенное обстоятельство способствовало углублению различий между земледельческим равнинным и горным скотоводческим ХКТ. Так сложилась и быстро выросла дополнительная разделительная грань в хозяйстве обеих зон. Произошло множественное наложение факторов экологического характера (трудности механизации из-за ландшафта, рельефа) и технического (угодья, животные). Оказалось, что механизировать животноводческий труд тяжелее (необходимость контакта с живым существом, множественность и разнородность необходимых операций и т.п.), чем труд земледельческий.

Кроме того, следует отметить еще одно обстоятельство – на равнине вола заменил трактор. Соответственно резко упала роль КРС как рабочего скота. В горной части этот процесс шел намного медленнее, и поэтому на этом этапе сложилась еще одна предпосылка для разъединения равнинного и горного хозяйственных типов. С этим же связана переориентация равнинного скотоводства на мясомолочное, с преобладанием КРС. МРС равнины составлял в 1966 г. 21% от поголовья МРС республики, а КРС – 24% от поголовья КРС;

в переводе на условное поголовье, МРС равнины составлял 8,9% от всего поголовья республики, а КРС – 14,1% [22. С. 193, 199]. К этому следует добавить еще, что КРС равнины был самый породистый, крупный, продуктивный (25% коров равнины давали в том же году 34% молока республики [22. С. 195, 208].

Еще одна важная тенденция, обусловленная поляризацией земледелия и животноводства по крайним зонам, заключалась в том, что начался и развивался процесс утраты специфики и падения удельного веса среднегорного хозяйственного типа земледельцев и скотоводов в совокупной системе ХКТ Дагестана.

Мы уже отмечали, что это было связано с тем, что земледелие горной части стало изживать себя.

Естественно, что в связи с этим происходила частичная переориентация средств и трудовых ресурсов на другие занятия. В одних районах получило дальнейшее развитие долинное садоводство, в других – отгонное скотоводство, в третьих – сосуществовали обе отрасли. Последние, как правило, были благодаря этому экономически мощными районами. Например, семь районов среднегорья – Акушинский, Ботлихский, Гергебильский, Гунибский, Левашинский, Унцукульский и Хунзахский имели 57,4% всех плодово-ягодных насаждений и 35,4% поголовья МРС горной части, включая и высокогорье (21 район) [22. С. 175, 199]. А это именно те районы, в которых развитое отгонное скотоводство сочеталось с садоводством. Однако этот процесс, как и некоторые другие, набрал полную силу только на третьем этапе.

Естественно, что поляризация хозяйственных типов способствовала более четкому выделению скотоводческого ХКА высокогорья. Если до революции доминировал среднегорный земледельческо-зерновой тип хозяйства, а высокогорный скотоводческий и долинный садоводческий были как бы его подтипами, то впоследствии среднегорный тип постепенно размывается, теряя характерные черты хозяйства, специфику культуры и быта. В результате тип высокогорных скотоводов как бы расширяется, включая среднегорье, с существенной поправкой к характеру скотоводства – вместо подвижного главным становится отгонное скотоводство.

Эти тенденции и процессы получили завершенность на третьем этапе. Не потому, что было принято какое-то особо решающее постановление, после которого развитие сельского хозяйства коренным образом изменилось (хотя было принято немало экономически обоснованных решений о преобразовании сельского хозяйства). Дело в том, что указанные нами тенденции постепенно набирали силу, происходило накопление, аккумуляция их элементов. Естественно, что этот процесс аккумуляции должен был иметь определенные результаты. Они обозначали становление новых форм, которые приобрели качественно иные параметры и тем самым вошли в русло новых закономерностей развития экономики. Этот хронологический

рубеж мы выбрали потому, что решения партии и правительства, вынесенные в это время, способствовали ускорению развития сельского хозяйства и одновременно отражали более четко тенденции его развития. В частности, мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС указал, что основные причины отставания сельского хозяйства – нарушение экономических законов развития производства, существование диспропорций между сельским хозяйством и промышленностью, отсутствие принципа материальной заинтересованности, подмена экономического стимулирования администрированием.

Особое значение для Дагестана могло иметь постановление “О мерах по улучшению использования Черных земель и Кизлярских пастбищ”. Оно предусматривало повышение продуктивности пастбищ и сенокосных угодий, проведение ряда культурно-технических мероприятий, улучшение культурно-бытовых условий работников животноводства на отгонных пастбищах.

Ряд полезных решений был принят XXVI съездом партии (1981 г.). Конкретизируя решения съезда, ЦК и Совет Министров издали ряд постановлений: “Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса”, “О мерах по совершенствованию экономического механизма и об укреплении экономики колхозов и совхозов”, “О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в увеличении производства продукции и повышении ее качества”, “О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения”, “О дальнейшем укреплении колхозов и совхозов руководящими кадрами и специалистами, повышении их ответственности в развитии сельскохозяйственного производства” и др.

Сами названия этих постановлений уже свидетельствуют о том, что партия правильно оценила сложившуюся ситуацию в сельском хозяйстве. Эти меры в определенной степени улучшили обстановку в сельском хозяйстве, принесли пользу и экономический эффект, хотя и не решили все проблемы.

Апрельский Пленум (1985 г.) выдвинул на первый план новые акценты концепции и стратегии преобразований.

В решениях XXVII съезда, последующих пленумов был сделан упор на экономические методы хозяйствования, расширение самостоятельности и повышение ответственности колхозов и совхозов за результаты своей деятельности [8. С. 30]. Снова и снова провозглашалось, что основной замысел перестройки “открыть простор экономическим методам хозяйствования”.

Несомненно, эти решения оказали большое воздействие на экономику села, культуру сельскохозяйственного производства, эффективность использования техники, моральное состояние тружеников села. Однако во всех решениях и мероприятиях проглядывает половинчатость, порой нерешительность, а часто и нежелание по-

ступиться некоторыми из “завоеваний”, в частности монополией колхозов и совхозов, приведшими страну к глубокому экономическому кризису. Его преодоление было затруднено из-за монополии колхозов и совхозов на землю, отсутствия земельного фонда для развертывания прогрессивных форм сельскохозяйственного предпринимательства, увеличения прав колхозно-совхозной администрации, понимающей демократию как удельную вседозволенность.

Постараемся проследить, как формировалось на протяжении третьего периода хозяйственное развитие, как закладывались основы и шла эволюция современного хозяйственного районирования, какие тенденции и линии хозяйственного развития предыдущих периодов вырабатывались и стали преобладать, некоторые из них, наоборот, исчезли.

Начать следует, по-видимому, с технической оснащенности сельского хозяйства. Как мы уже указывали при освещении предыдущих периодов, одним из главных показателей в этом отношении являлись производственные фонды, обеспеченность (на 100 га) и вооруженность (1 работника) ими. Если в 1965 г. производственные фонды сельскохозяйственного назначения оценивались в 249,3 млн руб., то в 1970 г. они составляли 408,5 млн (рост на 63,8%), в 1975 г. – 724,1 млн (рост в 2,9 раза), в 1980 г. – 1,1 млрд руб. (в 4,3 раза), в 1985 г. – 1,5 млрд руб. (в 5,9 раза). В 1965 г. фондообеспеченность составляла в республике 9,3 тыс. руб. Дальнейший рост выглядит так: 1970 г. – 15,5 тыс. руб. на 100 га; 1975 г. – 26,8 тыс., 1980 г. – 39,5 тыс., 1985 г. – 53,2 тыс. руб. [22. С. 91, 98; 26. С. 50; 25. С. 63].

Также быстро росла фондовооруженность. В 1965 г. она составляла 1294 руб. на одного работника, в 1970 г. – 2263 руб. (рост на 74,8%), в 1975 г. – 3654 (на 182,4%), в 1979 г. – 5438 (на 48%), в 1985 г. – 8077 руб. (на 48%) [25. С. 62].

По темпам роста производственных фондов Дагестан значительно превзошел всесоюзный уровень. Правда, по обеспеченности наличными фондами Дагестан, хотя и подтянулся к общесоюзному показателю, все-таки отставал от него. В 1976 г. фондовооруженность по стране (союзу) – 31,1 тыс. руб., по Дагестану – 29,2 тыс. руб. (но в совхозах эта цифра достигла 47,3 тыс.). В 1986 г. фондовооруженность по стране (союзу) составила 12,6 тыс. руб., по Дагестану – 8,1 тыс. руб., а фондообеспеченность соответственно 55,7 тыс. и 35,2 тыс. руб. [91. С. 68; 28. С. 174, 280; 22. С. 98; 26. С. 50]. Приближение к всесоюзному уровню по этим важнейшим показателям экономики свидетельствовало о том, что основа для дальнейшего подъема сельского хозяйства в республике заложена, что имеется солидная материальная база для ускорения и увеличения механизации, внедрения достижений НТР. Вместе с тем значительное отставание фондовооруженности можно было считать несколько тревожным симптомом. По степени использования фондов, а следовательно, техни-

Таблица 2

Сельскохозяйственные производственные фонды, в %

Сельскохозяйственные производственные фонды	1976			1985		
	СССР	РСФСР	ДАССР	СССР	РСФСР	ДАССР
Здания, сооружения, передаточные устройства	61,6	61,2	44,2	64,1	65	45,7
Машины и оборудование всего, из них	17,4	18,7	12,5	16,7	18	11,8
а) силовые машины и оборудование	7,3	7,5	6,1	7,1	7	6,1
б) рабочие машины и оборудование	9,7	10,8	6,0	9,2	10	5,5
Транспортные средства	3,6	3,8	3,7	3,6	4	4
Рабочий скот	0,5	0,6	0,7	0,4	0,4	0,4
Продуктивный скот	10,7	11,7	10,8	9,3	10	9,2
Многолетние насаждения	3,5	1,7	24,7	3,1	1,4	24,2
Остальные	2,7	2,3	3,4	2,8	2,6	4,7
Всего	100	100	100	100	100	100

ки, оборудования, материалов и, что особенно важно, по производительности труда республика отставала от всесоюзных показателей. Особенно это касалось животноводства. Для иллюстрации сравним структуру производственных фондов Дагестана, РСФСР и СССР в 1976 и 1985 гг. (табл. 2) [28. С. 291; 27. С. 129; 22. С. 93].

Таблица показывает, что относительное равенство уровней фондообеспеченности и фондовооруженности обеспечивалось для Дагестана за счет земельного оборудования и техники, многолетних насаждений, а в главном пункте (здания и др.), имеющем наибольшее отношение к механизации животноводства, он во многом уступает федеративному и общесоюзному уровню.

Обращает на себя внимание небольшой процент рабочего скота в фондах по сравнению с продуктивным. Показательно также, что одним из слабых пунктов структуры фондов Дагестана являются машины и оборудование. Указанная слабость производственных фон-

Таблица 3

Отраслевая структура производственных фондов, в млн руб.*

Годы	Всего	Растениеводство	Животноводство
1965	249,3	110 (44)	97,2 (39)
1970	408,5	221,9 (54,3)	121,1 (29,6)
1975	724,1	397,1 (54,8)	217,0 (30)
1980	1084,0	625,2 (57,7)	326,5 (30,1)
1985	1474,6	881,2 (59,9)	427,5 (28,9)

* В скобках указаны проценты.

дов животноводства наглядно иллюстрируется их отраслевой структурой (табл. 3) [22. С. 91; 25. С. 61; 26. С. 51, 54, 55].

Характерно, что в соотношении фондов земледелия и животноводства разрыв между ними не сокращается, а увеличивается, и к настоящему времени земельные фонды более чем вдвое превышают животноводческие. Это следствие отсталости механизации трудовых процессов в животноводстве. Приведем сравнительные данные о механизации в скотоводстве и земледелии (табл. 4) [Там же].

Из данных видно, как медленно растет механизация в животноводстве, в том числе овцеводстве.

В равнинной зоне, где и хозяйства были побогаче, и фонды были доступнее, и степень применимости техники была выше, положение было лучше. Для сравнения укажем, что в совхозе "Горьковском" Кизлярского района все поголовье КРС (2237 голов) еще в 1977 г. было обеспечено механизированной подачей воды и раздачей корма с применением электроэнергии и все овцы острижены электроагрегатами. В колхозе "Правда" Хасавюртовского района также в 1977 г. из 3888 голов КРС механизированной подачей воды с применением электродвигателей были обеспечены 3800 голов (97,7%), подачей кормов – 2500 голов (64,3%), очисткой помещений – 2740 голов (70,4%), комплексной механизацией – 2500 голов (64,3%) [47. Тетр. 1. С. 73 (ст-ца Александрийская); С. 143 (с. Аксай)]. В то же время в колхозах им. К. Маркса (с. Гибли), им. Дамадаева (с. Гочоб) Чародинского района, им. Мирзабекова (с. Шиназ), "Красный партизан" (с. Михрек) и совхозах "Новый путь" (с. Лучек, Амсар) Рутульского района, "Коммунизм" (с. Кабир) Курахского, "Стальский" (с. Рича) Агульского и др. не было в содержании скота почти никакой механизации [48. С. 130; 52. С. 18, 55, 56, 69; 53. Дн. 1. С. 36].

Картина механизации сельского хозяйства была бы неполной без рассмотрения вопросов энерговооруженности труда. И здесь наблюдается качественный скачок. Если в 1966 г. потребляющих

Таблица 4

**Уровень механизации сельскохозяйственных работ
относительно объема работ, в %**

Вид работ	1965 г.		1970 г.		1975 г.	
	кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы
Копка картофеля	2,4	—	8	1,6	33	45
Уборка овощей	—	—	—	5,8	2	0,6
Сенокошение	63	—	60,8	82,4	60	81
Стогование сена	13,3	—	36,2	58,8	20	53
Дояние коров	1,3	—	3	1	12	17
Подача воды	5	—	7	10,8	9	23
Раздача кормов	0,7	0,7	1,6	2,3	7	12
Очистка помещений	—	1,7	5	4,7	12	20
Комплексная механизация	—	—	10	0,7	3	11,6
Стрижка овец	78	99,6	79	84	82	77,5

электроэнергию колхозов было 38,1%, совхозов – 79,1, то в 1971 г. показатель для колхозов вырос до 67,7, а совхозов – до 100%.

В 1976 г. потребляли электроэнергию на производственные нужды 531 колхоз и совхоз из 534 (99,4%), а с 1979 г. такое потребление стало стопроцентным [19. С. 33; 22. С. 103; 25. С. 65; 26. С. 52]. С 1965 г. энергетические мощности сельского хозяйства республики возросли в 5 раз, энерговооруженность (на одного работника) – более чем в 4,5 раза [189. С. 76]. Если в 1971 г. на 100 га посевов приходилось 281 л.с. и на одного работника – 6,2 л.с., то в 1975 г. на 100 га приходится 408 л.с., на работника – 8,9. В 1979 г. эти показатели поднялись до 637 и 13 соответственно, а в 1986 г. на 1000 га было уже 770 л.с. и на одного работника – 15,2 [22. С. 204; 25. С. 65; 26. С. 51, 55].

Рост фондо- и энерговооруженности выражался и в увеличении в сельском хозяйстве самых необходимых для него машин – тракторов и комбайнов. В 1960 г., как указывалось, было 3300 тракторов, 1300 комбайнов и 4600 автомобилей. В 1970 г. было уже 7555 тракторов и 1585 комбайнов, в 1971 г. – 8649 и 1734 соответственно, в 1976 г. – 10 737 и 1877, в 1980 г. – 13 014 тракторов, 2052 комбайна и 6000 автомобилей, и, наконец, в 1986 г. – 13 340 тракторов, 2293 комбайна [21. С. 141; 25. С. 66; 26. С. 53; 124. С. 300]. Нет нужды доказывать, что рост технической оснащенности производственных фондов углублял процесс размежевания равнины, с одной стороны, горной части – с другой, ибо при всем желании их нельзя реализовать в горной части.

1980 г.		1985 г.	
кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы
31,3	22	29	32
—	—	—	3
65	77	—	—
59	34	39	22
33	36	38	41,9
24	27	26	28
22	23	25	24
26	32	29	33
20	21	23	23
78	64	75	64,1

240,8 тыс., 1985 г. – 217,9 тыс. га. Немного сократились и технические культуры (1975 г. – 10,3 тыс. га, 1985 г. – 7,7 тыс. га). Посевы картофеля и овощебахчевых остались на одном уровне, чуть увеличиваясь (1970 г. – 21,4 тыс. га, 1985 г. – 24,4 тыс. га), но более всех выросли кормовые (1970 г. – 132,5 тыс. га, 1985 г. – 188,6 тыс. га) [26. С. 54–55]. Тем не менее положение с кормами в республике оставалось на протяжении этих лет напряженным. Как отмечал М.М. Абдулбасиров, в конце 1970-х годов в республике при средней потребности в 25–30 кормовых единиц (к.е.) на одно животное фактически имелось 8–10 к.е., т.е. 37–41% потребности [58. С. 12–13]. Между тем площади под кормовыми культурами, как уже отмечалось, непрерывно росли. В 1970 г. они составляли 31% от всей посевной площади (уже достаточно много), в 1975 г. – 32,5; в 1980 г. – 37; в 1985 г. – 43% [22. С. 165, 174; 26. С. 80, 87].

Большая часть посевов кормовых культур приходилась на равнину. Здесь и пашни больше, и техники, да и стойловое скотоводство, требующее больших и кормовых припасов, более развито. В семи равнинных районах из 41 (Бабаюртовском, Кизлярском, Ногайском, Тарумовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Ленинском) в 1985 г. было 97,7 тыс. га кормовых культур из 188,5 (51,8%), в 1965 г. их было 54,3 тыс. га, 1970 г. – 78,2 тыс., в 1975 г. – 77,1 тыс., 1980 г. – 82,5 тыс. га. В Дербентском районе в 1965 г. кормовые составляли 18% всей посевной площади, а в 1985 г. – 45%, в Магарамкентском районе соответственно 15 и 57%, в Ленинском в 1985 г. –

Тесную связь развития отраслей сельского хозяйства с природными условиями демонстрирует положение с кормообеспечением в республике.

Десятки лет пытались решить этот вопрос: выделялись новые пастбища вне республики, отпускали значительную часть зерна из государственных запасов, увеличивали посевы кормовых культур. Но проблему не решили. Общая площадь посевных с 1970 г. сохранялась примерно на одном уровне (1970 г. – 426,8 тыс. га), 1975 г. – 428 тыс., 1980 г. – 433,6 тыс., 1985 г. – 438 тыс. га), не уменьшаясь, а даже немного увеличиваясь. Площади зерновых культур сократились. Под виноград и кормовые отводили в 1970 г. 260,2 тыс. га, 1980 г. –

49% [48. С. 2, 22, 57; 47. Тетр. 2. С. 21]. К сожалению, и этих масштабов и темпов явно не хватало для интенсивного скотоводства, которое в настоящее время требовало увеличения степени безотгонного, стойлового содержания, для чего нужна сильная кормовая база. Сказывается сухость климата Дагестана и соответственно бедность сенокосными угодьями. Если в РСФСР сенокосы составляли 25% сельскохозяйственных угодий, то в Дагестане только 9,4% [215. С. 43, 112, 180; 28. С. 300].

Наиболее продуктивный и плодотворный путь улучшения кормовой базы – увеличение посевов кормовых культур, особенно на орошаемых землях. Но резервы пахотных земель республики ограничены. Удельный вес пашни составляет всего 0,35 га на душу, в то время как по стране он достигал 0,96 га. В Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области на 100 кв. км приходится 50 тыс. га посевов, а в Дагестане всего 9 тыс. (в 5,5 раза меньше).

В РСФСР пашня составляет 61% сельскохозяйственных угодий, в СССР – 41, в Дагестане – 16,6%. И лишь по малопродуктивным, частью уже пришедшим в негодность пастбищам Дагестан держит первенство (РСФСР – 28% угодий, СССР – 51,4; Дагестан – 70,8%). Между тем гектар равнинных зимних пастбищ приносит всего лишь 20–30 руб. дохода, а гектар сеяных культур здесь же – 300 руб. [22. С. 111; 215. С. 43, 112, 180; 123. Т. IV. С. 151, 164, 165; 28. С. 300]. Но и для пастбищных угодий больше резервов нет, они одинаково выбиваются и в горах (летние), и на равнине (зимние). Много вреда приносит пастбищам скот индивидуальных владельцев. Если раньше община жестко регламентировала выпас скота, то сейчас этим местные органы власти мало занимаются, и поэтому беспорядочный выпас губит пастбища и даже сенокосы.

В критическом состоянии находятся пастбища Ногайской степи, Кизлярщины.

За последние годы на “черных” землях превратились в пески 160 тыс. га равнинных земель, используемых под пастбища. Немалую роль сыграли в этом и выдавшиеся подряд несколько засушливых лет [52. С. 9; 158. С. 69]. Думается, повинна в этом и традиционная система выпаса. Та система, которая выработалась на хороших горных пастбищах, с методами выделения отдельных участков и выпаса на них скота до полного их выедания (как говорил нам один чабан – выеденное и нетронутое пастбище отличались как сжатая и несжатая полоса), не пригодна на равнинных зимних пастбищах со скудной растительностью. На равнине выпас должен быть вольный, “веерный”, с большим диапазоном даже в течение короткого промежутка времени, т.е. его режим должен быть максимально щадящим.

Другая сторона кормообеспечения – это вопрос о нагрузках. По свидетельству чабанов, специалистов в зоне Уланхола, пастбища совершенно не пригодны к использованию по причине чрезвычайных нагрузок на них. Вместо положенных при таких скудных пастбищах

0,8 голов МРС на 1 га здесь держали 2–3 овец на 1 га. Результат известен [Там же]. К сожалению, сиюминутные выгоды хозяйственников приносят в наше время непоправимый вред используемым угодьям. Нам уже приходилось останавливаться на этом вопросе во вступительной части работы. Хочется только добавить, что ученые относятся к данной проблеме настолько серьезно, что даже введен новый термин в науку о земле и обществе – “ноосфера”. В.И. Вернадский определяет ее “как состояние преобразованной человечеством биосферы”. “Биосфера переходит в ноосферу” [105. С. 139]. Биосфера, по словам И.М. Забелина, “комплексная оболочка” земли, выделенная географами и названная В.И. Вернадским биосферой. (Ф.И. Гиринок называет эту оболочку “приповерхностной оболочкой земли” [118. С. 24; 105. С. 139]. И, еще одно высказывание: ноосфера – не общество, не среда, даже и подвергшаяся “сильному воздействию социальной жизни. Это нечто иное, в котором сливаются развивающееся общество и изменяемая им природа, взаимодействующие самым тесным образом” [139. С. 165]. Таким образом, речь идет о большой степени взаимодействия, взаимозависимости природы и общества, которые образуют в известном смысле нечто единое. В этом взаимопроникновении “действуют особые закономерности, в которых сложнейшим образом переплетаются законы неживой и живой природы, законы общества и законы человеческого мышления” [Там же]. Правы исследователи, подчеркивающие это органическое единство. Оно, являясь гарантом существования природы и человека, поддерживает и равновесие между ними. Если человек, обладающий в отличие от неживой природы свойством мышления, забудет о взаимном единстве и ранимости этого союза, он может поплатиться своим благополучием и даже существованием. Высокая степень гармонического единства биосферы и общества (а именно такая степень подразумевается представителями наук о земле – геологами, географами, биологами и др.) имеет очень зыбкое равновесие. Любое нарушение в этом механизме глобального масштаба (как, например, уничтожение тропических лесов бассейна Амазонки) или местного (как опустынивание степей Прикаспия) может иметь для общества непредсказуемые последствия, может привести к необратимым экологическим процессам и катастрофам. Ежедневный процесс уничтожения природы не менее страшен по своим последствиям, чем очевидные катастрофы. В Дагестане уже многие годы происходит насилие над естественной производительностью и состоянием земли, и происходит это прежде всего в использовании пастбищ. Наши предки не совсем умели соразмерять количество выпасаемого скота с производительностью пастбищ, в отличие, скажем от Швейцарии. Но у них все-таки было понятие о пределах возможного. Это отражалось, в частности, в отдельных жестких регламентациях общины (например, запрещение держать летом в ауле и присельской округе овец, разделение пастбищ по ви-

дам скота и др.). Но в наше время не используется даже этот опыт, и можно видеть, как отары овец нескольких владельцев свободно пасутся и перемещаются в любых направлениях и выедают любую растительность, в том числе в садах, подлесках, кустарниках (т.е. выводятся и леса). Поэтому процессы эрозии в горах (впрочем, как и на равнине) можно сказать фундаментальны. Следовательно, надо поставить в определенные рамки скотоводство колхозов, совхозов и индивидуальных владельцев, привести его в соответствие с естественной производительностью пастбищ в каждом населенном пункте, строго разделить угодья по видам скота, исключить “дикий” выпас, свободное разгуливание скота по сельским угодьям.

Разумеется, дело не только в действиях владельцев скота. Многие общественные хозяйства также не соблюдают норм допустимых нагрузок на пастбища. Руководители этих хозяйств нередко исходят из того, что есть сеяные кормовые культуры, а с ними не всегда все бывает благополучно, вследствие чего и происходит перегрузки пастбищ, что сказывается на состоянии угодий. Нам представляется, что в республике больше скота, чем могут выдерживать его пастбища. Это можно подтвердить простыми, хотя и не совсем точными подсчетами.

Емкость пастбищ Калмыцкой степи оценивается в 80 голов МРС на 100 га пастбищ, Терско-Кумской низменности – в 100 голов на 100 га (Ногайские пастбища – 150 голов, Кизлярские – 100 голов на 100 га), Присулакских пастбищ – в 200–250 голов. Емкость летних пастбищ Дагестана в среднем – 400–600 голов, хотя имеются и гораздо лучшие – 1000–1200 голов. Весенние пастбища (это, в основном предгорье) имеют емкость в 300 голов на 100 га [103. С. 98; 171. С. 23; 183. С. 265; 211. С. 102; 52. С. 9]. Горных пастбищ в республике насчитывается 490,5 тыс. га, следовательно, без ущерба для угодий они могут принять 1 млн 960 тыс. голов МРС. В одной горной зоне в 1986 г. было 2 млн 271,3 тыс. голов овец. Эти овцы безусловно были летом в горах (за небольшим исключением). Несомненно, что и большая часть овец равнины и предгорья также выводится летом на горные летние пастбища (1 млн 157 тыс. голов). Теперь приплюсуем к ним количество КРС горной зоны – 403,8 тыс. голов [26. С. 107, 111; 215. С. 43, 112, 180; 22. С. 111], что соответствует 2 млн 422,8 тыс. голов МРС. Если даже мы допустим, что в горы не идет летом четвертая часть овец и КРС горной зоны, половина поголовья МРС предгорной и равнинной, весь КРС равнины и предгорья, то и в этом случае на горных пастбищах оказывается 2 млн 282 тыс. голов МРС и 303,5 тыс. голов КРС (т.е. в переводе на условную голову 1 млн 821 тыс. голов МРС), всего – 4 млн 203 тыс. голов МРС. Такая нагрузка более чем в 2 раза превышает естественную емкость горных пастбищ. Предгорные пастбища большим подспорьем служить не могут, так как, во-первых, их сравнительно немного, и, во-вторых, они используются главным образом в другое время – для весеннего выпаса.

Аналогичное (с горными) положение сложилось и с равнинными пастбищами. На 1 млн 206,4 тыс. га пастбищ безусловно выпасался зимой весь скот равнины, часть скота предгорья и особенно горной части. КРС равнины – 248,3 тыс. голов (соответствует 1 млн 489,8 тыс. голов МРС), МРС – 765,5 тыс. голов. Итого 2 млн 255,3 тыс. голов МРС.

Если исходить из расчета 100 голов МРС на 100 га, то равнинных пастбищ не хватит даже для собственного скота. Правда, надо учитывать, что КРС равнины зимой бывает практически в стойле, поэтому следует принимать во внимание в основном МРС. Его, как указывалось, имелось 765,5 тыс. голов. К ним можно с полным основанием прибавить теперь поголовья МРС предгорья (130,5 тыс. голов) и половину поголовья горной части (1 млн 135,6 тыс.). Всего выпасаемых на зимних пастбищах равнины овец получится – 2 млн 31,6 тыс. голов – почти вдвое больше допустимой нормы, так как мы брали минимальные допуски. Даже если прибавить к ним 356,7 тыс. га выделенных Дагестану весьма некачественных пастбищ Калмыкии, Ставрополя, Чечено-Ингушетии и Азербайджана [159. С. 78], положение не намного изменится. Выход видится в значительном сокращении пастбищно-отгонного скотоводства, с расширением базы сеяных кормов с соответствующим увеличением удельного веса стойлового содержания скота. Имея в виду эти обстоятельства, а также большие потери скота (и конечной продукции) при перегонах, отдельные специалисты предлагают сократить отгонное скотоводство. Их аргументы выглядят довольно убедительно: примерные потери во время перегонов составляют 15% веса скота (5 тыс. или 3–3,5% поголовья, т.е. 45 тыс. голов). Использование равнинных земель в качестве пастбищ, особенно в зоне орошения, крайне нерационально (вспомним разницу в доходах – 20–30 руб. с пастбищ и 300 руб. – с посевов), и их использование для земледелия, садоводства, даже стойлового содержания скота во много раз повышает их экономическую эффективность и рентабельность [153. С. 53–62]. Все это правильно, но, к сожалению, вопрос упирается в необходимость решения другой проблемы – кормовой базы. Поэтому прав был М.М. Абдулбасиров, полагавший, что “ввести стационарное содержание и отказаться от сложившегося перегона и перевозки овец можно только при обеспечении овцеводческих комплексов и ферм необходимыми кормами на весь год”. По его мнению, при переводе на стационар следует “продумать меры по рациональной загрузке” горных пастбищ, что “соответствует разумному использованию производительных сил республики” [57. С. 96]. Выше нам приходилось отмечать, что проблема кормообеспечения упирается в отсутствие резервов пахотных угодий.

Поэтому картина развития скотоводства в эти годы характеризуется определенной противоречивостью.

Растет овцеводство, и, следовательно, расширяются масштабы отгонного скотоводства. Но, с другой стороны, идет борьба за высокую продуктивность скота, сопровождаемая ростом его породности, а это автоматически приводит к увеличению удельного веса стационарного скотоводства. Если в 1964 г. породный МРС составлял 79,5%, то к 1969 г. он вырос до 87,1%, в 1974 г. – до 88, и в 1980 г. – до 89%. Из них доля дагестанской горной овцы составляла 70%, грозненской токорунной – 18, лезгинской – 11 и андийской – 1% [21. С. 121; 23]. Естественно, на этом уровне темпы роста сильно замедлились, так как в условиях Дагестана, особенно в горных колхозах и совхозах, еще не везде были возможности и условия для содержания породного скота.

Примерно такими же темпами происходил рост породности КРС. Причем надо отметить, что для увеличения породности КРС большее значение имели методы и способы содержания, в частности увеличение удельного веса стационарно содержащегося скота. Так, в 1964 г. доля породного КРС составляла 39,4% от общего стада, в том числе коров – 52,7, в 1969 г. – 66,9% (коров – 75,3). В 1974 г. доля породного КРС достигла 85%. Из них кавказская бурая порода составляла 45%, красная степная – 39, симментальская – 13, швицкая – 2%, и холмогорская, лебединская, геррефордская, казахская белоголовая, калмыцкая и др. в совокупности – 1%. К 1980 г. удельный вес породного скота увеличился до 87%. В породном составе произошли некоторые изменения, связанные с разной степенью приспособленности к местным условиям. Кавказской бурой стало меньше (37%), вырос удельный вес красной степной породы (46%) и швицкой (с 2 до 7%), сократилось количество скота и симментальской породы (с 13 до 9%), геррефордская, абердино-ангусская, лебединская и др. составили меньше 1% [Там же].

Рост породного скота, особенно КРС, постепенно приводил к увеличению удельного веса КРС, содержащегося на равнине, что объяснялось большей приспособленностью породного КРС к природно-хозяйственным условиям равнины (неприспособленность к неровному гористому ландшафту, потребность в больших количествах корма, особенно сочного, зернофуражного и т.п.). Поэтому на протяжении этого периода неуклонно увеличивалось поголовье скота равнинных хозяйств. В 1971 г. КРС равнины составлял 25,7% от общего стада КРС республики (в 1961 г. – 22,8%), в 1976 г. – 28,9%, в 1981 г. – 30,8 и в 1986 г. – 31,6% [21. С. 122; 22. С. 193; 26. С. 107].

Более того, указанные качества породного КРС привели к тому, что и хозяйства горной части, стремясь разводить его, пришли к решению оставлять большую (а то и всю) его часть на равнине. Мы уже говорили раньше, что КРС – малоотгоняемый, наименее приспособленный для отгона вид скота, что отразилось и в традиционных формах скотоводства. Тем более малоподходящим, неприспособленным для отгона является породный КРС. Поскольку у хо-

зяйств горных районов имелись на равнине свои пастбища, покосы и даже посевные площади, они стали практиковать безотгонное содержание своего КРС, строительство животноводческих ферм и даже комплексов. Особенно много построено их горными колхозами и совхозами в 70–80-е годы. Например, в 1977 г. 44% поголовья КРС (в том числе 47% коров) горных районов содержалось на равнине [57. С. 41, 154–173].

В целом хозяйство республики сделало за этот период громадный шаг вперед. В 1977 г. в 301 колхозе и 232 совхозах работало 11,5 тыс. тракторов, 1,9 тыс. комбайнов, 10,8 тыс. автомобилей; энергомощности составили 1 млн 934 тыс. л.с. (в 21 раз больше, чем в 1913 г.); поголовье МРС достигло 3,3 млн (113% к 1913 г.), КРС – 713 тыс. (121% к 1913 г.); удой молока на одну корову – 1500 кг (в 3,3 раза больше показателя 1913 г.). Объем сельскохозяйственного производства достиг 577,4 млн руб. (в 10 раз больше, чем в 1913 г.) [22. С. 10–12]. За 1965–1980 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство ДАССР составили почти 2 млрд руб. В 1976–1980 гг. по сравнению с пятилетием 1961–1965 гг. продажа зерна государству возросла на 20%, овощей – в 3,2 раза, плодов – более чем в 3 раза, молока – в 2 раза, яиц – в 6,5 раз, шерсти – в 1,6 раза, скота и птицы – в 1,6 раза [158. С. 52–53].

В 1985 г. тракторов имелось 13 388, комбайнов – 2293. В 1966 г. на 1000 га приходилось 5,3 комбайна, в 1986 г. – 10,8. По сравнению с 1913 г. энергомощность в сельском хозяйстве в 1986 г. увеличилась в 33 раза и составила 3 млн 16 тыс. л.с. В том же году совокупный объем сельскохозяйственного производства составил 656,2 млн руб. (в 11,5 раз больше объема 1913 г.) [26. С. 46, 47, 51, 53]. Из этой суммы на долю продукции колхозов и совхозов приходилось 441,5 млн руб. (67,2%).

Если считать валовую продукцию по отраслям сельского хозяйства, то первенство по удельному весу принадлежит животноводству: 1970 г. – 54% валовой продукции, 1975 г. – 52%, 1979 г. – 54, 1981 г. – 54, 1985 г. – 54%, и такой уровень остается почти неизменным до сих пор. Однако в формировании хозяйственного типа определяющая роль принадлежала в конце 1980-х годов общественному сектору, и как более мощному, и как технически наиболее оснащенному, и как имеющему более прогрессивные (индивидуальному хозяйству пока недоступные) методы хозяйствования. В этом секторе сельского хозяйства первенство принадлежало земледелию, и немалую роль в этом играли садоводство и виноградарство. Причем и здесь наблюдается устойчивость уровня соотношения: в 1970 г. земледелие дало 59% валовой продукции колхозов и совхозов, в 1957 г. – 61%, в 1979 г. – 56, в 1981 г. – 57, в 1985 г. – 58% [19. С. 34; 25. С. 59; 26. С. 47].

Если рассмотреть этот аспект в зональном разрезе, то явно выделяется по продуктивности и по вкладу в общую продукцию рес-

публики равнинная зона. Она давала 65% зерна республики, 80% овощей, 85% винограда, 48,4% плодов. В животноводстве вклад равнины скромнее: 30,4% поголовья КРС, 22% МРС, но зато здесь было сосредоточено 57% всех пастбищ республики. Предгорная зона экономически гораздо слабее: 15% сбора зерновых, 28% плодов, 16% овощей, 18% винограда, однако 47% картофеля, 16% поголовья КРС и 11% МРС. Горная зона наиболее представительна в животноводстве: 67,6% поголовья МРС республики, 53% поголовья КРС, далее, 24% сбора плодов и 20% зерновых. Настораживает, и даже вызывает недоверие последняя цифра, так как наблюдатель такого количества полей, которое могло бы дать столько зерна (в 1985 г. – 856,1 тыс. ц из 4 млн 126 тыс. ц, т.е. те же 20%) [26. С. 91, 94–98, 107, 111] в горном Дагестане не видит.

Их там и нет. Дело в том, что многие горные колхозы и совхозы имели на равнине не только пастбища, но и пахотные участки (нередко выделенные без учета хозяйственных интересов местных хозяйств), которые использовали для посева разных культур, в том числе зерна. Например, 320 колхозов и совхозов горной зоны использовали 66 тыс. га (28%) орошаемой пашни равнины. Это, в основном, так называемые кутанные хозяйства (о них ниже). Всего хозяйства горной зоны занимали на равнине около 1 млн га (987,8 тыс. га), из них сельскохозяйственных угодий 787,8 тыс. га, в том числе – 74,7 тыс. га и сенокосных угодий – 29,6 тыс. га. Для сравнения укажем, что колхозы и совхозы горной зоны имели лишь 678,5 тыс. га сельскохозяйственных угодий и только 52,1 тыс. га пахотных земель [215. С. 128, 129]. Традиционное малоземелье и сложная демографическая ситуация (демографическое давление) сохранились в горной зоне и поныне. Правда, в отдельных районах (например, Агульский, Лакский и др.) в результате оттока населения это давление стало слабее. В 1970 г. из 115 тыс. хозяйств горной зоны 70,5 тыс. (300 тыс. человек) “размещалось в местах, где ощущался земельный голод”, треть всех колхозов и совхозов имели пахотных земель меньше 1 га на 1 двор, а в отдельных районах и того меньше: в Ахвахском районе – всего 0,4 га на двор, в Ботлихском, Унцукульском, Хунзахском, Гергебильском, Цумадинском – 0,6 га (обратим внимание – все 5 районов являются горно-долинными и имели сравнительно развитое садоводство – связь между ним, расположенностью в долинах и недостатком земельных угодий очевидна).

Отсюда и тот факт, что каждый колхоз и совхоз Дагестана имел в среднем только 720 га пахотных угодий – в 3 раза меньше, чем в среднем по РСФСР [159. С. 29, 77].

Выделение сельскохозяйственных угодий, в том числе пахотных, хозяйствам горной зоны на равнине хотя и не всегда было обосновано экономически, но политически оправдано, так как отражало заботу советской власти о тружениках гор. Правда, как оказалось, эта забота была односторонней, в ущерб хозяйству населения равнины.

При этом горные колхозы и совхозы отставали от равнинных в рациональном использовании равнинных угодий. Например, имея в 1985 г. посевную площадь в 65 819 га, горная зона дала только 856,1 тыс. ц зерна (13 ц с 1 га), а равнина со 119 973 га – 2 млн 694,3 тыс. ц зерна (22,6 ц с 1 га) [26. С. 91]. Это один из примеров указываемого специалистами неэффективного использования горными хозяйствами плодородных, в большинстве своем орошаемых равнинных земель. Дело не в безынициативности работников горных хозяйств, хотя нередко бывает и это. Эта ситуация обусловлена рядом объективных обстоятельств: дальность основного поселения и трудность обеспечения рабочей силой, слабая техническая оснащенность, экономическая отсталость многих горных хозяйств, непривычность равнинных сельскохозяйственных работ и природной обстановки, недостаток кадров механизаторов и т.п.

Одним из средств ослабления демографического давления в горной части было переселение горцев на равнину.

Как уже говорилось, такая задача ставилась еще в земельно-водной реформе 1920-х годов. Тогда ввиду недостатка материальных средств для организованного переселения выполнить задуманное не удалось. Оно было возобновлено в середине 40-х годов, но также проводилось в спешке, в административном порядке, с принуждением, к тому же, как оказалось впоследствии, не было ни политически, ни экономически оправданным.

Основная масса переселенцев на равнину была поселена в конце 50–60-х годов. В 1956–1966 гг. из горной зоны (население которой составляло 64,3% населения республики) было переселено на равнину 22 тыс. семей (почти 90 тыс. человек), а к 1970 – 31 609 семей численностью 150 тыс. человек. На равнине было образовано 60 селений, 80 колхозов. Переселенцам выделили 120 тыс. га пахотных, сенокосных и пастбищных угодий. Совершенно изменилась на равнине картина этнорасселения, районы стали многонациональными. Из 82 сел равнинного традиционно кумыкского Бабаюртовского района свыше 50 – это кутаны (поселки) колхозов и совхозов горных районов.

В Кизлярском (традиционно русском) районе в 1970 г. из 41,4 тыс. человек русские составляли 20,5 тыс., аварцы – 8,2 тыс., даргинцы – 3,9 тыс., ногайцы – 3 тыс. человек, а в 1995 г. из 54 335 человек русскими были только 14 802 человека (27,2%), аварцев стало даже больше русских – 17 874 (32,9%), даргинцев – 8177 (15%), ногайцев – 4221 (7,7%), лезгин – 1632, лакцев – 1530, азербайджанцев – 1397, чеченцев – 1199, кумыков – 1169, табасаранцев – 846, рутульцев – 752 и т.д. [83. С. 97; 159. С. 78, 79; 169. С. 91].

Планы по переселению включали следующие задачи: ликвидация аграрной перенаселенности горной части республики, одновременное обеспечение равнины, ее городов и промышленности трудовыми ресурсами. Просторы равнины казались тогда необъятными и

возможности переселения неограниченными – лишь бы переселить. Учитывалось, что вопрос этот не только экономический, но и политический, культурно-этнический, национальный, идеологический.

В конечном счете это означало приближение села к городу, сельского хозяйства к промышленности. Переселение в течение многих лет сопровождалось процессом освоения и окультуривания новых земель, превращением степей, используемых под зимние пастбища, в посевы, насаждения, сенокосы. Оно сыграло несомненную роль в указанном выше росте удельного веса растениеводства, а в животноводстве – стационарного стойлово-пастбищного скотоводства.

Мы не говорим уже о сдвиге во взаимоотношениях этносов, о культурных взаимодействиях, о глубоких изменениях, происшедших в быту и культуре горцев в результате переселения – это специальная тема [См., например, 193].

И все-таки в последние годы темпы переселения намного снизились. Из массового планового мероприятия с охватом целых селений (и даже групп селений), переселение вновь обрело привычные стихийные формы. Разумеется, были в переселении и ошибки (и немалые), перегибы, недосмотры, были ненужные, экономически неоправданные перемещения и т.п., но замедление вызвано не этим. Одна из главных причин – исчерпание на равнине свободных для заселения земель. Свободные земли есть, особенно в северной части равнины, но ведь переселенцев можно поселить на подготовленной земле. Иначе это будет не переселение, а высылка из родных мест. В конце 70–80-х годов замедлился рост освоения равнинных земель. Все труднее стало находить такие земли, чтобы и дома можно было построить в удобных местах, чтобы были и уголья разных видов, и орошение (хотя бы и части земель), и питьевая вода. А если привезти переселенцев и поселить, например, на просторах Терско-Кумской низменности, так там никакого хозяйства не получится, и не случайно основная масса переселенцев сосредоточилась в междуречье Терека и Сулака, т.е. в наиболее обводненной и орошенной части равнины. Или, например, в Каякентском районе – резервов земель для организации здесь переселенческих селений уже почти не осталось.

Казалось бы, есть просторные степи под пастбища – можно организовать животноводческие хозяйства. Однако для организации минимальной кормовой базы нужна все-таки определенная степень обеспеченности водой. Конечно, и сейчас на равнине плотность населения ниже, чем в горной части, но в основных районах концентрации переселенческого населения, например, в междуречье Терека и Сулака она уже довольно высока, на уровне густонаселенных горных районов, например, в Хасавюртовском районе – 59 человек на 1 кв. км, самая высокая в Дагестане, выше даже чем в самом густонаселенном горном Акушинском районе (56,5 человек на 1 кв. км)

[22. С. 23–24; 158. С. 27–28]. Эти факты свидетельствуют о наметившейся тенденции относительного перенаселения некоторых равнинных районов, служивших раньше местами колонизации для горцев. Мы говорим относительно, так как в некоторых из них ирригация вполне может дать дополнительные резервы земель для переселенцев с гор. Однако в будущем при организации переселения необходимо учитывать в первую очередь перспективы развития хозяйства и быта местных жителей, а изъятие земель для переселенцев осуществлять лишь с их согласия.

Таковы некоторые хозяйственные показатели третьего намеченного нами периода в истории хозяйственного развития Дагестана в советское время, начавшегося в середине 1960-х и продолжавшегося до конца 80-х годов. Общей чертой периода стала дальнейшая активизация и углубление процессов хозяйственного преобразования (с трансформацией ХКТ), изменивших удельный вес и соотношение главных отраслей сельского хозяйства в проекции на основные природно-хозяйственные зоны.

Главной особенностью и в определенной мере результатом экономического развития этого периода явилось дальнейшее становление и завершение (по удельному весу, по степени распространения, по хозяйственной определенности) равнинного (вместе с предгорьем) типа хозяйств земледельцев и стационарных животноводов.

Проявления этого процесса мы видели при конкретном описании хозяйственного развития. Одним из таких проявлений, вошедшим в определение хозяйственного типа, была механизация. Все объективные обстоятельства способствовали ее становлению на равнине как главной силы, определяющей экономическое развитие.

Существенным фактором приоритета техники на равнине была ее неприменимость в горных условиях. В то же время на равнине были все предпосылки для того, чтобы механизация стала господствующим атрибутом экономики.

Другой аспект механизации состоял и в том, в каких видах хозяйств применялась техника. Горная зона, в которой животноводство составляло в это время главную отрасль сельского хозяйства, могло бы компенсировать отставание в использовании современной техники и оборудования в животноводстве. В этом случае основной фактор, мешающий технике, – рельеф, ландшафт был бы не так непреодолим (ровную площадку для механизированного животноводческого комплекса всегда можно найти, или создать). Другая сторона животноводства, ставшая различительным водоразделом между равниной и нагорьем, – породность скота, особенно КРС. Наиболее продуктивные крупные (“тяжелые”) породы скота мало приспособлены к крутосклонным горным пастбищам, требуют много разнообразного корма, в том числе сочного, в стойловый период, что делает их мало подходящими для разведения в горах. И еще: для современного сельского хозяйства характерно усиление зависимости жи-

вотноводства от земледелия, поскольку возрастает значение сеяных кормовых культур. Естественно, что на равнине, где было развитое земледельческое хозяйство, успешнее всего развивалось стойловое животноводство. Это также служит разделительным критерием для хозяйственных типов равнины и нагорья. Таким образом, к характеристике равнинного типа в определении животноводов следует добавить слово “стационарные”. В этом же плане следует сказать еще об одном изменении в равнинном скотоводстве. В отношении традиционных ХКТ мы указывали на симбиотичность земледелия и скотоводства в равнинной зоне. Основанием этого симбиоза была связь: рабочий скот–корма–удобрения. В новых хозяйственных типах эта связь оборвалась, и раньше и радикальнее это произошло в равнинном типе, что связано с заменой рабочего КРС техникой. Зависимость земледелия стала номинальной, так как и в удобрениях все большее значение приобретают неорганические. Связь стала более односторонней, мало симбиотичной, с превалирующим значением земледелия для животноводства. Земледелие, почти ничего не получая, дает ему корма. А поскольку в наибольшей степени такая связь была свойственна именно равнине с ее развитым земледельческим хозяйством (с мощным кормовым клином), это обстоятельство тоже послужило отличительным признаком.

Еще один аспект затрагивает проблему профилизации скотоводства. Об этой стороне мы уже говорили – равнина лишилась рабочего скота, нагорье его в определенной степени сохранило, в том числе вьючный, хотя следует признать, что и здесь процесс утери рабочего скота, особенно волов, очень активен. Если поголовье волов заметно сократилось, то количество рабочих лошадей в этот период даже увеличилось. Это очень показательное, симптоматичное явление. Вол в Дагестане (и не только здесь) прежде всего земледельческое животное, и если его становится все меньше, значит его или заменили, или же идет на убыль отрасль, с которой он больше всего связан и для которой прежде всего предназначен. Но поскольку определенные естественные и трудовые ресурсы оказались оторванными от производства, они должны были переместиться в другую отрасль хозяйства, прежде всего животноводство. Равнинное же скотоводство, полностью лишенное рабочего скота по ненадобности, специализировалось на молочно-мясном скотоводстве. Немалую роль сыграла в этой специализации и близость городов, и большая приспособленность породного крупного скота к отдаче (молока) при усиленной подкормке заготовленными разнообразными кормами. В горном же скотоводстве, где присутствует и молочное, превалирует мясо-шерстное производство, при наличии и содержания рабочего скота (волы, лошади, ослы).

Еще одна сторона размежевания равнинного и горного хозяйственных типов – прогрессирующий рост отгонного скотоводства в горной зоне. Рост поголовья МРС происходит постоянно, в горах для

них нет зимней кормовой базы и поэтому рост отгонного скотоводства является вполне естественным. В 1986 г. из 3 млн 428,3 тыс. голов овец на горную зону приходилось 2 млн 271,3 тыс. голов (66,2%). Поскольку отгонялась и часть КРС, можно вспомнить удельный вес горной зоны и в его разведении – 403,8 тыс. из 786 тыс. голов (51,3%). Даже при том, что нагорье имело большую плотность населения, в 1986 г. на одного человека здесь было 12 голов скота, а на равнине 6 голов [26. С. 107, 111]. Подобное положение надо признать очень характерным, симптоматичным, даже маркирующим, если учесть, какие резервы пастбищ, сенокосов и сеяных кормовых культур имелись на равнине, в то время как в нагорье чуть ли не единственным источником кормов были горные пастбища.

Пожалуй, эта черта (отгонное скотоводство) является в последние десятилетия одним из важнейших отличительных признаков горной зоны, так же как стационарное – равнинной. Однако и отгонное скотоводство изменилось в духе времени, прежде всего благодаря новым видам транспортировки, НТР. Горные хозяйства создали в местах отгона скота многоотраслевые базы, сочетающие содержание скота с земледельческим хозяйством. Такие базы можно было создать только на тех землях – кутанах, в которых был необходимый комплекс угодий, пастбищных, сенокосных и особенно пахотных. Они получили название “кутаных хозяйств” и стали своего рода форпостами горного скотоводческого хозяйства в равнинном земледелии. Эти анклавные еще не достигли технологического уровня равнинного зонального земледельческого хозяйства, но тем не менее они решили очень важную задачу соединения отгонного скотоводческого хозяйства горной зоны с современным земледельческим хозяйством равнины. Процесс этот имел огромное значение, он служил соединению двух хозяйственных типов, хотя он развивался в интересах отгонного скотоводства. Кутанные хозяйства частично восполняют недостаток зимней кормовой базы отгонного скотоводства, придавая ему черты стационарного стойлово-пастбищного скотоводства. В частности, это выражается в сезонном, а с течением времени и стационарном, переселении сюда части населения горного хозяйства (аула), с созданием здесь постоянных бригад. Постоянный контингент населения, возникающие нужды в стационарном содержании скота (больной, породный скот), возможности создания кормовых резервов, сравнительная легкость возведения построек и т.п. создали предпосылки для появления постоянных поселений.

Возможно, все эти обстоятельства дают какие-то основания говорить о трансформации хозяйственного типа отгонных скотоводов нагорья. Растущее кутанное хозяйство все более приближается к уровню равнинного земледельческого и даже кооперируется с ним через технику, оборудование, техническое и энергетическое обслуживание. В отгонном хозяйстве появляется механизированное земледелие, стационарное содержание скота самых современных по-

род, кормовая база за счет сеяных культур, наблюдается прогрессирующая независимость от горного хозяйства и срастание с равнинным стационарным, земледельческим.

Происходившие изменения вызвали и ряд проблем. В условиях естественной производительности и обширности равнинных угодий, значительной механизации и энерговооруженности обстановка своеобразно воздействовала на психологию работника горной зоны: при имеющихся возможностях на равнине он охладевает к таким трудно осваиваемым, труднодоступным, часто требующим тяжелого ручного труда горным угодьям (например сенокосам). В результате происходило забрасывание террасовых полей, а позже и многих сенокосных угодий. Во многих хозяйствах появились иждивенческие настроения, так как ручной труд, неизбежный в горах, забывается. Дело доходит до печальных парадоксов: даже имея прекрасные покосы в горах, их запускали, а в неблагоприятный для равнины год оказывались без кормовой базы.

Однако процесс частичного срастания отгонного скотоводства с равнинным земледельческим хозяйством и упадка горного земледельческого хозяйства не стал явлением типологического порядка. Этот процесс не оказал влияния на типологическую характеристику равнинного земледельческого хозяйства и отгонного горного скотоводства. А пока отличительные признаки зон остаются, и это видно по состоянию кормовой базы. Размежевание в этом аспекте очень четкое – летняя база преимущественно в горах, зимняя – на равнине. Речь идет как о заготовленных, особенно сеяных, кормах, так и естественных. Поэтому в кормозаготовительный период можно увидеть вереницы автомашин, которые с сеном и соломой едут из равнинных районов в горные. К сожалению, такие вереницы приезжают в Дагестан также из соседних республик и краев даже в равнинные хозяйства. Это результат отмеченной нами выше непродуманности в планировании численности поголовья скота хозяйств, в соответствии с их кормозаготовительными возможностями. В плане обеспечения горной зоны равнинными кормами следует добавить и кормовой потенциал кутанных хозяйств, также обеспечивающий скот горной зоны за счет равнинных угодий, равнинного земледельческого хозяйства. Значение кормовых культур возрастает с каждым годом, хотя рост их площадей несколько замедлился в последние годы, что связано с объективными трудностями изыскания дополнительных земельных площадей.

Естественно, что равнина, обладающая в этом отношении наибольшими возможностями, имеет и наибольшее количество этих культур (в 1985 г. 109 637 га из 188 556 га республики, 58%). При этом надо учитывать, что подавляющая часть посевов кормовых культур горных районов также была на равнине – 48 741 га, 26% от общего количества, и всего кормовых на равнине получается 152 378 га, 84% от республиканского итога.

Принимая во внимание, что равнинные пастбища во много раз уступали горным по кормоемкости, что большая их часть использовалась горными хозяйствами (до 700 тыс. га) [26. С. 87; 215. С. 128, 129], что равнинное скотоводство было по преимуществу стационарным, что кормопосевная и кормозаготовительная базы были намного лучше на равнине, можно считать отличительной особенностью горной зоны преобладание пастбищной системы кормообеспечения, а равнинной – кормозаготовительной (стойловой).

Еще один аспект хозяйственного развития – орошение. Тенденция его развития в проекции на зоны противоречивы.

С одной стороны, безусловное преобладание равнины по этому компоненту – 68,7% всех орошаемых земель. Эта цифра была бы намного выше, если бы статистика была позонально-районной, а не только районной, ибо большинство горных хозяйств имели на равнине орошаемые земли. Причем на протяжении периода не наблюдается и спада оросительного потенциала (1980 г. – 187 592 га, 1985 г. – 198 260 га; прирост – на 10,5%).

С другой стороны, орошаемый клин растет в этот период и в горных районах, 1980 г. – 58 200 га, 21,3%; 1985 г. – 63 093 га, 21,7% [26. С. 79], т.е. и здесь наблюдается рост площадей, хотя и незначительный.

Различия все-таки есть. Во-первых, как и в традиционных хозяйственных типах присутствует масштабность. Во-вторых, равнинное орошение универсально, оно включает зерновые, кормовые, технические, бахчевые культуры, многолетние насаждения. В то же время орошение в горах необходимо главным образом для многолетних насаждений.

В-третьих, различаются и тенденции развития. Равнинная ирригация имеет перспективы для расширения. Соответствующие вложения в оросительные системы и улучшение земель могут существенно увеличить и масштабы орошения. В горной зоне такой перспективы (из-за отсутствия соответствующих угодий) нет.

С организацией ирригационных систем связано и развитие садоводства, которое было в наибольшей степени распространено в горах. Доля садовых насаждений (по отношению ко всей пашне) в горной зоне была в 2 раза выше, чем на равнине (1980 г.: равнина – 5,8%, горы – 9,7%; 1985 г.: равнина – 4,9%, горы – 8,2%). Если сравнить горно-долинные и равнинные районы, то эти выводы будут выглядеть еще более убедительными: Хасавюртовский район в 1980 г. – 8,8%, 1985 г. – 7,8%; Кизилюртовский в 1980 г. – 12%, 1985 г. – 12,1%; Ленинский в 1980 г. – 4,5%, 1985 г. – 3,6%. Теперь мы приведем данные о горно-долинных районах: Ахтынский в 1980 г. – 37,2%, 1985 г. – 37%; Ботлихский в 1980 г. – 14%, 1985 г. – 14,7%; Гергебильский в 1980 г. – 31,6%, 1985 г. – 34,1%; Унцукульский в 1980 г. – 36,2%, 1985 г. – 33,9% [26. С. 78, 88]. Более точным подсчетом, в том числе по другим районам, препятствует то обстоятельство,

во, что по статистике в общую площадь горных районов входят и выделенные для них на равнине пахотные угодья. Поэтому с полным основанием можно считать, что часть горных районов, включающих значительные участки горных долин, являются садоводческими. Эту особенность они не утрачивают по мере хозяйственного развития, а, напротив, приумножают богатства республики, чему способствует высокое качество плодов, меньшая периодичность в плодоношении по сравнению с равниной, хотя средняя урожайность здесь более низкая, поскольку на равнине больше возможностей многократного орошения, применения передовой технологии и т.п. Однако в самое последнее время горно-долинное садоводство вновь пошло на подъем, увеличиваются площади, улучшается планировка, сорта плодов, чаще применяется техника, и в перспективе горно-долинное садоводство будет более характерной особенностью горного хозяйственного типа.

В связи с рассмотренными тенденциями, характеризующими особенности развития земледелия и животноводства, можно сделать важный вывод об изменении районирования основных хозяйственных типов. Мы уже затрагивали этот вопрос. Речь идет о двуедином процессе сближения и дальнейшего размежевания зональных хозяйственных типов. На протяжении третьего периода эти обе тенденции – объединяющие (в пределах горной части и равнины с предгорьем) и разъединяющие (между главными полярными зонами – горы и равнины) – получили свое дальнейшее развитие, а в некоторых отношениях и законченность. Нам уже приходилось говорить, что среднегорные районы стали уделять внимание развитию скотоводства. Этому благоприятствовала политика выделения им и равнинных, и горных летних пастбищ, что значительно улучшило их кормовую базу.

В некоторых отношениях среднегорные хозяйства оказались даже в лучшем положении, чем высокогорные (в животноводстве), так как находились как бы посередине своих кормовых баз (летней и зимней), что облегчало им эксплуатацию сезонных пастбищ, налаживание кутанного хозяйства и обеспечение его продуктивного функционирования. Немалую роль в этом плане сыграла и лучшая обеспеченность среднегорья по сравнению с высокогорьем транспортными магистралями и средствами. Некоторые среднегорные районы стали крупнейшими центрами отгонного скотоводства, намного опередившими высокогорные (например, Гунибский, Акушинский, Хунзахский, Левашинский и др.). Эти четыре района, занимающие всего 4,7% площади Дагестана, имели в 1986 г. 13% поголовья КРС и 22% МРС республики [26. С. 107, 111].

Вместе с тем хозяйство высокогорья сохранило свою скотоводческую направленность, земледелие здесь и раньше имело слабые позиции. Сохранилась приверженность населения части высокогорных районов к содержанию больших количеств КРС (Дахадаевский

район, Тляртинский, Цумадинский, Чародинский и др.). Есть в этой зоне и районы с развитым овцеводством (Ахтынский, Кулинский, Рутульский, Тляртинский, Чародинский и др.).

Существенное изменение высокогорного скотоводства заключалось в том, что оно стало из подвижного отгонным. Это обстоятельство наравне с выравниванием земледельческого (слабого) статуса высокогорья и среднегорья позволяют говорить о слиянии хозяйственных типов среднегорья и высокогорья в единый тип хозяйств отгонных скотоводов и земледельцев (и садоводов).

Другим полюсом размежевания хозяйственных типов стала равнина. Здесь изменения в традиционном типе более радикальны, и связаны они с достижениями техники. Механизированность процессов труда здесь максимальная, в отдельных видах – стопроцентная. Особенно важно то, что в наибольшей степени механизирован труд в животноводстве, что уже четко выделяет этот (равнинный) тип хозяйства.

Командные позиции земледелия в сельском хозяйстве, преобладание стационарного скотоводства, наиболее высокопородные продуктивные виды скота, профилизация скотоводства в молочно-мясном направлении, развитая кормозаготовительная система, сильное развитие ирригации и специфичных для равнины земледельческих культур (рис, виноград) – все это четко выделяет хозяйственный тип равнины, резко отделяет его от горного. Наиболее характерная черта равнинных хозяйств – механизированное земледелие с развитой ирригацией. Это и должно быть отражено в главных параметрах определения – тип земледельцев-механизаторов, ирригаторов и стационарных животноводов. Думается, лишь относительно слабая механизированность труда в животноводстве и сейчас мешает называть его “современным аграрно-промышленным комплексом” [147].

Хозяйства предгорной зоны еще менее самостоятельны, чем традиционные ХКТ, большая часть которых по основным хозяйственным параметрам относится к равнине, меньшая – к среднегорью. Самостоятельного значения ни в области земледелия, ни в скотоводстве эти хозяйства не имели. В целом, в интересах статистики его можно присоединить к равнинному типу (конечно, ошибки в таком присоединении неизбежны, например, отдельные участки Казбековского, Буйнакского, Хивского районов по своему хозяйственному типу должны быть отнесены к горной зоне).

Типы эти полярны и по хозяйственному содержанию, и по ареалу своего распространения. Типологическая четкость в определенной степени уменьшается от центров наибольшей типовой концентрации в сторону другого хозяйственного типа, и “встреча” их происходит где-то в пределах верхнего предгорья. Следует указать, что типы эти довольно установившиеся, прогрессирующие именно в своем основном содержании, поэтому в ближайшее время им не гро-

зит ни типологическое, ни ареальное размывание границ. Хотя, конечно, в пределах самих типов будет наблюдаться прогресс и тех их свойств, которые для них не являются основными. Но расти будут такие компоненты типа, рост которых связан с прогрессивным развитием, с ростом механизации, энерговооруженности, внедрением достижений НТР. Поэтому рост того или иного элемента, например механизированности труда или удельного веса стационарного содержания скота, будет означать для горного хозяйственного типа не только поступательное развитие, но и приближение по отдельным своим компонентам (параметрам) к равнинно-предгорному хозяйственному типу. В основном же генеральными линиями развития обоих типов остаются на равнине рост и совершенствование главного компонента – механизированного развитого земледелия, обеспечивающего стационарное скотоводство; в горах – отгонное скотоводство с земледелием, с перспективами развития долинного садоводства.

Так выглядит хозяйственное развитие Дагестана с точки зрения трансформации традиционных и образования новых хозяйственных типов.

В дореволюционном Дагестане нами было выделено три ХКА: равнинных земледельцев и скотоводов, горных земледельцев и отгонных скотоводов и высокогорных подвижных скотоводов и земледельцев.

Хозяйственное развитие Дагестана в советское время с точки зрения исследования процессов развития и трансформации хозяйственных типов прошло три этапа, или периода.

Первый, восстановительный в основном период (1920–1940 гг.), оказался таким же и для хозяйственных типов – шла, в основном, их реконструкция, восстановление в прежнем виде, хотя отдельные элементы, ростки нового, не свойственного старым типам, уже нарождаются (например, началась механизация), особенно на равнине, но к изменению природы хозяйственных типов они не привели.

Второй период (1940–1965 гг.) характеризуется значительным увеличением капитальных вложений в сельское хозяйство, ростом механизации, внедрения достижений НТР. В это время были заложены основы для размежевания хозяйств равнинных и горных земледельцев, чему способствовала смена основных орудий, тягловой силы, специфика природной среды, во многом определяющая возможности реализации достижений НТР. Так наметился процесс поляризации основных хозяйственных типов республики – равнинного земледельческого и горного скотоводческого.

В третьем периоде (1965–1990 гг.) в основном завершилось формирование хозяйственных типов равнины и горной части. В комплексе факторов, которые способствовали их дальнейшему размежеванию и оформлению в четко выделяющиеся типы, прежде всего были: соотношение отраслей (на равнине – земледелие, в горах – скотоводство), механизация и достижения НТР (разная степень в земле-

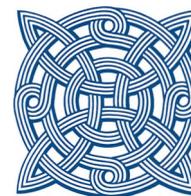
делии и животноводстве), формы скотоводства (стационарная на равнине, отгонная в нагорье), профилизация скотоводства (молочно-мясное с преобладанием КРС – равнинное, мясо-шерстно-молочное с преобладанием МРС – горное), кормовая база (преимущественно базирующаяся на заготовленных, в том числе сеяных кормах, равнинная и пастбищная – горная), орошение (развитое, масштабное на равнине, слабое в горах), состав земледельческих культур (сильное развитие на равнине рисосеяния, виноградарства).

Таким образом, результаты хозяйственного развития в советское время приводят к формированию двух зонально привязанных хозяйственных типов. Первый из них, равнинный, более четко выделяющийся, прогрессирующий, перспективный, характеризуется высоко развитым механизированным земледелием с зерновым и кормозаготавливающим хозяйством, виноградарством (особенно) и садоводством, с молочно-мясным стационарным, базирующимся преимущественно на заготовленных кормах (стойловое содержание), относительно механизированным животноводством – тип равнинных земледельцев-механизаторов-ирригаторов и стационарных скотоводов.

Второй тип, горный, развивался медленно. В нем преобладал МРС, отгонное скотоводство, базирующееся преимущественно на пастбищных кормах и слабо механизированном земледелии, с ограниченным орошением и набором земледельческих культур и сравнительно развитым садоводством.

Дальнейшее изучение самих типов возможно выявит еще какие-то особенности их содержания и перспективы их дальнейшего развития.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП РАВНИНЫ И НИЖНЕГО ПРЕДГОРЬЯ. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ, ИЗМЕНЕНИЕ ИХ СОСТАВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАВНИННОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА

Очерк истории хозяйственного развития республики в советское время с достаточной очевидностью показал, что несмотря на то что возник ряд причин и обстоятельств для трансформации и окончательного размывания ХКТ, они продолжали оставаться явлением хозяйственной и в меньшей степени культурной жизни региона. Хотя степень трансформации и унификации хозяйственно-культурных форм в разных зонах региона была неодинаковой, так как разным был и уровень промышленного развития этих районов, вся территория региона на сегодняшний день может считаться областью, в которой бытуют, в разной степени выраженные хозяйственно-культурные формы, группирующиеся в довольно четко дифференцируемые ХКТ.

При этом можно отметить, что при сохранении даже более четкого размежевания зональной хозяйственной специализации происходит определенное смещение в распространении основных зональных хозяйственных типов (например, равнинного на предгорье).

Если процесс трансформации (местами очень сильный, вплоть до перерождения) хозяйственных типов под напором индустрии и НТР является логически ожидаемым, обусловленным, то другая сторона взаимоотношений (и соотношений) современных ХКТ – ослабление хозяйственных (особенно обменных) и культурных связей между ними, между природно-хозяйственными зонами стало в известной мере неожиданностью. Еще К. Маркс указывал, что взаимный обмен – это закономерный результат того, что “различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это – те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами” [1. С. 364]. Так вот, наблюдается значительное ослабление действия этого механизма, что связано, как мы уже отмечали, с перемещением центра тяжести межхозяйственных связей в инфра-

структуру межрегионального общесоюзного масштаба, основным опосредующим звеном которой был город. Межхозяйственные связи таким образом получили опосредованный характер, в которых прямой обмен заменили хозяйственно-снабженческие и торговые операции централизованного характера (регион, район поставляет по плану свою продукцию и по плану же получает, в соответствии с имеющимися у планирующих органов ресурсами, необходимые для потребления материалы и продукты). Опыт послевоенного развития хозяйства показал, однако, существенные недостатки этой системы.

Сослужив неплохую службу в период восстановления, когда разные уровни состояния экономики отдельных регионов, дисбаланс в развитии их промышленности и сельского хозяйства в определенной мере требовали осуществления централизованного сдаточно-распределительного принципа (вместо обменно-товарного), в последующие годы эта система, мало учитывающая закон стоимости и основы хозрасчетной экономики, стала давать сбои. В Дагестане это выразилось, например, в сильном упадке горного земледелия (забрасывание террас) и сенокосения, увлечении монокультурой винограда, чрезмерной нагрузке и выбивании пастбищ, с превращением их в полупустыни и пески и т.д.

Естественно, что и процесс трансформации, и ослабление традиционных межхозяйственных и культурных взаимосвязей приводили к изменению состава ХКТ в регионе. Наши предварительные изыскания по истории хозяйственного развития показали это изменение, выразившееся в трансформации одних ХКТ, расширении ареала других, фактическом исчезновении третьих.

Такие различия в “статусе” ХКТ, их распространенности, бытованию и удельному весу дают определенные основания разделить их, как это делают некоторые исследователи, на исчезающие и доминантные [95. С. 16]. Так, для ХКТ высокогорных подвижных скотоводов и земледельцев, слившегося со среднегорным, можно было бы в предвоенные годы применить термин “исчезающий”.

Можно заметить, что роль каждого из ХКТ в экономике и культуре региона неоднозначна. В этом смысле можно выделить доминирующие ХКА, хозяйство и культура которых являются для региона ведущими, преобладающими и по масштабу, и по удельному весу, и по своему воздействию (экономическому и культурному) на остальные ХКА, и по перспективам развития.

Таким ХКА в исследуемое время в Дагестане несомненно являлся ХКА равнинных земледельцев-механизаторов и ирригаторов и стационарных животноводов.

Выделение этого типа мы произвели предварительно, по результатам изучения хозяйственного развития республики (области) в советское время. Но для того чтобы убедиться, что подобное выделение соответствует объективной реальности, отражает истинное со-

стояние хозяйственно-культурных форм равнины, состояние, позволяющее говорить о дифференцирующем (самоинтегрирующем) значении хозяйственно-культурных форм. Для этого необходимо провести с исходным материалом работу по генерализации дифференцирующих и интегрирующих свойств (признаков) хозяйственно-культурных компонентов. Начальным ее этапом может быть метод сплошного, последовательного описания хозяйственно-культурных феноменов, в результате которого нами был составлен их реестр. В начале исследования, когда у нас не было еще никакого перечня феноменов и отсутствовали данные о компонентах ХКТ, мы избрали метод фронтального исследования всех феноменов с целью выделить из них дифференцирующиеся и составить на этой основе несколько рядов. Естественно, что первый из этих рядов был описательный (реестр). Второй ряд – горизонтальный, полученный в результате группирования феноменов в однофункциональные группы в проекции на хозяйство и культуру региона, историко-культурной области, т.е. на всю совокупность еще не выделенных, но предполагаемых ХКТ (например, орудия пахоты во всех зонах области, орудия сенокосения, средства перевозки, основные продукты и блюда и т.п.).

Следующий этап генерализации – характеристика двоякого рода особенностей, позволяющих в составленном ряду дифференцировать хозяйственно-культурные феномены и образовать их вертикальный ряд.

Один из самых простых и эффективных способов выделения названных феноменов заключается в их дифференциации по принципу встречаемости или бытования, или свойственности компонента хозяйства или культуры данному месту, району, ареалу. Это предмет как таковой, по облику, конструкции, технологии, операциональности (например, рис или буйвол на равнине). Этот способ простой и надежный, безошибочный, легко решает задачу территориально привязанной классификации, его можно назвать предметным (дифференциация производится в целом по предмету, компоненту хозяйства или культуры). Второй способ заключается в том, что дифференциация (и самоинтеграция) компонентов производится по предметному и операциональному различию и степени бытования компонентов, имеющих одну функцию и одно типовое название, но различающихся обликом и конструкцией (например, типы пахотного орудия: плуг и рало; средства перевозки: вьюк, волокуша, повозка). Такой способ можно назвать предметно-конструктивно-операциональным, так как он предполагает дифференциацию по самому орудю, предмету, осуществляющему одну и ту же трудовую операцию, и особенностям технологии этой операции, например, равнинный плуг, лемех которого не рыхлит (взрывает) пласт, а переворачивает его. Способ отличается большой точностью и эффективностью при дифференцировании компонентов, поскольку однофункциональные

орудия, различающиеся конструкцией и операциональной технологией, бывают очень четко районированы в зависимости от совокупных природно-географических условий, что обеспечивает их типизацию. Третий способ заключается в дифференциации по степени бытования в разных местах, районах региона однофункциональных элементов с одной формой (обликом), конструкцией и даже технологией. Тоже простой и надежный метод – взять из функциональной группы горизонтального ряда (например, средства перевозки) любой компонент и выяснять его распространенность (например, арбы). Этот способ лучше, наверное, назвать предметно-территориальным (или ареальным).

Когда мы приступали к исследованию традиционных ХКТ, все эти операции были необходимы в полном объеме и последовательности.

Однако, после того как нам известны горизонтальный и особенно вертикальный ряд хозяйственно-культурных феноменов, вряд ли есть необходимость повторять всю эту процедуру и в отношении современных ХКТ. Поскольку у нас имеется и ряд, свойственный всей совокупности феноменов ИКО (всех ХКТ), и ряд, характеризующий специфику каждого из ХКТ (ХКА) в отдельности, можно, по-видимому, использовать эти ряды и в применении к современным ХКТ. Важно при этом учитывать изменения, которые произошли в комплексе феноменов в результате индустриализации, механизации, НТР. Задача определения современного ХКТ, обоснования его права на существование может быть решена путем использования имеющихся перечней феноменов по каждому ХКА (ХКТ). Задача будет заключаться в том, чтобы определить, какие дифференцирующие свойства позволяют отнести их к определенному ХКА и какие свойства делают данный феномен не характерным для данного ХКА, или нейтральным по отношению ко всем ХКА. Нам потребуется подвергнуть повторной классификаторской и дифференцирующей работе имеющийся (сформулированный в итоге предыдущего исследования) комплекс (перечень) феноменов ХКА, с одновременной классификацией и дифференциацией и новых компонентов хозяйства и культуры, используя те же способы дифференциации.

Обращаясь к ХКА, вспомним, что любой местный ХКТ представляет собой конкретную реализацию на определенной территории динамического стереотипа, являющегося типологизированным комплексом хозяйственно-культурных черт глобального масштаба. Иными словами, мы имеем “хозяйственно-культурные ареалы”, каждый из которых “представляет конкретное выражение того или иного” ХКТ [86. С. 50]. Из этого следует вывод, что реализация хозяйственно-культурного стереотипа у определенного народа – лишь результат его проживания на данной территории (т.е. возможна только ареализация, но не этнизация ХКТ).

В этом комплексе хозяйство в сочетании с экологией во многом определяет и особенности культуры и этнокультурных традиций [206. С. 23; 133. С. 74; 141. С. 4; 146. С. 23 и др.].

В современную эпоху эта ведущая роль хозяйства сохраняется, несмотря на НТР, урбанизацию, ибо остается зависимость профиля хозяйства от природы. Направление хозяйства, его структура, оснащение техникой и достижениями НТР, особенности приложения и сезонной организации труда соотносятся с экологическим комплексом, что обуславливает соответствующую природно-географическую зональность хозяйственных типов. Нам уже приходилось говорить, что особенно четко подобное зональное хозяйственное размежевание наблюдается между горами и равниной. И это различие еще более усиливается в индустриальную эпоху, поскольку горные ХКТ ввиду трудности усвоения достижений индустрии, НТР меньше трансформируются. Даже возросшая роль НТР в сельском хозяйстве, происходящая унификация орудий труда и культурных компонентов не устранили значения экологии для хозяйства. А сочетание двух последних формирует и развивает культуру. То же самое и в отношении надэтничности. Положение о том, что “материальная культура обусловлена главным образом уровнем развития производительных сил и особенностями природной среды и, как таковая, имеет сравнительно слабо выраженные этнические черты”, сохранило свою актуальность и правомерность [132, С. 44; 134. С. 95; 133. С. 74]. Поскольку этнос – категория социального сознания, способная отражать разные виды объективных общностей в социальном бытии в зависимости от исторической ситуации, нет резона ожидать прочных связей между первичными этническими показателями в сфере идей (самосознание, опознание окружающими, этноним) и объективными параметрами (язык, вещественная культура, расовые особенности и т.п.) [129. С. 15]. Отметим, что по мере развития индустрии, НТР, перехода традиционных ХКТ к трансформированным и далее к индустриализованным формам наблюдается неуклонная тенденция к возрастанию надэтничности хозяйственных и культурных форм.

Таким образом, экология сохраняет в индустриальную эпоху свое значение не только в качестве поля хозяйственной и культурной деятельности, но и среды с механизмом частичной регуляции этих видов деятельности. Соответственно изменился эффект экологического воздействия (формы и степень его воздействия в разных зонах).

Хозяйственное районирование претерпело значительные трансформации, которые обусловлены применением достижений НТР в сельском хозяйстве. Можно сказать, что изменения в ландшафтно-зональном районировании выразились в современной зонально-хозяйственной интерпретации существующих природных зон. В условиях Дагестана главным разделительным показателем в этом отно-

шении оказался “эффект применимости” техники и орошения. Значение последнего станет ясным, если вспомнить, что 75% пашни республики “размещены в острозасушливых условиях, 16% – в условиях необеспеченной богары”. В 1981 г. в республике было 289,6 тыс. га орошаемых земель (в 1985 г. – 303,5 тыс. от всей площади пашни в 489,6 тыс. га) и на них производилось 75% зерна, 83% овощей, 77% плодов и 69% винограда [186, С. 73, 75; 26. С. 55].

Отметим также появление еще одного фактора, влияющего на зональное хозяйственно-культурное районирование. Он имеет надобластной, не связанный с географическим разделением труда характер. Как уже отмечалось, экономические потребности общесоюзного характера в плановом хозяйстве возобладали над связями внутренними, что привело в конечном счете к усилению связей типа поставки – снабжение, которые и стали главными регуляторами зонального хозяйственного районирования.

Механизм централизованных поставок и распределения существенно повлиял на зональное хозяйственно-культурное районирование. Он устранил характерную для прошлого фатальную профилированность крестьянского хозяйства в зависимости от его нужд в основных продуктах, особенно в хлебе (например, в нагорном Дагестане). Этот механизм в союзном масштабе уже сам диктовал производство и распределение с учетом интересов всех регионов, обеспечивая в централизованном порядке продукцией, предметами, изделиями нуждающиеся в них регионы, области, районы. Отсюда произошло смещение акцентов, критериев хозяйственного районирования. На первый план выдвигается не конкретная потребность местного населения, не интересы, порожденные зональным хозяйственным районированием, а экономическая сдаточно-распределительная целесообразность производства, ориентированная на всесоюзные интересы (потребности) в приложении к местной экологии. Это своеобразный хозяйственно-экологический детерминизм, с той особенностью, что он запрограммирован. При этом экологическая обусловленность (детерминированность) хозяйственного профилирования имеет целенаправленный, регулируемый характер, и в этой запланированности большое значение имеет применение современной техники. Иными словами, велика роль явления, названного нами выше “эффектом применимости”.

Данный аспект имеет принципиальное значение и для вопроса о разграничении между трансформированным ХКТ и хозяйственно-культурным комплексом (зоной): степень “индустриализованности” структуры хозяйственных и культурных компонентов может послужить индексом этой границы.

Мы уже упоминали о стратификационных ступенях развития ХКТ в индустриальную эпоху. Первая ступень, которая идет от традиционного ХКТ – это трансформированный ХКТ [74. Легенда к карте], где деформация происходит за счет увеличения масштаба и

удельного веса основной отрасли в связи с ростом потребностей в ее продукции у соседних ХКТ или города (промышленности). Таким образом, деформируется не структура ХКТ, а соотношение хозяйственных компонентов (отраслей). Основная профилирующая отрасль постепенно превращается в монотип, находящийся в соподчинении с индустрией, или хозяйством более интенсивно развивающихся ХКТ.

Для трансформированного ХКТ, таким образом, не обязательна интенсификация собственной технологической структуры, и изменения его больше связаны с хозяйственной конъюнктурой, находящейся вне среды его распространения. Для него характерно увеличение удельного веса основной отрасли хозяйства и превращение ее в монополию. Следовательно, этот процесс связан главным образом с изменениями в сопряженных, более интенсивно развивающихся ХКТ, с ростом потребностей промышленности при относительно постоянном технологическом уровне развития. В то же время в зональном комплексе эти изменения обусловлены спонтанными процессами, происходящими в основных компонентах типа – хозяйстве и культуре. Они касаются не только масштабов, но и одновременно интенсификации, повышения технологического уровня.

По-видимому, зональный хозяйственно-культурно-бытовой комплекс является вершиной стратификационной схемы развития ХКТ. Дальше начинается грань, после которой происходит растворение хозяйственно-культурных форм в современном индустриализованном хозяйстве и урбанизированной культуре.

Таким образом, модель многоступенчатой стратификационной схемы хозяйственно-культурных форм современной индустриальной эпохи выглядит примерно так: традиционные ХКТ – трансформированные ХКТ – зональные хозяйственно-культурно-бытовые комплексы – индустриализованные и урбанизированные хозяйства и культурные формы.

Возвращаясь к равнинному ареалу плужного механизированного земледелия и стационарного молочно-мясного скотоводства, отметим одну особенность, восходящую отчасти к историческому прошлому. Поскольку экономика равнинной зоны была ведущей, жители горной части были вынуждены ориентироваться на потребности равнинного населения. Эта особенность равнинного ХКА, его самостоятельность, преобладание спонтанных, внутренних причин и закономерностей развития сохранились и в индустриальную эпоху. Разумеется, и равнинный ХКА пережил период трансформации и ориентировал свое хозяйство на внешний рынок, в том числе город (в конце XIX – начале XX в.). Но в советское время его отличают именно спонтанность причин интенсификации, технической модернизации основных компонентов. В нем получают дальнейшее развитие основные дифференцирующие признаки. В результате равнинный ХКА стал в еще большей степени дифференцированным и интегрированным. Например, по одному из основных показателей

дифференциации – ирригации – равнинный ХКА по “эффекту применимости” и развитости занимает господствующее положение в республике (“основные орошаемые земли Дагестана расположены в равнинной зоне республики”) [186, С. 80]. Увеличился и сам ареал за счет освоения нижнепредгорной лесостепи и равнинных полупустынь, возрос его удельный вес в экономике республики, в ИКО Дагестана. Что особенно важно, ведущая роль принадлежит и культуре равнинного ХКА, в наибольшей степени урбанизированному, более жестко и прочно связанному с индустрией, НТР, имеющему наибольшие предпосылки и возможности для культурных заимствований, новшеств, смены (и замены) культурных элементов.

Однако становление равнинного ХКА произошло не сразу. Поскольку сердцевиной ХКТ (ХКА) является хозяйство, развитие и преобразование совокупности ХКТ ИКО совпало с экономическим развитием республики.

Прежде чем говорить о составных компонентах ХКА равнины и нижнего предгорья, рассмотрим вкратце, как соотносилось его развитие, становление нового облика с хозяйственным развитием в республике.

Можно считать, что начало трансформации равнинного ХКА началось на первом этапе (1921–1940 гг.). В процессе восстановления хозяйства и, следовательно, традиционного облика ХКТ вводились определенные новшества, связанные с частичной механизацией. Они положили начало и определили направление будущих преобразований в хозяйственных и культурных формах равнины.

Более существенные преобразования происходят после войны. Один из точных показателей реформ – рост механизации в сельском хозяйстве. Так, уже в 1950 г. пахота и сев были механизированы на 60% от объема работ, сенокосение – на 38%. А к 1957 г. пахота на равнине механизирована на 100%, сев – на 98% [112, С. 39]. Однако механизация была в то время простейшая – тракторный плуг, сеялка, прицепной комбайн, поэтому затронула она в основном только зерновое земледелие. Например, даже в 1965 г. выращивание овощей, уборка винограда, уход за скотом и ряд других отраслей не были охвачены механизацией.

Разрыв в уровнях механизации земледелия (особенно зернового) и скотоводства привел к резкому усилению различий между равнинным и горным хозяйственными типами. Дифференциация между обоими типами увеличилась также благодаря совершенно разным темпам и масштабам механизации. Этот процесс из-за трудностей (или доступности) механизации объектного (скот) и экологического (ландшафт) характера способствовал отдалению равнинного земледельческого хозяйственного типа от горного скотоводческого.

В этом плане можно отметить и факт увеличения удельного веса зернового производства на равнине. Так, в 1947 г. полеводство на

равнине дало 62,2% от общего объема продукции земледелия (горная часть – 42,8%), садоводство – 5% (горы – 53,7%) [112. С. 38].

Способствовало этой дифференциации и сильное падение роли рабочего скота на равнине, особенно в полевых работах (пахота, уборка, подвоз, обмолот). Механическая тяга, сделав ненужной тягловую силу рабочего скота, нарушила на равнине единство традиционной симбиотической триады: тягловая сила–удобрения–корма. Тем самым ослабла степень симбиозности земледелия и скотоводства. В горах, поскольку указанный симбиоз из-за слабости земледелия был в традиционном хозяйственном типе менее выражен, и поскольку процесс внедрения механической тяги не везде был возможен, нарушение симбиоза было гораздо менее масштабно и ощутимо.

Однако ошибки, допущенные при коллективизации и раскулачивании, насильственное укрупнение колхозов и насаждение совхозов, господство командно-административных методов управления замедлили как темпы механизации, так и развитие сельского хозяйства в целом.

К сожалению, первые годы перестройки показали, что скрытые и явные апологеты и носители командно-административных методов управления не собирались сдавать свои позиции в сельском хозяйстве, что подтвердили, в частности, участники всесоюзного съезда колхозников. С другой стороны, длительное отлучение крестьянина от земли, игнорирование “крестьянского” духа, характера создало дефицит на истинно крестьянский труд, настоящие крестьянские руки. Как первое, так и второе препятствие невозможно преодолеть за короткий срок. Это должно стать кропотливым каждодневным взаимосвязанным процессом, и чем быстрее крестьянин в деревне займет свое настоящее место, тем меньше будут ощущаться остатки непродуманного администрирования.

Несмотря на застойные явления в сельском хозяйстве, определенное развитие в нем все же происходило. В частности, это касалось технической оснащенности. Одно из заблуждений этого времени заключалось в том, что подъем сельского хозяйства напрямую связывался лишь с увеличением технической оснащенности. Однако анализ производственных фондов республики 1985 г. показывает, что относительно высокий показатель по производственным фондам обеспечивался за счет земледельческого оборудования и техники, а также многолетних насаждений, а фонды животноводческого назначения гораздо менее значительны. Достаточно отметить, что если в 1965 г. фонды по животноводству составляли 39% от общей суммы (44% – по растениеводству), то в 1985 г. они составляли только 28,9% (59,9% – по растениеводству) [28. С. 291; 22. С. 91, 93; 26. С. 51, 54, 55], т.е. последние уже более чем вдвое превышали животноводческие фонды.

Нетрудно видеть, что подобные тенденции в развитии производственных фондов во многом были связаны с указанным выше “эф-

фектом применимости”. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшему земледельческому развитию равнинного ХКА, его дифференциации, все более четкому обособлению в совокупной системе ХКА ИКО Дагестана.

Таким образом, в течение третьего периода происходит дальнейшее, вплоть до завершения, выделение и по бытованию, и по распространению, и по удельному весу, и по хозяйственно-культурной определенности (различительности) равнинного (вместе с нижним предгорьем) ХКА земледельцев-механизаторов, ирригаторов и стационарных животноводов. Главное проявление этого процесса – рост технической оснащенности, которая стала атрибутом равнинного ХКА.

Дифференциация равнинного ХКА усиливается объективным отставанием технической оснащенности животноводства, особенно отгонного животноводства. Последнее обстоятельство связано с тем, что интенсивное скотоводство, базирующееся на развитом зерновом хозяйстве и большой кормовой базе за счет сеяных кормов, в полную силу осуществимо только на равнине, отчего здесь получило развитие стационарное животноводство. В этот же взаимосвязанный круг факторов входит и процесс внедрения породного скота, особенно крупного, который по своей природе может содержать только на стационаре. В свою очередь, внедрение породного КРС, отличающегося хорошей удойностью и быстрым ростом при соответствующем кормообеспечении, в значительной степени было связано с близостью городов, крупных потребителей всех видов молочной и мясной продукции. Это способствовало во многом переориентации равнинного КРС на молочно-мясное направление.

Здесь же необходимо сказать и о кутанном хозяйстве, хотя оно является частью экономики горной зоны. Оно размещается на равнине, а значит, базируется на средствах производства (земля, техника, породный скот) равнинного происхождения (прикутанная пашня горных хозяйств в полтора раза превышала их собственную, составляла 74,7 тыс. га) [215. С. 128, 129]. В то же время важный компонент производительных сил – рабочая сила, в которой равнина испытывала недостаток – привлекался для функционирования кутанного хозяйства из горной зоны. В результате чего равнинный хозяйственный тип получал источники роста. В своем развитии кутаны отставали от равнинных хозяйств (для примера: урожайность зерновых в равнинных хозяйствах в среднем на 6,6–8 ц с га превышала урожайность на кутанных орошаемых землях) [153. С. 56; 105. С. 68], но приближались к ним. Фактически дело идет к тому, что кутанное хозяйство как тип срастется с равнинным, а это означает, что равнинный тип приобретет еще больший масштаб и удельный вес в совокупности ХКА республики. Уже сейчас кутаны путем кооперирования, использования равнинного технологического комплекса постепенно подтягивают свой технико-экономический уровень до рав-

нинного, уподобляясь ему, особенно в зерновом хозяйстве и содержании породного КРС.

Остановимся более конкретно на некоторых параметрах, характеризующих современный равнинный ХКА. Прежде всего имеет, по-видимому, смысл уточнить границы ареала в проекции на современное административное районирование. Это необходимо для правильного использования статистического материала, соответствующему данному ХКА. Мы уже говорили о трудностях, связанных с адекватным районированием – экологическим, хозяйственно-культурным и административным. Поскольку есть “полярные” типы хозяйств (горный и равнинный), следует полагать, что место “встречи” их хозяйственных и культурных форм происходит примерно в верхнем предгорье. Это подтверждается полевыми этнографическими и хозяйственно-статистическими данными. Речь идет о возвышенных участках таких районов, как Казбесковский, Буйнакский, Сергокалинский, Табасаранский, Хивский.

Однако оказалось, что существенного значения в экономике районов эти участки не имеют. Кроме того, в большинстве данных районов мы наблюдали довольно солидную техническую оснащенность, значительный масштаб земледелия, большой удельный вес орошаемых земель и винограда, т.е. тех компонентов, которые можно отнести к равнинному ХКА. В связи с этим необходимо выяснить правомерность присоединения предгорных районов к равнинному ХКА. Кроме того, целесообразно сравнить хозяйственные показатели, по которым равнина четко отделяется от горной зоны. Например, 4 из 8 предгорных районов превышают самый низкий показатель по валовому продукту земледелия в равнинных районах – 5 млн 607 тыс. руб., по посевным площадям – 5 из 8, по площади орошаемых сельскохозяйственных угодий – 3 из 8, по площади виноградных насаждений, по урожайности зерновых и винограда – все 8 (здесь наиболее виноградный Табасаранский район опережает по площадям 5 равнинных районов из 11) [26. С. 73, 74, 78–80, 89, 99, 106]. В 1987 г. в Магарамкентском равнинном районе было 450 тракторов, в предгорном Сулейман-Стальском – 287, урожайность зерновых составила соответственно 28,9 и 16,8 ц; овощей – 241 и 253,4 ц; винограда – 42,3 и 67,3 ц [54. Дн. 1. С. 95, 96, 104, 105; Дн. 2. С. 105, 115, 117, 121].

Хотя показатели равнинного района выше (кроме овощей и винограда), однако не настолько, чтобы можно было говорить о качественных различиях хозяйственного типа.

Одним из показателей технической оснащенности сельского хозяйства является урожайность и особенно себестоимость продукции. Приведем статистику урожайности за 1981–1987 гг., в Магарамкентском и Сулейман-Стальском районах, которые географически, экономически и исторически близки, а их население однородно в этни-

Таблица 5

Сравнительная урожайность в равнинной Магарамкентском и предгорном Сулейман-Стальском (в скобках) районах

Годы	Зерновые	Овощи	Плоды	Виноград
1981	19,3(9,6)	198,4(230,7)	31,4(33)	65,3(59,6)
1982	24,2(20,2)	188,8(203,7)	38,7(36,4)	70,8(50,4)
1983	26,7(16,0)	224(268,8)	52,3(48,4)	54,2(51,3)
1984	27,3(19,0)	262(279,8)	37,4(44,2)	80,5(69,6)
1985	26,2(15,9)	241(232,3)	50,4(41,1)	78(70,1)
1986	28,7(–)	279(–)	46,7(–)	53,3(–)
1987	28,9(16,8)	241(232,2)	34,4(36,3)	42,3(67,3)

ческом отношении и имеет богатые традиции ведения земледельческого хозяйства) [54. Дн. 1. С. 102; Дн. 2. С. 105, 115, 117, 121].

Примерно такое же положение выявляется и при сравнении показателей себестоимости продукции за ряд лет [54. Дн. 1. С. 103; Дн. 2. С. 29, 30].

Хозяйства предгорья похожи на равнинные еще и потому, что в этих хозяйствах стоимость земледельческой продукции преобладает над животноводческой. Если на равнине стоимость второй была выше первой в 2 районах из 11, то в предгорье – только в 1 из 8. Для сравнения: в 21 горном районе стоимость продукции животноводства превышала стоимость земледельческой. Соотношение стоимости продукции обеих отраслей в этих зонах примерно одинаковое: на равнине продукция животноводства составляла 32% от совокупной продукции аграрного сектора, а в предгорье – 33%. Характерно, что в горах это соотношение было обратным. Доход от животноводства более чем вдвое превышал доход от земледелия, составляя 67% от совокупной продукции сельского хозяйства [26. С. 73].

Еще один аспект этого вопроса – отношение валовой продукции земледелия на душу населения. В земледелии этот показатель составил на равнине 397,4 руб., в предгорье – 218,5 руб., в то время как в горной части только 84,2 руб., причем это без вычета стоимости продукции, произведенной на равнинных прикутаных хозяйствах. Такой вычет был бы тем более обоснованным, поскольку урожайность зерновых в 1985 г. в горных районах достигла лишь 13 ц с га, а на равнине – 22,4 [26. С. 73, 81, 91], причем урожайность горных районов выведена с включением и равнинных земель (пашни), что намного повышает показатель. Между тем на равнине в прикутаных хозяйствах было значительно больше пашни горных колхозов и совхозов, чем в горной зоне (на равнине больше 70 тыс. га пашни, из них до 60 тыс. орошаемой, а в горах около 50 тыс. га) [215. С. 128, 129].

Таблица 6

Себестоимость центнера продукции в равнинном
Магарамкентском и предгорном
Сулейман-Стальском (в скобках) районах, в руб.

Годы	Овощи	Плоды	Виноград
1981	15,6(24,2)	21(59,4)	22,7(18,0)
1982	23,3(35,4)	21,2(29,8)	21,7(30,6)
1983	18,3(17,5)	22,2(19,9)	32,6(28,4)
1984	19(19,1)	20,5(23,2)	23,7(25,6)
1985	24,6(21,9)	20,7(23,9)	24,5(28,5)
1986	17,6(-)	24,1(-)	28(-)

О сходстве хозяйств предгорья и равнины и их резком отличии от экономики горной зоны свидетельствует и то, что на равнине на одну душу населения приходилось 0,8 га пахотных угодий, в предгорье – 0,351, в горной зоне – всего 0,104 га, причем были районы с еще более резко выраженным малоземельем [26. С. 78].

Очень важный дифференцирующий признак ареала – орошение. Этот признак также сближал предгорье с равниной и противопоставлял их горной зоне. Ирригационные системы находились главным образом на равнине и в нижнем предгорье, в горах их было мало. Это наглядно иллюстрируют размеры орошаемых земель на душу населения: равнина – 0,606 га, предгорье – 0,130 и горы – 0,005 га. И наконец, такой же точный различительный признак – распространение виноградных насаждений. В горной зоне их почти не было. Там приходилось 0,008 га на душу (да и эти насаждения горных хозяйств находились на прикутаных равнинных землях), в предгорье – 0,068 и на равнине – 0,018 га [26. С. 79, 89].

Сказанное об особенностях предгорного хозяйственного типа позволяет нам с определенной натяжкой включить его в равнинный ХКА. Натяжка заключается в том, что предгорье по всем характеризующим, отличающим равнинный ХКТ признакам – значительно уступало равнине, чему в немалой мере способствовали верхние предгорья, близкие по ландшафту, характеру и масштабам угодий горной зоне. Но, как мы убедились по некоторым данным, предгорье все-таки ближе по своим хозяйственным компонентам к равнине и должно быть включено в равнинно-предгорный ХКА, который мы для удобства изложения и дихотомического сравнения (равнинный–горный) будем называть просто равнинным.

КОМПОНЕНТЫ РАВНИННОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА

Соотношение отраслей хозяйства. Теперь попытаемся проследить на основе изучения отдельных компонентов степень трансформации равнинного ХКТ и правомочность его выделения.

При классификации ХКТ в первую очередь возникают вопросы о главной отрасли хозяйства, о соотношении отраслей, о степени их симбиозности. Традиционный равнинный ХКА отличался ведущей ролью земледелия в симбиозе с животноводством.

Симбиоз покоился на триаде: рабочий скот–корма–удобрения. Он крепко объединял обе отрасли хозяйства. Из этой триады выпало одно важнейшее звено – рабочий скот, замещенный техникой.

Ненадобность рабочего скота еще более изменила соотношение, взаимозависимость отраслей равнинного хозяйственного типа. За скотом осталась только функция обеспечения земледелия удобрениями, но и в этом значение скота упало, так как главное место в подкормке полей заняли неорганические (химические) удобрения. Если в 1965–1985 гг. внесение органических удобрений выросло на 85% и составило 1 млн 284,1 тыс. т, то внесение минеральных удобрений выросло с 62,8 тыс. ц до 569,5 тыс., т.е. увеличилось в 9 раз (внесение на один гектар выросло с 15 кг до 107–112 кг) [22. С. 119; 26. С. 58, 59].

Таким образом, зависимость земледелия резко уменьшилась. Скотоводство же, изменив профилизацию и приобретя продуктивный характер, попало в еще большую зависимость от земледелия, так как увеличение продукции стало во многом зависеть от того, в какой степени и как земледелие обеспечит скот сеянными кормами. Так, высокоразвитое кормопроизводящее хозяйство стало отличительным признаком передового современного сельского хозяйства, сопряженность отраслей которого даже возросла, но приобрела более односторонний характер. Мы уже указывали выше, что росту продуктивного скотоводства на равнине способствовали объективные обстоятельства, прежде всего рост городов. Это потребовало количественного роста и улучшения качества кормов. Так складывается новая взаимозависимость – механизированное земледелие, отчасти нуждающееся в продукции скотоводства (органические удобрения), с растущим кормозаготавливающим хозяйством для скотоводства, и разведение породного скота.

Естественно, подобные коллизии должны были привести к ускоренному, а в последние десятилетия советской власти даже бурному росту производства кормов и соответственно посевов кормовых культур. Если в 1913 г. кормовые культуры имели площадь в 3,2 тыс. га (1,2% всей посевной площади), то в 1965 г. они составили 85,1 тыс. га (уже 18% посевов), в 1970 г. – 132,5 (31%), в 1980 г. – 160,4 (37%) и в 1985 г. – 188,6 тыс. га (43%). В равнинно-предгорной зоне в 1985 г. было сосредоточено 139 825 га кормовых культур

из 188 566, т.е. 74,1% всех посевов кормовых республики [18. С. 36; 22. С. 165, 174; 26. С. 55, 56, 80, 87].

Если к этому добавить, что подавляющая часть посевов кормовых культур горной зоны также была на равнине (от 40 до 50 тыс. га или 20–25% всех кормовых посевов республики) [215, С. 128–129], то станет ясным, что почти весь кормовой клин республики сосредоточивается на равнине, а это один из верных признаков современного механизированного земледелия, обеспечивающего и существование стационарного скотоводства. В семи районах равнины – Кизлярском, Бабаюртовском, Кизилюртовском, Ногайском, Тарумовском, Хасавюртовском, Ленинском находилось больше половины посевов кормовых культур республики – 97,7 тыс. га (51,8%). В отдельных районах равнины, например, в Ленинском, кормовые уже в 1965 г. составили 38,4% всех посевов, а к 1985 г. достигли 49%. В Магарамкентском районе кормовые культуры от 15% посевов в 1965 г. выросли до 57% в 1985 г., в Дербентском – до 49% [22. С. 165, 174; 26. С. 80, 87]. В совхозе “Советская Армия” Кизилюртовского района кормовые занимали 59% посевов, в совхозе Кировском (с. Башлыкент) Каякентского района – 62,5, а в колхозе им. Ленина (с. Эндирей), Хасавюртовского района 4007 га из 4756 га всей пашни – 84,2% [28. С. 2, 22, 57; 47. Тетр. 2. С. 20, 21, 105].

Таким образом, в равнинной зоне кормовые культуры составляли значительную часть посевных площадей. Их было почти столько же, сколько и зерновых культур (139 825 га и 151 823 га), которые охватывали 44,4% всех посевов равнины. Если присовокупить к ним еще 45–50 тыс. га кормовых культур горных районов, размещенных на равнине, то их доля окажется еще выше (до 58–59% всех посевов равнины) [26. С. 81, 87; 215. С. 128; 129]. Это очень высокий показатель, если иметь в виду, что речь идет об ареале, в котором важное место занимают зерновое хозяйство, виноградарство, садоводство.

Дальнейший рост площади кормовых практически невозможен без причинения серьезного ущерба важнейшим земледельческим культурам равнины – зерну, винограду, плодам. Вместе с тем он жизненно необходим, ибо средняя потребность в корме на одну голову скота в республике удовлетворялась примерно на 45–50% [58. С. 12, 13]. Следовательно, выход следует искать в интенсификации самой отрасли, а также освоении новых угодий под пахоту за счет занятых под пастбища земель. Однако это связано с большими материальными затратами для улучшения почв и обводнения земель, что в ближайшие годы не представляется возможным. Поэтому расширение пахотного клина в Дагестане связано с большими трудностями и в 80-е годы происходило в небольших масштабах (в 1980 г. – 445 800 га, в 1985 г. – 455 500) [26. С. 78] – меньше 10 тыс. га на всю республику. Даже сама равнина (без предгорья и гор) уступает общесоюзному показателю по количеству пахотных угодий на душу

населения (0,80 и 0,96 га), не говоря уже о республике в целом (0,35 га). Если в РСФСР пашня составляет 61% сельскохозяйственных угодий, то в Дагестане только 16,6%. Между тем каждый гектар пастбищ равнины, превращенный в пахотное угодье, увеличил бы доход с земли в 10–15 раз [22. С. 111; 215. С. 43, 112, 180; 123. Т. IV. С. 151, 164, 165].

Правда, на равнине положение с наличным фондом пахотных угодий обстоит лучше. На 1985 г. здесь сосредоточено 332 427 га пашни республики из 455 500. Однако, как указывалось выше, в эту цифру порайонной статистики не входят примерно 70 тыс. га равнинных пахотных угодий, переданных горным колхозам и совхозам для их прикутанного хозяйства, и тогда цифра равнинной пашни возрастет до 402 427 га, что составляет 88% всех пахотных угодий республики.

Тип земледелия. Исследуем еще один аспект обеспеченности пашней равнинного ареала. В 1985 г. пахотные угодья равнинно-предгорного ареала составляли 30% всех сельскохозяйственных угодий (самой равнины – 36%, несмотря на огромные массивы равнинных пастбищ), а пашня горной зоны составляла лишь 3,2% всех угодий (даже вместе с используемой равнинной пашней пахотные угодья горных колхозов и совхозов занимают лишь 7,5% всех сельскохозяйственных угодий) [26. С.77, 78].

Отметим, что эти соотношения были почти неизменными на протяжении последних десятилетий. Так, в 1965 г. пашня равнины также составляла 36,3% всех угодий зоны [61, С. 1]. В отдельных равнинных хозяйствах пашня занимала еще большую часть угодий. В совхозе Кунбатарский (с. Кунбатар) Ногайского района под пашню было отведено 11 092 га из 20 226 га угодий (54,8%), а в колхозе “Правда” (с. Аксай) Хасавюртовского района пашня составляла 6522 га из 7720 га, или 84,4% всех угодий [47. Тетр. 1. С. 26–28, 151; Тетр. 2. С. 14, 20, 105].

Подобное преобладание имеет экологические корни, оно связано непосредственно с теми ландшафтно-структурными особенностями угодий, которые служат дифференцирующим признаком при классификации, выделении типов земледелия, хозяйственных ареалов.

Ландшафтные особенности равнины способствуют тому, что сельскохозяйственные угодья здесь имеют ровную поверхность, обширны, доступны, что особенно важно в период механизации и НТР. В этом аспекте равнинный ареал наиболее резко выделяется в пределах республики. Связано это именно с ландшафтно-структурными особенностями равнинной пашни (без межей, откосов, террас), ее большими ровными площадями, открытыми для самой современной крупно-габаритной и тяжелой техники. Правда, нельзя сказать, что равнинный ареал резко выделялся к концу 80-х годов по типу пахотного орудия и способу обработки (вспахивания) земли, так как и в

горных районах повсеместно внедрился плуг (чаще однолемешный), а рало вышло из употребления в земледельческой практике общественных хозяйств.

Поэтому различие здесь не в самом типе орудий (он везде плуг), а в характере его тяги (упряжная, помимо тракторной в горах), в техническом совершенстве самих орудий (многолемешные плуги с комплексом боронующих и сеющих агрегатов на равнине и однолемешный плуг в горной части), в массовости их применения, их фактической производительности.

Современная экономическая наука вполне справедливо считает, что в век НТР нельзя ссылаться на плохие экологические условия для сельского хозяйства. Приведем одно из последних высказываний на эту тему: “можно, конечно... оправдывать наши продовольственные проблемы худшими, чем в других странах, условиями для сельскохозяйственного производства. Но в развитых странах продуктивность сельского хозяйства давным-давно зависит не столько от изначальных земельных ресурсов или агроклиматических условий, сколько от уровня развития производительных сил”. И далее: “Наиболее высокая продуктивность сельскохозяйственного производства не там, где можно собирать два урожая в год, а там, где оно ведется наиболее интенсивным образом” [183]. Однако при всей справедливости этого положения нельзя не учитывать того, что же дано самой природой для хозяйственной деятельности человека – крутые склоны (пусть и плодородной земли) или обширные ровные поля, узкие каменистые площади, террасы или равнинные степи. Именно в данном случае уместно вспомнить об “эффекте применимости”. Речь идет о том, что природно-географические условия в своей “данности” могут как способствовать, так и препятствовать применению определенных агротехнических мероприятий, иметь или не иметь объективные условия для их осуществления (например, орошение), ограничить поле, сферу применения тех или иных орудий, машин, агрегатов. Такие особенности, преимущественно в горных странах, сохраняют свою силу и в век НТР. Как уже говорилось, это сказывалось прежде всего в области применения техники, технического оснащения сельского хозяйства, его фондовооруженности, энерговооруженности. Равнинный ареал представляет в этом отношении очень убедительный пример, наглядно показывающий зависимость уровня развития сельского хозяйства от его технической оснащенности. В 1925 г. на равнине (и во всем Дагестане) было всего 25 тракторов, в 1941 г. уже 1409 и 265 комбайнов. Это было, конечно, немного, тем более, что комбайны были прицельные и производительность их была невысока, особенно на полях с неровной поверхностью, так как маневрирование громоздкого и неуклюжего соединения трактора с комбайном, его работа на подъемах и спусках были сопряжены с немалыми техническими трудностями. Вот как происходил рост оснащенности сельского хозяйства тракторами и комбайнами (табл. 7) [18. С. 27, 28, 47; 19. С. 32; 113. С. 270, 281,

Таблица 7

Рост технической оснащенности сельского хозяйства

Годы	Число тракторов (в переводе на 15-сильные)	Число тракторов, на 1000 га пашни	Число комбайнов	Число комбайнов, на 1000 га зерновых	Число автомобилей
1925	25	0,08	—	—	—
1938	725	—	137	—	300
1940	1130	2,7	291	0,7	—
1950	1687	4,3	329	0,8	938
1955	3923	8,7	405	—	1845
1960	3300	6,4	1300	2,5	4600
1965	11 803	20,3	1531	3,0	4697
1970	7555	—	1585	6,3	—
	(физических единиц)		(самоходных)		
1976	10737	22,4	1877	7,9	10800
1980	13014	23,2	2052	8,9	6000
					(в хозяйствах)
1981	12 857	26,5	2127	8,9	—
1982	13 082	27,3	2298	10,2	—
1983	13 762	28,6	2436	11,5	—
1984	13 338	27,5	2413	10,9	—
1985	13 388	27	2020	9,3	—
1986	13 340	27	2293	10,8	—

282, 300, 398; 123. Т. IV. С. 153; 16. С. 31, 44, 67; 22. С. 105; 25. С. 67; 26. С. 53].

К сожалению, нам не удалось выявить статистических данных по отдельным зонам, и поэтому картина технической оснащенности равнинного ареала остается нечеткой. Следует исходить из того, что большая часть техники, использование достижений НТР, энергоисточников приходились на равнинную зону. Косвенным показателем этого может послужить производительность труда (производство валовой продукции в год на одного работника). Этот показатель был наиболее высоким в равнинном Кизлярском районе (4985 руб. в среднем за год в 1981–1985 гг.), самый низкий – в горном Агульском районе (672 руб.). Хотя это будет неточный и не очень надежный показатель, можно вывести средний индекс сумм валовой продукции на одного работника по зонам, ибо при всем сказанном он может

быть весьма важным. Такой индекс по равнинной зоне за эти годы равен 3266 руб., а по горной – 1171 [26. С. 75]. Например, в Магарамкентском районе производство продукции на одного работника выросло в 1981–1986 гг. с 2456 руб. до 4060 руб. За эти же годы в колхозе “Коммунизм” Курахского высокогорного района эти цифры составили 1842 и 2753 руб., а в совхозе “Шимихюрский” и того меньше – 815 и 849 руб., в совхозе же “Стальский” Агульского района – соответственно 1382 и 930 руб. (даже снизились). Соответственно и результат хозяйственной деятельности выразился в Магарамкентском районе в росте прибыли за пятилетку от 2536 тыс. руб. до 5109 тыс. (с. Кабир, Шилихюр, с. Вича) [54. Дн. 1. С. 7, 41. Дн. 2. С. 30, 31; 53. Дн. 1. С. 31].

Более быстрый рост технической оснащенности в равнинных районах также можно проиллюстрировать на примере Магарамкентского района, где с 1950 г. количество тракторов в хозяйствах увеличилось более чем в 11 раз, комбайнов – в 5 раз, автомобилей с 1965 г. – в 3 раза.

Так выглядит рост числа тракторов по годам в Магарамкентском районе [54. Дн. 2. С. 10, 11]:

1950 г.	41	1975 г.	368
1955 г.	71	1980 г.	412
1960 г.	74	1983 г.	450
1965 г.	146	1985 г.	456
1970 г.	273	1987 г.	450

Из других общих показателей, характеризующих равнинный ареал, укажем на валовой сбор зерновых культур. Из 3 млн 931 тыс. ц в среднем за 1981–1985 гг. на равнинный ареал приходится 3 млн 151,3 тыс., что составляет 80% всего сбора. Еще более убедительная картина складывается из сравнения валовой продукции земледелия. Из 242 млн руб. 2318 тыс. руб. среднегодовой ее стоимости в эти же годы на долю равнинного ареала приходится 87,2% [26. С. 73, 91], что без сомнений позволяет констатировать ведущую роль земледельческой отрасли на равнине. Такой перевес земледелия на равнине предопределил и ббльший удельный вес земледельческой отрасли в сельском хозяйстве республики [19. С. 34; 25. С. 59, 60; 26. С. 48]:

1958 г.	57%	1981 г.	56,8%
1960 г.	57%	1982 г.	58,5%
1965 г.	76%	1983 г.	56,8%
1970 г.	59,2%	1984 г.	61,5%
1975 г.	61,1%	1985 г.	58,3%
1980 г.	61,2%		

Система земледелия – удобрение и орошение. Серьезные изменения произошли в системе земледелия равнины. Отметим прежде

всего, что в связи с интенсификацией земледелия почти исчез перелог, игравший ведущую роль в совокупности систем традиционного ХКА равнины. Последняя как бы меняется ролями с горной зоной, где растет число перелогов и залежей, особенно на малых участках, террасах, и население в наибольшей степени применяет плодосменную систему. Если исчезновение перелога при современных масштабах, интенсивности, обеспеченности минеральными удобрениями современного механизированного земледелия еще можно понять и оправдать, то забвение паровой системы нельзя оправдать ни в коем случае. Погоня за увеличением пашни, посевных площадей с каждым годом приводит к неуклонному сокращению парового клина. Сильный удар паровой системе был нанесен во времена волонтаризма и застоя, когда она была объявлена неэкономичной, нерентабельной и даже бесполезной. Между тем опыт передовых хозяйств, в частности колхоза им. Ленина Карабудахкентского района, который никогда (даже когда пар директивно отменили) не отказывался от нее. Опыт хозяйств на Кубани, Ставропольском крае и др. показал, что пар является одним из лучших средств повышения урожайности и сохранения плодородия почвы, особенно в аридной зоне. В последнее время, когда в сельском хозяйстве отказываются от командно-административных методов, от директивного определения “сверху” что сеять, когда сеять, где сеять, когда и как убирать и т.д., у хозяйств равнины есть все возможности для настоящего возрождения этого эффективнейшего агротехнического приема.

В связи с системой земледелия следует рассматривать и вопросы удобрения и орошения. Как и в самой системе земледелия с удобрением полей произошли радикальные структурные перемены. В прошлом равнину не удобряли, во всяком случае в пашенном (полевом) земледелии. Причина этого крылась в переложной системе земледелия, при которой особой надобности в специальном удобрении не было. Нам приходилось уже отмечать, что некоторые респонденты при вопросе об удобрении поля отвечали: “А зачем, надобности не было; земля, пока отдыхала, сама восстанавливала плодородие”. По этой причине на окраинах равнинных аулов, отодвинутых к лесистым предгорьям и, следовательно, не нуждавшихся в кизяке, существовали специальные свалки навоза. В то же время горные земледельцы разрывались между необходимостью применения навоза как для удобрения, которое было обязательно, так и для топлива*. Изменение системы земледелия повлекло за собой и изменение роли удобрения, так как интенсификация земледелия не может без него

* Интересно в связи с этим привести суждение С.А. Арутюнова о запрете умерщвления КРС в Индии, который, по его мнению, связан с обезлесением и “имеет глубоко практический смысл, так как только избыток поголовья коров позволяет индийской деревне, в условиях крайней дефицитности дров, решать топливную проблему путем производства кизяка” [218. С. 238].

обходиться. Причем помимо традиционного удобрения – навоза, стали использовать минеральные удобрения, появление которых обусловлено интенсификацией хозяйства. Произошло как бы перераспределение функций удобрения в равнинном и горном ареалах. В последнем оно идет на убыль, на равнине же приобретает все большее значение. Например, если в 1965 г. было внесено 224 487 ц минеральных удобрений, то в 1975 г. – 950 179, в 1980 г. – 1 522 036 и в 1985 г. – уже 1 714 476 ц. При этом первенство принадлежало равнинному ареалу. В 1965 г. удельный вес минеральных удобрений, внесенных здесь, составил 86,7% всех внесенных в республике минеральных удобрений, в 1975 г. – 85,1%, в 1980 г. – 82,6, в 1985 г. – 83,2%. В расчете на 1 га посевной площади в 1965 г. внесено в равнинном ареале 0,47 ц минеральных удобрений, в 1985 г. – 3,7, т.е. увеличение почти в 8(7,87) раз [22. С. 165; 26. С. 80, 90].

Одновременно происходит рост внесения и органических удобрений, причем равнинный ареал не просто стал областью их применения, но и держит в этом несомненное первенство, что объясняется как высокой интенсивностью здесь земледелия, его масштабностью, так и лучшей механизированностью. Ведь накопление и особенно вывоз на поля навоза дело трудное, трудоемкое, не очень приятное, и высокая механизированность равнинного хозяйства позволяет во многом облегчить эти моменты (механизация погрузки, разгрузки, вывоза). В целом по республике динамика вывоза органических удобрений выглядит следующим образом (в тыс. т) [22. С. 119]:

1965 г.	693,5	1982 г.	1424,2
1970 г.	715,6	1983 г.	1421,4
1975 г.	749,0	1984 г.	1318,6
1980 г.	1105,5	1985 г.	1284,1
1981 г.	1255,3		

Динамику внесения органических удобрений можно проиллюстрировать следующими данными (1 га/т) [26. С. 58]:

1965 г.	1,6	1982 г.	3,3
1970 г.	1,9	1983 г.	3,3
1975 г.	2,0	1984 г.	3,3
1980 г.	2,5	1985 г.	2,7
1981 г.	2,8		

Как видно, с 1965 г. посекторные показатели выросли в 2 раза. Спад начался только после 1983 г. Думается, в этом сыграла роль тенденция отдельных хозяйственников заменить органические удобрения минеральными, так менее хлопотно.

Например, в Магарамкентском районе при общей тенденции роста применения органических удобрений, в последние годы также обнаруживается спад их вывоза (в т) [54. Дн. 2. С. 157]:

1960 г.	21 000	1983 г.	19 262
1970 г.	16 672	1985 г.	32 600
1975 г.	15 496	1986 г.	21 424
1980 г.	35 619	1987 г.	23 145
1981 г.	17 416		

В общем же показатели и по республике, и по отдельным ареалам и районам показывают рост минеральных удобрений в ущерб органическим. Между тем в передовых странах, напротив, в последние годы предпринимаются большие усилия для того чтобы уменьшить потребление не только ядохимикатов, пестицидов, но и минеральных удобрений, с целью улучшения экологической обстановки. На продовольственном рынке ряда стран Европы и Америки популярными становятся продукты земли (овощи, фрукты, зерновые), выращенные “без химии”. И хотя они обходятся значительно дороже, спрос на подобную продукцию растет с каждым днем.

Таким образом, благодаря применению различных удобрений система земледелия на равнине приобрела новые параметры, равнина из безудобрительного ареала превратилась в зону наибольшего развития удобрения полей.

В другом компоненте системы земледелия этого не произошло. Там сохранилась традиционная ситуация – подавляющее превосходство орошаемого земледелия на равнине при относительно слабом его развитии в горной зоне и отсутствии в высокогорье. Орошение в аридной зоне, к которой относится и Дагестан, не только важный, но и необходимый элемент интенсивного земледелия.

Разрушенная в годы войны и военной разрухи ирригация неуклонно восстанавливалась. В 1913 г. в Дагестане было до 142 тыс. га орошаемых земель, к 1920 г. их оставалось только 40 тыс., к 1925 г. их площадь возросла до 67,5 тыс. га. Но уже в 1935 г. массив орошаемых земель достиг цифры в 152,5 тыс. [115. С. 63; 159. С. 82, 83; 12. За 1911 г. С. 13; 199. С. 86, 87]. Причем характерно, что сохранилась примерно та же пропорция в соотношении орошаемых земель равнины и горной зоны. В 1913 г. на горную часть приходилось около 10 тыс. га из 142 тыс. и они составляли 7% орошаемых земель, а в 1935 г. массив орошаемых земель нагорья составил тоже около 10 тыс. га, или 6,5%, от всего количества. В дальнейшем, в связи с упадком земледелия в горах и забрасыванием пахотных угодий, с одновременным опережающим ростом ирригационного земледелия на равнине, процент этот стал еще меньше. Большую роль в этом сыграл и рост орошаемых земель на прикутаных угодьях на равнине, отведенных горным хозяйствам. Можно проследить, как происходило увеличение площади орошаемых земель на протяжении дальнейшего времени (второй и третий периоды). У нас имеются цифры только по республике, но поскольку на равнине была сосредоточена основная часть орошаемого клина (94–95%), можно привести эти

цифры, имея в виду поправку на указанный удельный вес орошаемых земель равнинного ареала (в тыс. га) [19. С. 42; 25. С. 67; 26. С. 57, 79; 114. С. 90]:

1940 г.	158,2	1975 г.	274,0
1945 г.	144,0	1980 г.	286,6
1950 г.	193,3	1981 г.	289,6
1955 г.	244,8	1982 г.	292,6
1960 г.	311,5	1983 г.	297,2
1965 г.	358,0	1984 г.	299,3
1970 г.	343,3	1985 г.	303,5

Наблюдается несколько циклов повышения и понижения удельного веса орошаемых земель. Последний раз повышение начинается с 1976 г. (275,2 тыс. га) и продолжается до конца 80-х годов, хотя и невысокими темпами. Наивысшего показателя 1966 г. (360,2 тыс. га) до сих пор не удается достигнуть. Думается, немалую роль в снижении индекса орошаемости пашни сыграли засоление и отчасти затопление полей, особенно на севере равнины. Последняя по-прежнему остается местом сосредоточения большинства орошаемых земель. Однако тут должна быть сделана одна поправка – равнинные и предгорные колхозы и совхозы располагают (1985 г.) лишь 226 607 га (из них в предгорье только 28 347 га – 9,8%) земель из использованных для орошения 289 700 га, что составляет 78,2% от общего количества. По данным отдельных исследователей еще 18% орошаемых земель были расположены на равнине, но их использовали 320 горных колхозов и совхозов. Это примерно 52 тыс. га.

У таких земель двуединый характер. С одной стороны, они органически связаны с экономикой горных хозяйств, обрабатываются горцами, урожай с них поступает в горы, вся организационная структура, имеющая к ним отношение, связана с горным хозяйством. С другой стороны, эти земли расположены в равнинной зоне, технологически связаны с высокомеханизированным равнинным земледелием, имеют равнинный ландшафтно-структурный облик и соответствующие технические и технологические параметры, т.е. безусловно относятся к хозяйственному типу равнины. Выступая связующим звеном между равнинным и горным хозяйственными типами, эти земли прикутанного хозяйства служат укреплению экономических и технологических связей равнинного и горного хозяйства, становятся инструментом осуществления и реализации ведущей роли передового механизированного (и ирригационного) равнинного земледельческого хозяйства. В целом следует, по-видимому, относить их к равнинному хозяйственному типу, не забывая об их экономической инкорпорированности в горно хозяйство.

Таким образом, можно считать, что орошение как компонент системы земледелия является отличительной особенностью равнинного ХКА. К особенностям равнинного орошения можно также от-

нести новые технологически прогрессивные методы орошения, например, разные виды дождевания. Еще одна особенность заключается в том, что на равнине, в отличие от горной зоны, в орошаемых угодьях подавляющее преобладание принадлежит пашне, а не многолетним насаждениям. Это преобладание сказалось и на общереспубликанских цифрах соотношений орошаемой пашни и многолетних насаждений – 73% орошаемых угодий это пашня и лишь 23% – многолетние насаждения (более чем в 3 раза меньше) [180. С. 60].

Таким образом, при сохранении ландшафтно-структурных особенностей угодий равнины земледелие (тип) резко выделилось по технической оснащенности, использованию достижений НТР, удельному весу земледелия, урожайности. В системе земледелия отметим исчезновение перелога, появление интенсивного удобрения, увеличение масштабов орошения по сравнению с традиционным ХКТ.

Садоводство, виноградарство, рисосеяние, овощеводство. Многолетние насаждения (плодовые и виноградные) также имеют на равнине дифференцирующие особенности. На равнине, особенно в нижнем предгорье, сады и раньше были распространены очень неравномерно. Целая равнинная полоса с такими крупными селениями, как Карабудахкент, Аксай, Костек, Андрейаул, Губден, Как-Шура, Муреги, Башлыкент и др. знала садоводство в очень незначительных масштабах. Оно было преимущественно потребительским, нетоварным, экстенсивным. Жители горно-долинного Дагестана, где садоводство было интенсивным и высокотоварным именно в таких селениях, находили сбыт своим фруктам, которые обменивали здесь на зерно. Совершенно другая картина сложилась в советское время, начиная с 50-х годов, когда садоводство равнины стало развитой отраслью, интенсивной, масштабной, высокотоварной, с передовыми методами выращивания (карликовые, шпалерные сады), новыми высокоурожайными промышленными сортами фруктов и ягод.

В трех равнинных округах Дагестана, в Кайтаго-Табасаранском, Кюринском и Темир-Хан-Шурином, в 1913 г. было 2463 дес. садов [12. За 1913 г. С. 8] (по другим данным – 3773 дес.), в Хасавюртовском округе Терской области 2132 дес. вместе с виноградниками [199. С. 87, 88; 187. С. 46], причем наименее обеспеченным из них был Темир-Хан-Шуриномский округ, а также Хасавюртовский. Даже там, где садов (и фруктов соответственно) было много, вплоть до начала XX в. жители равнины рассматривали их только как источник удовлетворения потребности, но ни в коем случае как промышленную отрасль. Только этим можно объяснить, что многие равнинные селения, имея прекрасные возможности для расширения садовых насаждений, этого не делали.

В советское время отношение к садам на равнине в корне изменилось. Жители стали заводить их и для удовлетворения собствен-

ных нужд, и для вывоза в города, населению которых требовалось все больше и больше овощей и фруктов. Особое внимание уделяли садоводству планирующие органы. Принимались даже специальные правительственные постановления об их развитии, вроде постановления Совета Министров РСФСР 1959 г. "О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства в Дагестанской АССР". Благоприятные условия равнины позволили стать ей ареалом высокопродуктивного промышленного садоводства. Но рост не был равномерным. Приведем некоторые цифры в га, (третья колонка – % от всей площади садов республики) [21. С. 84; 26. С. 88]:

1913 г.	2463(3773?)	39(59?)
1960 г.	32 031	69,1
1965 г.	36 661	71
1970 г.	39 710	76
1975 г.	32 401	72
1980 г.	28 565	71
1985 г.	24027	70,7

Как видно, садоводство на равнине росло довольно быстро. В 1970 г. площадь насаждений по сравнению с 1913 г. увеличилась в 16 (10,5?) раз, причем и рост площади в целом по республике (вернее, темпы ее роста) обеспечивались ростом площади садов на равнине.

Так выглядит, например, рост садоводства в Магарамкентском районе (в га) [54. Дн. 2. С. 16, 17]:

1955 г.	109	1981 г.	5610
1960 г.	2947	1983 г.	5033
1965 г.	3964	1985 г.	5047
1975 г.	5401	1986 г.	4524
1980 г.	5623	1987 г.	4574

В 1955–1980 гг. площади под садами выросли здесь в 51,6 раза. В 80-е годы район занимал одно из первых мест в республике по садоводству (первое место по площади, валовому сбору и урожайности в среднем за 1981–1985 гг.) [54. Дн. 2. С. 16–17; 26. С. 88, 97, 105].

Спад роста в 70–80-е годы связан с тем, что резерв угодий, подходящих под плодово-ягодные насаждения, был исчерпан. Он произошёл в 70-е годы, потому что одновременно потребовался резкий скачок в расширении площадей под виноград и кормовые культуры. Виноград (причем технических сортов) посадили на многих тысячах гектаров плодородных земель, которые с гораздо большей пользой для снабжения населения республики можно было отвести под овощные, зерновые, плодовые культуры. Еще одна причина – непродуманность плодово-ягодных насаждений 50–60-х годов. В ходе осуществления лозунга "Превратим республику в цветущий сад!" были неоправданные, бесперспективные посадки (в местах с недостаточной солнечной радиацией или, напротив, засушливой богары), которые со временем пришли в негодность, захирели и постепенно

были брошены. Такие заведомо бесперспективные посадки навязывались в командном порядке отдельным хозяйствам Карабудахкентского, Табасаранского и других районов.

В целом садоводство стало на равнине промышленной отраслью земледелия и может считаться дифференцирующим признаком земледелия равнинного ареала. Однако дифференцированность обусловлена масштабностью отрасли, а не специфической характерностью. Ведь долинное садоводство горной зоны также является существенным признаком горного земледелия. Если в 1980 г. сады равнинного ареала составляли, как мы видели, 28 565 га из 326 461 га пашни (8,7%), то в горной части 11 541 га садов от 119 339 га пашни (9,7%).

Соответственно в 1985 г. эти цифры составляли на равнине 24 027 из 334 983 га (7,1%), в горах – 9921 из 120 517 га (8,2%) [26. С. 88]. Причем для этой категории угодий (насаждений) хозяйства горной зоны не использовали своих прикутаных земель на равнине. Поэтому при оценке дифференцирующих свойств компонента мы предлагаем прежде всего учитывать мощность, масштабность отрасли, но не механизм ее функционирования. В этом отношении садоводство коренным образом отличается от другой отрасли многолетних насаждений – виноградарства. В досоветское время виноградарства в горной части практически не было, имевшиеся небольшие посадки (по несколько лоз) предназначались для собственного потребления (и для больных сельчан). На равнине, напротив, в отличие от садоводства, были уже два очага развитого виноградарства – Дербентский и Кизлярский, где культивировались технические сорта на вино, чего в горной части совсем не было. Во всей Дагестанской области (без городов) было в 1913 г. всего 837 дес. виноградников и сосредоточены они были только в трех равнинных округах: Кайтаго-Табасаранском (219 дес.), Кюринском (138 дес.) и Темир-Хан-Шуринском (480 дес.) В пределах Дербента, Хасавюртовского округа и Кизляра его было больше – до 9,7 тыс. га (12. За 1913 г. С. 8; 113. С. 301].

Виноградные насаждения – высокодоходная отрасль земледелия. Достаточно сказать, что со 100 га угодий она дает продукции в стоимостном выражении в 20–25 раз больше зернового земледелия и в 60 раз больше животноводства. Однако виноградарство является также трудоемкой, высокзатратной отраслью, поэтому лишь в послевоенные годы, когда улучшились энерговооруженность и фондообеспеченность земледелия, стало возможным его ускоренное развитие. В 1940 г. было еще только 4,4 тыс. га виноградных насаждений, в 1947 г. их площадь достигла 5587 га, в 1953 г. – 7261 га. В последующие годы, особенно после специального постановления Дагестанского обкома КПСС 1956 г. о развитии садоводства и виноградарства, темпы роста последнего резко увеличились. В 1956 г. превзойден уровень 1913 г. В 1959 г. площадь виноградников составила уже 20,8 тыс. га, в 1960 г. – 28,4, в 1965 г. – 27,0, в 1970 г. – 40,7, в

1975 г. – 54,5, в 1980 г. – 67,3, в 1985 г. – 64,3 тыс. га [16. С. 51; 22. С. 120; 25. С. 70; 26. С. 89; 112. С. 189–190]. Спад после 1983 и особенно 1984 г. (с 69 834 до 64 382 га) объясняется попытками виноградарей приспособить свою отрасль к новым условиям ограничения производства алкогольных напитков. Одним из радикальных средств для этого стала замена технических сортов винограда столовыми. В результате произошло временное уменьшение площадей, занятых под насаждения. К сожалению, в последние годы (третьего периода) виноградарство, начавшее падать в пору оголтелой борьбы с алкоголизмом, сильно сократилось в новых условиях хозяйствования и перестало быть для большинства хозяйств высокодоходной отраслью.

Что касается масштабы распространения этой отрасли на равнине, то это оценить нетрудно. Те 3 тыс. га виноградников, которые имеются в Ахтынском, Курахском, Дахадаевском, Левашинском районах горной зоны, находятся в действительности на отведенных для хозяйств этих районов равнинных землях, в чем мы сами убедились на деле. Поэтому виноградарство должно быть причислено к тем элементам земледелия, который свойственен именно равнинному ареалу, является его дифференцирующим (и самоинтегрирующим) компонентом.

Из других земледельческих культур такое же безусловное значение имеет рис, который совершенно не культивируется в горной части, а на равнине стал одной из основных культур. В досоветское время посевы риса носили случайный характер. В 1913 г. на территории нынешнего Дагестана было засеяно рисом 0,5 тыс. га пашни. К 1940 г. эта площадь возросла до 2,9 тыс. га (0,7% всей посевной площади), в годы войны она уменьшилась и составила в 1946 г. 1,1 га (0,3% посевной площади). Дальше динамика посевов выглядит так (в тыс. га) в скобках – % от всей посевной площади [19. С. 36, 41; 21. С. 63, 66; 22. С. 113; 26. С. 80, 83]:

1913 г.	0,5(0,2)	1965 г.	7,3(1,6)
1940 г.	2,9(0,7)	1970 г.	11,5(2,7)
1946 г.	1,1(0,3)	1975 г.	24,2(5,6)
1950 г.	2,7(0,7)	1980 г.	26,5(6,1)
1955 г.	2,4(0,6)	1985 г.	26,2(5,9)
1960 г.	0,6(0,1)		

Виноградарство и рисосеяние отличаются от остальных земледельческих культур. Их посадка, уход и уборка имеют также технологические особенности, которые непосредственным образом сказываются на культуре и быте производства, а через них и на бытовой культуре. Это дает основания считать их характерными (характеризующими) и дифференцированными (дифференцирующими) признаками равнинного ХКА.

В значительной степени многое из сказанного относится и к овощным культурам. И в традиционных ХКТ овощи более свойст-

венны равнинному ареалу. Наиболее употребительные и массовые в Дагестане лук и чеснок производились главным образом на равнине.

Для овощной культуры в современном сельском хозяйстве свойственны плантационный характер, масштабность посевов, большая степень механизированности, что также сделало эту отрасль земледелия преимущественно равнинной. Становление овощеводства как самостоятельной отрасли земледелия произошло только в послевоенные годы. До этого ее рост сдерживали ограниченный спрос, малая механизированность, невысокая доходность. В 1940 г. посадки овощных составляли всего 1,7% от всей площади посева. И в последующем, вплоть до 70-х годов рост был незначителен и временами даже не наблюдался: 1950 г. – 1,6%, 1960 г. – 1,6%. В 1950 г. посевной массив овощных достиг 6 тыс. га, причем из горных районов такие посевы зафиксированы только в Ахтынском районе (100 га). В 1955 г. площадь выросла до 7,5 тыс. га (горные районы – Ахтынский, Докузпаринский, Левашинский – по 100 га). В 1960 г. площадь уменьшилась – 7,2 тыс. га [18. С. 28, 31; 16. С. 39]. После 1965 г. кризис роста площадей овощных культур пошла вверх: 1965 г. – 8,2 тыс. га (8 горных районов – 1 тыс.); 1970 г. – 9,5 тыс. (7 горных районов – 1,1 тыс.); 1975 г. – 9,7 тыс. (10 горных районов – 0,6 тыс.); 1980 г. – 12 572 га, из них на равнине – 10 722 га (85%); 1985 г. – 12 699 га, на равнине – 11 105 га (87%). Отметим, что посевы овощных большинства горных районов размещены на прикутаных равнинных землях, а их основной массив в горах находится в трех горно-долинных районах – Акушинском, Ахтынском и особенно Левашинском, где сосредоточено 67% посевов овощных культур горных районов [22. С. 173; 26. С. 85].

Таким образом, масштабность и удельный вес овощеводческой отрасли на равнине, технологические особенности производства овощей, которые могут оказать влияние на производственную и бытовую культуру, позволяют нам добавить эту отрасль к виноградарству и рисосеянию как характерную и дифференцирующую для равнинного ареала.

Трудовые операции земледельческого цикла. В комплексе трудовых операций земледельческого цикла также можно найти выделяющие равнинный ХКА элементы.

Прежде всего следует отметить, что пахота на равнине уже давно стала полностью механизированной. В связи с тем, что она производится тяжелыми тракторными плугами, еще больше возросло значение боронования, особенно в плантационном земледелии, производстве огородных и технических культур. В прополке, занимавшей в прошлом большое и важное место в земледельческом цикле, изменения выразились в почти полном исчезновении ручного труда в связи с массовым применением гербицидов и т.п. С этим отчасти связано возрастание роли культивации. Появление тракторных культиваторов и

рыхлителей сделали ее важной операцией земледельческого цикла, выполняющей одновременно и роль ручной прополки.

Жатва стала одним из наиболее изменившихся элементов земледельческого цикла. В дореволюционном Дагестане она была самой тяжелой сельскохозяйственной работой (связывалась невозможность использования рабочей силы скота). В связи с этим крестьянин был вынужден нанимать горцев-отходников. Равнинное земледельческое хозяйство через жатки и лобогрейки перешло к современным комбайнам, вначале прицепным, а затем самоходным. Внедрение последних ликвидировало обмолот как важный самостоятельный элемент земледельческого цикла. Таким образом, равнинное земледельческое, особенно зерновое хозяйство механизировано полностью во всех операциях земледельческого цикла. Не случайно урожайность зерновых на равнине была (1985 г.) почти вдвое выше, чем в горах (22,4 и 13 ц). Если учесть, что более 60% пашни горной зоны находятся на равнине, то разница между урожайностью обеих зон окажется еще более существенной [26. С. 81, 91; 180. С. 60; 215. С. 128, 129; 153. С. 56]. Для примера приведем среднюю урожайность зерна в 1981–1985 гг. в Агульском, не имевшем равнинной пашни, и в Кизилюртовском районе (соответственно 6,8 и 28,4 ц с га, т.е. в 4,2 раза меньше) [26. С. 99].

Все изложенное о земледельческой отрасли хозяйства равнины и нижнего предгорья свидетельствует о своеобразии равнинного хозяйственного типа, о наличии в нем целого ряда существенных признаков, обладающих дифференцирующими свойствами. В числе первых дифференцирующих особенностей равнинного ареала следует считать ведущую роль земледелия по отношению к скотоводству, проявляющуюся и в экономическом, и в производственно-техническом отношении. Одно из проявлений равнинного ХКА – высоко развитое кормопроизводящее хозяйство, отчетливо отражающее сопряженность обеих главных отраслей сельского хозяйства. Эта взаимосвязь стала более односторонней, с большой зависимостью скотоводства от земледелия (нарушение триады: корма–рабочий скот–удобрения).

Равнинный ареал резко выделяется также по ландшафтно-структурным особенностям своих угодий, что в условиях необходимости применения современной техники имеет решающее значение. Особенность равнинного земледелия состоит в том, что ему принадлежит подавляющая доля в валовой продукции земледелия республики (87,2%). При наличии развитого животноводства, особенно в горной части, оно обеспечивает больший удельный вес земледельческой отрасли в сельском хозяйстве республики: за 20 лет (1965–1985 гг.) низший показатель – 56,8%, высший – 76%.

В системе земледелия равнины исчезает перелог и, напротив, увеличиваются масштабы орошения, используются новые виды удобрений.

Дифференцирующими компонентами равнинного земледелия стали также многолетние плодовые (сады) и виноградные насаждения, рисосеяние и овощеводство, для которых характерны отличия от горной зоны масштабность, большой удельный вес в хозяйстве и даже специфичность (для винограда и риса). В трудовых операциях земледельческого цикла характерные и особые черты связаны с большой степенью его механизированности, достигшей в отдельных отраслях земледелия (например, в производстве зерна) сто процентного показателя.

Скотоводство. Коренные изменения произошли и в равнинном скотоводстве. Многие из них были связаны с развитием земледелия. Происходившие перемены (переход к мясо-молочной специализации, механизация, появление минеральных удобрений), подорвавшие симбиозную триаду скотоводства и земледелия (корма–рабочий скот–удобрения), позволили перенести содержание скота ближе к пастбищам, выгонам, а затем к посевам кормовых культур, на животноводческие фермы. К сожалению, при этом плохо использовались традиционные животноводческие хутора, функционирование которых рассматривалось как пережиток старых частновладельческих хозяйств. При этом совершенно игнорировалось то, что эти хутора были образцом рационального содержания скота, так как они имели столетний (порой и тысячелетний) опыт разведения скота. Однако реально не учитывать народные традиции было невозможно. В тех местах, где в годы коллективизации и послевоенного развития насильственно разрушали хуторские строения и сгоняли население на центральную усадьбу, впоследствии стали строить животноводческие фермы и комплексы.

В условиях растущей зависимости места содержания от потребностей города, от механизированного земледелия с его мощным кормозаготавливающим хозяйством скотоводство равнины стало все более акцентироваться на стационарном содержании скота, с использованием присельских выгонов и пастбищ и заготовленных кормов.

КРС жители равнины не перегоняли в горы и в прошлом, в 80-х годах почти не отгоняют и МРС. Основная форма содержания скота стала выгонно-стойловой, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему росту молочно-мясного крупнорогатого скотоводства, высокопродуктивных “тяжелых” пород с крупным экстерьером. Кризисное состояние буйволоводства связано с тем, что рабочую силу буйволов заменила техника. Если при разведении коров и волов первые доминировали, то в буйволоводстве сложилась обратная ситуация, и в общественных хозяйствах буйволиц было очень мало. Одна из причин – худшие мясные качества буйвола. Кроме того, они давали меньше молока по сравнению с другими “тяжелыми” породами, вроде швицкой или симментальской.

Рост породного скота, хорошо потребляющего разнообразные заготовленные корма, стал важнейшей отраслью равнинного скотовод-

ства. Его прирост на равнине намного опережал горную зону. Значит, увеличение породного КРС присуще в основном равнинному ареалу.

Еще в 1955 г. поголовье породного КРС составляло 55,6 тыс. голов, это лишь 22,2% от общего поголовья КРС республики [21. С. 121]. Учитывая, что большая часть породного скота была на равнине, можно считать, что показатель поголовья породного скота на равнине, где было в 1955 г. 95 500 голов КРС, составлял примерно 45% (43 175 голов) [16. С. 60]. В горной же части массовое внедрение породного скота началось лишь в конце 60-х годов. До этого рост его поголовья происходил довольно медленно. За последующие пять лет он увеличился чуть больше, чем на 10% и составил 35,8% поголовья КРС (в общественных хозяйствах, ибо учет породного КРС велся только там). Учитывая нашу предыдущую поправку по данным 1955 г., можно считать, что для равнины этот показатель достигал 60%. В 1964 г. доля породного скота достигла 39,9%, а для коров – 52,7%. В 1969 г. показатель породности КРС достиг 66,9% (коров – 75,3%), в 1974 г. – 85, и в 1980 г. – 87% [21. С. 121; 23].

Тут следует остановиться еще на одном аспекте. Дело в том, что значительная часть породного КРС горных районов содержалась на равнинном стационаре, на кутанах. В 1951 г. 20,2% поголовья КРС горных хозяйств содержалось на равнине, с использованием равнинных пастбищ и заготовленных кормов.

Породный скот предпочитали содержать на равнине по причине его непригодности для отгонного содержания, а поскольку почти все посевы кормовых культур горных хозяйств были на равнине, породный скот, требующий продуманного обеспеченного кормления, целесообразно было содержать тут. В 1961 г. показатель содержащегося на равнине КРС горных хозяйств достиг 22,8%, в 1966 г. – 23, в 1977 г. – 44% (47% коров). Крупнейшие молочные комплексы Гунибского, Ботлихского, Дахадаевского, Лакского, Левашинского, Рутульского, Тляртинского, Хунзахского, Цумадинского, Чародинского и других горных районов находились на равнине (Кизлярская, Дербентская, Бабаюртовская зоны отгонных пастбищ) [21. С. 121; 22. С. 193; 26. С. 107; 57. С. 41, 154–173].

Рост породности МРС происходил быстрее, и он в большей степени был характерен для горной части. В 1927 г. породных тонкорунных и полутонкорунных овец было всего 6,4% от общественного поголовья МРС, а в 1939 г. – 40%. В 1955 г. доля породного поголовья МРС достигла 73,9%, в 1960 г. – 74,9, в 1964 г. – 79,5, в 1969 г. – 87,1, 1974 г. – 88 и в 1980 г. – 89% [217. С. 81; 23].

Овцеводство равнины также ориентируется на “тяжелые” породы МРС, характеризующиеся крупным экстерьером и высокой продуктивностью и также как и КРС малоприспособленные к отгонному содержанию.

Однако более характерно для равнины содержание породного КРС молочно-мясного профиля. В этой отрасли животноводства

равнинное хозяйство приближалось к общероссийскому уровню. Например, надой молока одной коровы на равнине был в 2–3 раза выше, чем в горах. Например, в 70–80-х годах в горах надаивают 500–800 кг на одну корову, а на равнине – 2–3 тыс. Так, в совхозе “Султанянгиюртовский” в 1976 г. надоили 2848 кг на одну корову, а в совхозе “Стальский” Агульского района в 1981 г. – 797 кг (данные по с. Рича) [57. С. 23, 25; 53. Тетр. 1. С. 31].

В 1985 г. этот показатель в равнинном Кизилюртовском районе составлял 2723 кг (в 1983 г. – 2919 кг), а в Агульском – 783 (в 1983 г. – 763), в Цунтинском – 818 (в 1983 г. – 761), в Цумадинском – 909 кг (в 1983 г. – 809 кг). Для сравнения, в 1977 г. молочная продуктивность коров, содержащихся в горах, в Цумадинском районе составляла всего 607 кг, а в колхозе “45 лет ДАССР” этого же района удой на одну корову составлял 542 кг [26. С. 125, 126; 57. С. 41, 42].

Важным фактором такой продуктивности является на равнине высокая степень механизированности трудоемких операций по содержанию скота. Примерами такой степени механизации могут служить: крупные молочные комплексы в колхозах им. Ленина (с. Эндирей) и им. Горького (с. Байрамаул) Хасавюртовского района, совхозы “Султанянгиюртовский” и “Шамхальский” Кизилюртовского, “Обороны страны” Дербентского района и др.

Однако рост механизации в животноводстве в целом значительно отстает от роста технической оснащенности земледелия. Выше мы останавливались на основных причинах, обусловивших это обстоятельство и заключавшихся в том, что здесь техника имеет дело с многофакторным, с разнообразными и множественными манипуляциями трудом, к тому же имеющим живой объект.

Между тем в соседних регионах и в масштабах страны, особенно на специализированных фермах и комплексах вопрос механизации животноводческого труда был решен радикальнее (табл. 8) [215. С. 145, 146; 29. С. 77; 30. С. 96].

Эти данные подтверждают возможность преодоления трудностей, связанных с особенностями объекта механизации, и дело за умелым и организованным внедрением уже имеющихся достижений НТР в содержание скота. К сожалению, для воссоздания точной картины состояния механизации в животноводстве на равнине у нас мало статистических материалов. Но подспорьем может служить полевой материал, который показывает значительный рост механизированного труда в отрасли. Имея в виду этот материал, можно смело удвоить цифры механизированности животноводческого труда по ДАССР для равнины, что существенно приблизит их к общероссийским и общесоюзным показателям. В связи с этим можно привести такие цифры: построенные в республике в конце 70-х – начале 80-х годов все 7 механизированных комплексов по доразиванию и откорму молодняка КРС располагаются в равнинной зоне. Все 19 современных овцеводческих комп-

Таблица 8

Уровень механизации в животноводстве в динамике,
в % к объему работ

Вид работ	1970 г.					
	ДАССР		Краснодарский край	Северный Кавказ	РСФСР	СССР
	кол-хозы	сов-хозы				
Доение коров	3	1	30,8	27	59	56
Подача воды	7	10,8	77	57,5	68	68
Раздача кормов	1,6	2,3	9,0	8,3	11	12
Очистка помещений	5	4,7	14,7	16,4	26	30
Комплексная механизация	10	0,7	—	—	9	9

лексов также были на равнине, причем 9 из них принадлежали горным районам. И наконец, из 38 молочных механизированных комплексов республики на горную часть приходилось только 4 (в Хунзахском и Рутульском районах), остальные – на равнинных землях. Из них 20 комплексов принадлежали хозяйствам горных районов (Гунибский, Ботлихский, Лакский, Левашинский, Тляринский, Цумадинский, Чародинский, Гумбетовский, Советский, Цунтинский, Акушинский, Дахадаевский, Хунзахский) [57. С. 156–161, 166–173]. Отсюда ясно, что почти весь потенциал для механизированного содержания скота всей республики был сосредоточен на равнине. Следовательно, равнинный ареал характеризуется значительным преобладанием механизированного животноводства (в основном это касается молочного КРС), которое с немалыми основаниями можно считать дифференцирующей особенностью (признаком) равнинного ареала.

Заготовка сена. В связи с вопросом о скотоводстве есть смысл рассмотреть с точки зрения наличия дифференцирующих свойств и заготовку сена. В традиционном ХКТ это был один из своеобразных компонентов равнинного хозяйственного типа.

Главная особенность сенозаготовки на равнине – почти полное исчезновение ручного труда, выбывание кос как орудия сенозаготовки. В начале их вытеснили упряжные сенокосилки, а затем и тракторные. В 1970-е годы в заготовке сена стали применять стогометатели, стогоукладчики и другие механизмы, облегчившие трудоемкий (в связи с возросшими масштабами) процесс закладки сена на хранение. К 1965 г. сенокосение в республике было механизировано на 63% (к

1980 г.				1985 г.			
ДАССР		РСФСР	СССР	ДАССР		РСФСР	СССР
кол-хозы	сов-хозы			кол-хозы	сов-хозы		
33	36	94	90	38	41,9	96	94
24	27	91	89	26	28	93	92
22	23	43	45	25	24	57	58
26	32	74	75	29	33	85	84
20	21	41	42	23	23	55	56

объему работы). Нет особой нужды доказывать, что проценты эти почти полностью относились к равнинному хозяйству. Но стогование, конечно, еще значительно отставало от кошения – 13,3% к общему объему работ по стогованию. В последующие годы картина выглядит следующим образом (табл. 9) [22. С. 107; 26, с. 54, 55].

Снижение показателей совхозов объясняется тем, что много животноводческих хозяйств горной, и особенно высокогорной зон были преобразованы в совхозы. Но даже с учетом этого обстоятельства следует признать масштабы механизации недостаточными. В стране то же стогование сена по механизированности выглядит в совершенно ином свете: 1970 г. – 69% (к объему работ), 1980 г. – 77, 1985 г. – 83, 1986 г. – 85% [30. С. 95].

Однако во многих равнинных хозяйствах, особенно располагающих крупными животноводческими фермами и комплексами, положение обстоит по-другому. Так, были полностью механизированы уборка и закладка сена и других кормовых культур более чем на 4 тыс. га, прикрепленных к крупному молочному комплексу в колхозе им. Ленина Хасавюртовского района.

Характерная особенность равнинного ареала – рост площадей сеяных многолетних трав, особенно люцерны. За 10 лет (1966–1975 гг.) ее посевы увеличились с 25 тыс. га до 75 тыс. [57. С. 119, 120]. Поскольку она культивировалась на орошаемых площадях (вспомним соотношение орошаемых угодий: 0,005 га на душу населения в горной зоне и 0,606 – в равнинной), естественно, что основным производителем люцернового сена и для горных районов стала равнина. Здесь было сосредоточено 31,5 тыс. га сенокосов (большая часть из них орошаемые) горных колхозов (в дополнение

Таблица 9

Динамика механизации сенокосения и стогования, в %

Вид работ	1970 г.		1975 г.		1980 г.	
	кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы
Сенокосение	60,8	82,4	60	81	74	79
Стогование	36,5	58,8	20	53	30,7	34,4

Вид работ	1983 г.		1984 г.		1985 г.	
	кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы	кол-хозы	сов-хозы
Сенокосение	—	—	—	—	—	—
Стогование	59	34	66	11	38	22

к 60,6 тыс. га пашни и 463 тыс. га пастбищ, также отведенных на равнине хозяйствам горной зоны) [153. С. 56].

Таким образом, казалось бы при отсутствии существенных различий в заготовке сена на равнине, представляется все-таки возможным считать ее дифференцирующим компонентом. Наиболее веское основание для этого – наличие объективных условий для более интенсивной механизации, особенно в отношении подвоза и укладки сена (“эффект применимости”).

Прикутанное хозяйство, переселенцы. Заготовка сена на равнине горными хозяйствами экономически сопряжена с организацией прикутаных хозяйств горных районов.

Мы указывали выше, что кутаны служили сферой объединения производительных сил двух зон – рабочей силы горной зоны и средств производства равнины, в первую очередь земли. Поскольку противоречие между наличием и соотношением вещественных средств производства и рабочей силы было соответственно связано с природно-хозяйственными зонами (равнина – средства производства, горы – рабочая сила), в Дагестане существовала и тенденция на его разрешение, главным образом путем привлечения рабочей силы из горной части на равнинные земли. Попыткой урегулировать это противоречие без коренной ломки хозяйства и быта стали меры советской власти по закреплению за горными хозяйствами сельскохозяйственных угодий, особенно пахотных, дефицит которых был особенно ощутим в горах. Естественно, что во многих случаях, поскольку

ку условия жизни и быта населения того или иного хозяйства (аула) были тяжелыми, связанными со многими хозяйственными и бытовыми недостатками, неудобствами, а на кутанах, напротив, благоприятными (хотя они стали такими с 1950-х годов), то происходил стихийный постепенный отток населения из горных аулов и (процесс) оседание на прикутаных землях. Резервом для этого переселения стали временно проживающие на равнине крестьяне, которые обслуживали прикутанное хозяйство горных районов. По переписи 1979 г. в равнинных районах из 375,5 тыс. населения 40,7 тыс. (10,8%, в 1970 г. – 7,7%) было временным. Это преимущественно население прикутаных хозяйств. В этом нет никаких сомнений, достаточно сравнить долю временного населения в отдельных районах равнины в 1980 г.: Бабаюртовский район – 33,8%, Кизлярский – 6,5, Ногайский – 11,7, Тарумовский – 13,3, Хасавюртовский – 5,3, Кизилюртовский – 20,5, Дербентский – 10,1, Каякентский – 10,0, Ленинский – 8,4, Магарамкентский – 1,9%. Выделяется Бабаюртовский район, где было расположено наибольшее количество кутанов горных районов. Он имел наивысший показатель по удельному весу этой категории населения (и по фактической численности – 25 тыс. человек); отметим еще, что из 82 селений Бабаюртовского района 50 отнеслись к хозяйствам горных районов, за ним следовали районы Кизилюртовский и Хасавюртовский. В то же время, например, Магарамкентский район, не располагающий резервом сельскохозяйственных угодий для отведения земель под кутаны горных районов, занимал последнее место и по фактической численности и по удельному весу временного населения (1,9% или 0,6 тыс. человек) (Данные ЦСУ ДАССР, 1980 г.) [20. Ч. 1. С. 8, 9].

Но большая часть горцев переселилась на равнину в результате организованного целенаправленного переселения, начавшегося еще в 1920-е годы с земельно-водной реформы и ставшего одним из радикальных грандиозных мероприятий советской власти. Его цель заключалась в улучшении экономического и культурного положения горцев и развитии производительных сил республики. Считалось, что эта цель могла быть достигнута путем интенсификации экономики равнины, поскольку этот район имел богатые, сравнительно легко поддающиеся освоению природные ресурсы при недостатке рабочей силы (демографической разреженности).

Правда, в довоенный период организовать массовое переселение, как это было задумано, например, земельно-водной реформой (39 тыс. семей) не удалось. Главным препятствием для этого послужили экономические причины, ибо организованное переселение, учитывающее весь круг вопросов расселения, экономики, быта, культуры переселяемых, требует вложения значительных средств, которыми в то время советская власть не располагала. Так, до 1924 г. переселилось примерно 700 хозяйств, в 1924–1928 гг. 2080 хозяйств (10 тыс. человек). Наивысший подъем организованного пере-

селения падает на 1956–1966 гг., когда переселили с гор (где было сосредоточено 64,3% населения республики) 22 тыс. семей (90 тыс. человек), и на 1970 г. – 31 609 семей (150 тыс. человек). Одних сельскохозяйственных угодий им было выделено 120 тыс. га. В последующие годы количество переселенных хозяйств горцев достигло 40 тыс. (200 тыс. человек). Они образовали 75 населенных пунктов, 105 колхозов и совхозов. О масштабах переселения можно судить по тому, насколько изменилась этническая ситуация в северных районах республики, куда была направлена основная масса переселенцев. В Кизлярском районе к 1975 г. из 41,4 тыс. человек русские составляют уже только 20,5 тыс. (49%), аварцы – 8,2 тыс. (20%), даргинцы – 3,9 (9%), ногайцы – 3 тыс. человек (7%). Аварцы, которые являются новыми жителями равнины, составили большинство в Кизилюртовском районе, значительную часть в Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизлярском районах. На равнине возникло 100 населенных пунктов, в которых и сейчас преобладают аварцы.

Даргинцы также преобладают в 30 населенных пунктах северной равнины, составляя от 2,5 до 7% населения, а в Ногайском районе стали даже второй по численности народностью [128. С. 63; 193. С. 19, 35; 83. С. 66, 97; 159. С. 78, 79; 158. С. 177; 196. С. 164].

Таким образом, прикутанное хозяйство горных районов на равнине с их своеобразным положением населения продолжает оставаться составной частью экономики (производительных сил) горных хозяйств. Оно является особенностью равнинного хозяйственного типа, его дифференцирующим признаком. Спецификой равнины следует считать и комплекс переселенческой структуры, в меньшей степени хозяйственный тип, в большей – культурные компоненты, которые стали результатом синтеза культуры местного и переселившегося населения. В последующем темпы переселения снизились, что связано с уменьшением на равнине пригодных для заселения земель и увеличением плотности населения на равнине. Так, плотность населения в Кизилюртовском районе выросла уже до 27 человек на 1 кв. км, Каякентском – до 36, а в Хасавюртовском – до 59 человек, превысив показатель самого заселенного горного Акушинского района – 56,5 человек [22. С. 23, 24; 158. С. 27, 28]. Это несколько снижает значимость синтезированных форм культуры, но сам факт их наличия не подлежит сомнению.

Изложенные материалы по отдельным аспектам современного скотоводства на равнине показывают, что и в этой отрасли равнинный хозяйственный тип характеризуется признаками, которые можно признать дифференцирующими, выделяющими его среди других хозяйственных типов. Из этих особенностей прежде всего следует отметить изменение профиля равнинного животноводческого хозяйства, исчезновение рабочего скота и выдвигание на первый план молочного и мясного скотоводства, резко отличающегося и составом стада (преобладание молочного КРС), и формой содержания

скота (господство выгонно-стойловой формы), и преобладанием породного скота.

Большая часть породного скота горной зоны тоже содержалась на равнине, что значительно увеличивало различия в скотоводстве обеих зон. Подобная тенденция к стационаризации скотоводства стала одной из наиболее характерных черт равнинного хозяйственного типа.

Существенной особенностью равнинного скотоводства стала большая степень механизированности, усиливавшаяся тем, что горные хозяйства сосредоточивали свои действия по механизации скотоводства на равнине, что тоже углубляло различия между скотоводством равнины и гор, увеличивало своеобразие каждого из них (этот аспект был взаимосвязан с породностью скота). Большое своеобразие равнинному хозяйству придавала и заготовка сена, поскольку в уборке здесь был почти устранен ручной труд, а в подвозе и укладке механизация была намного масштабней, чем в горной зоне.

И наконец, прикутанное хозяйство с равнинными вещественными средствами производства и рабочей силой, привлекаемой из горной части, придавало хозяйственному типу равнины четко выраженный местный колорит.

Половое разделение труда, отходничество, промыслы. Остановимся теперь на половом разделении труда, хотя бы для того, чтобы убедиться, имеет ли оно такое значение в дифференциации хозяйственных типов, какое имело раньше, в традиционных ХКТ. В разделении труда в хозяйстве, в полевых работах традиционно на равнине преобладал мужской труд, женщина была занята больше дома. На равнине не было постулируемого обычно для Дагестана перекося в половом разделении труда, с преобладанием женского. В литературе справедливо указывалось, что для равнины это явление было свойственно в гораздо меньшей степени [100. С. 94, 95]. Один пример: в горах считалось позором, если мужчина брал в руки мотыгу, тяпку, а на равнине рыхлением с помощью этих инструментов занимались только мужчины.

Механизация труда на равнине внесла коренные изменения не только тем, что исчез ручной труд, но и в структуру полового разделения труда. Почти все операции зернового земледелия, отчасти даже полив, были механизированы, а подготовка кадров механизаторов, связанная с освоением техники, отрывом от дома для обучения, необходимостью длительного отлучения из дома во время работ и т.п., предопределили преобладание (даже господство) мужчин в механизированном труде. Произошло смещение в традиционных половозрастных функциональных привязанностях и предопределенностях. Серьезной причиной такого смещения послужила Великая Отечественная война, когда женщины заняли места ушедших на фронт мужчин и освоили большинство мужских профессий. Приве-

дем любопытный пример: женщина никогда не брала в руки косу, во время войны она вынуждена была это сделать, но после войны мужчина, обычно занимавший ключевые позиции в хозяйстве, не освободил ее от косы. Поэтому косьба стала в советское время отчасти и женским трудом (правда, это касается больше предгорья и горной зоны). Женским делом стало рыхление почвы там, где не успевают или не могут это сделать с помощью механических рыхлителей, культиваторов. Поскольку уборка урожая в садах осуществляется теперь с помощью лестниц, подставок, то и этим стали заниматься в основном женщины (монотонный кропотливый труд, каким является сбор плодов, лучше спорится у женщин). То же относится и к сбору овощей, одной из самых трудоемких операций в сельскохозяйственном производстве, в которой пока механизация не делает больших (во всяком случае масштабных) успехов. В целом сложилось такое положение, что механизированными оказались преимущественно мужские работы и механизаторы в массе своей тоже оказались мужчинами. Отсюда определенное перемещение части женского труда на равнине в сферу традиционного мужского труда, в котором механизация еще недостаточна. Можно считать, по-видимому, дифференцирующей особенностью равнинного хозяйственного типа рост механизированного мужского труда и ручного женского, причем частично за счет перемещения мужских трудовых операций в сферу женского.

Немалую роль в этом процессе сыграло и современное отходничество. Традиционный равнинный хозяйственный тип не знал отходничества как такового (докапиталистического) в силу полноты занятости крестьян собственным хозяйством. Колхозно-совхозная равнина уже характеризуется довольно развитыми его формами, от одиночной стихийной до высокоорганизованных подрядных бригад.

Если в горной части отход был порожден избытком рабочей силы при недостатке вещественных средств производства (земли), то равнинный отход – именно современная форма перемещения и приложения рабочей силы. Эта форма была вызвана механизацией основных полевых работ (пахота, сев, уборка и др.), исполняемых мужчинами (женщины до последнего времени почти не занимались отходом, лишь с 80-х годов они стали организовывать подрядные бригады под руководством одного опытного мужчины). Так, из с. Губден ушли в 1986 г. на заработки в дальние края 300 человек, и все – молодые мужчины.

Надо сказать, что не всегда отход бывает экономически обоснован, он имеет скорее корни престижного, психологического характера. Например, немало руководителей хозяйств готовы платить отходникам своего села столько же, сколько и там, куда они уезжают на заработки, если они будут работать так же быстро и качественно, как и там. Но соображения престижа заставляют их “стесняться” мнимого унижения при найме на работу в родном ауле, где можно работать столь же интенсивно.

Таким образом, отходничество на равнине в определенной мере способствовало переходу части функций мужчин в сельском хозяйстве женщинам. Характерную именно для равнины этиологию механизации и следует, по-видимому, считать еще одним дифференцирующим признаком равнинного хозяйственного типа.

Относительно домашних промыслов можно сказать, что равнина, и в прошлом характеризовавшаяся слабым их развитием, а затем еще более стала “беспромысловой”. Лишь ковровый промысел в предгорье, имевший экономический смысл (наличие спроса), сохранился на полупромышленной основе. В целом промыслы и отходничество, имевшие в прошлом сходные экономические корни, приобрели новые основы и предпосылки. Широкая промышленная база, дешевизна фабрично-заводской продукции, вымывание многих традиционных предметов материальной культуры, орудий труда, оружия, переставших быть обязательными компонентами бытовой и хозяйственной культуры, подорвали домашние промыслы. Но избыток рабочей силы в горах сохранился. Более того, в эпоху механизации он появился и на равнине, так как капитальное промышленное строительство в республике отставало от роста населения. В результате отходничество продолжает (в отличие от промыслов) занимать видное место в экономике. Оно дает возможность молодому человеку, в два-три сезона решить проблемы обзаведения семьей, домом, автомобилем, дорогими предметами быта (современная мебель, телевизор, магнитофон и т.п.).

Транспорт (грузовые перевозки). Завершая обзор хозяйственного типа целесообразно остановиться на транспорте, органически связанном (включенном) с хозяйством в целом как по функциям, так и структурой. Процесс преобразования равнинного транспорта настолько очевиден, что не требует особых доказательств. Он почти полностью переведен на промышленную основу как во внутрихозяйственных, так и межхозяйственных перевозках. Главными средствами хозяйственных перевозок стали автомобиль и трактор. О росте тракторного парка мы уже говорили в связи с ростом механизации. Число грузовых автомобилей, ставших основным транспортным средством в республике, и особенно на равнине, с 1960 по 1985 г. увеличилось по стоимости в структуре производственных основных фондов сельскохозяйственного назначения в 10 раз. Если в 1960 г. их стоимость составляла 4,6 млн руб., то в 1985 г. – 46,1 млн руб. Интересно проследить динамику изменения удельного веса в производственных фондах грузовых автомобилей, рабочего скота и продуктивного скота (табл. 10) [22. С. 92; 26. С.50].

Таблица иллюстрирует интересные закономерности динамики изменений, происходящих в транспортных средствах. В 1960 г. стоимость рабочего скота почти в 2 раза больше стоимости грузовиков, а стоимость продуктивного скота в 5 раз превышает стоимость ра-

Таблица 10

Изменение удельного веса рабочего (и продуктивного) скота и автомобилей, в млн руб.

Годы	Производственные фонды		
	Автомобили	Рабочий скот	Продуктивный скот
1960	4,6	8,3	43,6
1965	7,7	5,8	45
1970	11,5	4,6	56,2
1975	17,3	4,7	83,6
1980	30,1	4,4	105,8
1985	46,1	5,9	136,1

бочего. В дальнейшем растет удельный вес автомобилей и продуктивного скота. Уже в 1965 г. стоимость грузовых автомобилей превысила стоимость рабочего скота (7,7 млн и 5,8 млн руб.), а в 1985 г. она была больше уже в 7,8 раза. С другой стороны, в том же 1985 г. стоимость продуктивного скота превысила стоимость рабочего в 23 раза.

Например, в колхозе им. Ленина Ленинского района к 70-м годам практически не осталось ни одного вола (еще в послевоенные годы их было свыше 200), а в высокогорном совхозе "Гельхенский" Курахского района в 1971 г. было 85 волов. В то время в совхозе числилось 4 автомобиля, а в 1987 г. – уже 23 (данные по с. Гельхен) [54. Дн. 1. С. 29].

Однако надо учесть, что использование автомобилей в высокогорье и на равнине имело совершенно различный характер. В горах были хозяйства, в которых роль автомобиля сводилась к подвозу зерна и кормов с равнины (к центральной усадьбе) и вывозу оттуда же скота и продуктов животноводства на равнину, в город, а также к поездкам на кутаны равнины и обратно. А равнинные хозяйства использовали автомобили для масштабных внутрихозяйственных перевозок, как, например, хозяйства Магарамкентского района, в котором парк автомобилей вырос в 1960–1985 гг. в 7,1 раза (от 81 автомашины до 582) [54. Дн. 2. С. 10, 11]. Тут надо учесть еще одно обстоятельство. В категорию рабочего скота входят и верховые лошади, которые незаменимы в высокогорье, где без них трудно вести хозяйство, особенно выпасать скот на альпийских пастбищах, поскольку "передвижение человека по пересеченному рельефу на большой высоте при сильно разреженном воздухе почти невозможно без лошади" [178. С. 479]. В качестве грузового транспорта скот стал использоваться очень мало. Так, в с. Чирах Агульского района было в 1986 г. всего 2 вола, лошадей же с молодняком – 65; в совхо-

зе "Стальский" (с. Рича) – тоже 2 вола и 47 лошадей. В Курахском районе в 1987 г. было 346 лошадей [53. Дн. 1. С. 25, 34; 54. Дн. 1. С. 38].

Замена же скота автомобильным транспортом и тракторами означала качественную перестройку транспорта, что служит отличительной дифференцирующей чертой равнинного хозяйственного типа. Правда, это не говорит о том, что проблема обеспеченности механической тягой была решена, напротив, наблюдался ощутимый недостаток грузовых автомобилей и тракторов в сельском хозяйстве республики. Например, вряд ли можно считать достаточным для всего Магарамкентского района, имеющего 14 совхозов, указанное выше количество в 582 автомобиля, притом, что грузовых, находящихся непосредственно в хозяйствах было только 241 [54. Дн. 2. С. 10, 11], т.е. в среднем 17 на один совхоз.

В 1977 г. в сельском хозяйстве республики было 10 800 грузовых автомобилей, что, учитывая ландшафт республики, необходимость массовых перевозок в горы, внутрихозяйственные нужды 240 колхозов, 284 совхозов и 8 межхозяйственных сельхозпредприятий, нельзя считать достаточным (в среднем 20,3 автомобиля на одно хозяйство, но нужно помнить, что примерно только половина из них находится в самих хозяйствах). В РСФСР на 24,5 тыс. колхозов и совхозов приходилось 926 тыс. грузовых автомобилей, это в среднем 39,2 автомобиля на хозяйство, почти вдвое больше, чем по Дагестану. По СССР на 49,2 тыс. хозяйств приходилось 1 млн 851 тыс. грузовиков – 37,6 на хозяйство [22. С. 11; 26. С. 46; 29. С. 152, 154; 30. С. 207, 208], почти на столько же больше. Правда, хозяйства в целом по РСФСР и СССР крупнее, но в Дагестане труднее условия перевозок.

В качестве дополнительного критерия дифференциация равнинного хозяйственного типа в грузовых перевозках можно указать и на такую антитезу: наличие ручных перевозок в горной части, пока что еще существующих, и абсолютное отсутствие их на равнине.

Описанием транспорта завершается изучение хозяйственного типа равнинного ХКА пашенных земледельцев, механизаторов, ирригаторов, стационарных животноводов (молочно-мясного профиля).

Равнинный хозяйственный тип характеризовался ведущей ролью земледельческой отрасли, ее высокой технической оснащенностью, развитостью таких современных земледельческих культур, как зерновые, кормовые, овощные, садовые, виноградарческие; скотоводство его отличало стационарный характер (выгонно-стойловый тип), сравнительно развитая механизированность, молочно-мясная специализация, породный скот высокой продуктивности, механизированные сенозаготовка и транспорт, обеспечивающий и межсельские, и внутрихозяйственные перевозки. Почти все хозяйственные параметры ареала, казалось бы, вышли на тот уровень развития хозяйственного типа, который назван как "современный аграрно-промышленный комплекс"

[147. С. 150]. Полагаю, что только недостаточно высокий уровень комплексной механизации животноводства и сенозаготовки не позволяет пока говорить об этом уровне.

КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

В индустриальную эпоху выявление, идентификация и интерпретация дифференцирующих культурных компонентов стало более затруднительным, так как происходит уменьшение их дифференцирующей роли, что связано с индустриализацией хозяйства и быта, а также с нарастающими темпами урбанизации.

Вместе с тем заметно увеличилась роль социальных факторов, что выразилось в целенаправленной индустрии производства для удовлетворения социально-бытовых и культурных потребностей, подогнанных к городскому и европейскому уровню.

К сходным результатам приводило и связанное с индустриализацией повышение предметно-функциональной приспособленности культурных феноменов.

Далее, важную роль в унификации культурных феноменов сыграло увеличение разнообразных функций и свойств культуры, их взаимодействие в рамках единого государства и одной экономической системы, общность политических целей, функционирование русской городской культуры как генерирующего и передаточного центра культуры, общего для всех этносов страны. Отметим, что речь идет о взаимосвязанных феноменах, которые позволяют охарактеризовать и определить сущность ХКТ.

Одновременно необходимо помнить, что уровень бытования и правомерность включения того или иного предмета к этим компонентам во многом зависят от степени его интеграции в ХКА, а также возможностями его применения в разных ландшафтах, климатических и других местных условиях.

Система питания, напитки, хлебопекарные устройства, мельницы. Остановимся на отдельных культурных компонентах. Как и в традиционных ХКТ, целесообразно начать с элементов более близких к хозяйству, соотносящихся с ним. Одним из таких элементов культуры является пища (система питания). Конечно, общая закономерность взаимовлияния, унификации, усвоения новых веяний является и здесь господствующей тенденцией. В этом смысле С.Ш. Гаджиева права, что “постепенно стираются различия в питании населения нагорного Дагестана и жителей равнины и предгорья, обусловленные в прошлом не только специфическими природными условиями и формами хозяйства, но и малоземельем, бездорожьем, а следовательно, и оторванностью от внешнего мира” [187. С. 148]. Известно, что пища определяется экологической средой и хозяйством, культурной и этнической традицией, причем “взаимосвязи человека

и среды в конечном итоге оказываются сильнее культурной традиции”.

В то же время, являясь одним “из самых консервативных элементов культуры”, пища одновременно “легко воспринимает новые продукты, применяясь к меняющимся условиям существования” [218. С. 180, 242, 248].

Модель питания характеризуется по главному продукту, обеспечивающему основную калорийность пищи. На Кавказе таким продуктом является крахмал. В связи с этим встает вопрос о форме его потребления, а также о характере соотношения с белком. В одном отношении питание населения гор и равнины стало идентичным: если раньше на равнине сеяли пшеницу, а в горах – ячмень, рожь и бобы, то в современном быту преобладающим полуфабрикатом для всех зон сделалась пшеничная мука. Основным белковым источником является мясо. Таким образом, структура питания для всех зон имеет одну основу.

Однако уже на стадии полуфабрикатов можно выявить некоторые различия. Например, жители равнины предпочитали муку высшего качества, в то время как в большей части нагорья преобладала мука средних и низших сортов. В результате различается по качеству и конечная продукция. На равнине преобладает кислый (дрожжевой) хлеб, собственного изготовления или покупной, в горной зоне больше употребляют хлеб пресный (соответственно применяются и разные типы хлебопекарных устройств – подовый на равнине и плиточный в горах). Потребление хинкала также было специфичным. На равнине преобладает хинкал пластинчатый (лапшевидный), который почти обязательно закусывают хлебом. В горах же более распространен хинкал типа галушек, который служит заменителем и хлеба.

В потреблении белковой пищи также есть особенность. Равнина, как и в прошлом, отстает от горной зоны относительно заготовки мяса впрок (вяления). Объясняется это более регулярным наличием в продаже свежего мяса, а также худшим качеством вяленого на равнине мяса (традиционно в отдельных местах равнины занимались копчением мяса). Вообще можно сказать, что и соотношение крахмалосодержащей и белковой пищи отражало структуру отраслей хозяйства, что выражалось, например, в том, что растительные земледельческие продукты занимают гораздо большее место на равнине, чем в горах, где главную роль в питании играют молочные и мясные продукты. Пресный хлеб и молочные продукты составляли основу летнего питания во многих местах нагорья (зимой добавляется и вяленое мясо). На равнине была и другая особенность – большая распространенность овощей, обилие овощных блюд, овощных и фруктовых заготовок на зиму. Как уже отмечалось, овощные и многолетние насаждения являются особенностью равнинного хозяйственного типа, и это отразилось и на модели питания.

На способ и характер питания равнины влияли и русские традиции. Благодаря этому население равнины стало потреблять такие блюда, как салат, винегрет, борщ, супы с макаронами и вермишелью, котлеты, картофельное пюре, отварные макароны, каши из покупных круп, гуляш, уха, жареный картофель, кисели, компоты, торты и др. Можно еще отметить, что на равнине большее распространение получила система приготовления первого, второго блюда и даже десерта.

Из сказанного следует, что дифференцирующие свойства системы питания равнинного ареала заключались в следующем: во-первых, преобладала растительная пища, включая овощи и фрукты; во-вторых, были различия в способах потребления крахмала (кислый или пресный хлеб, хлеб и хинкал, формы хинкала); в-третьих, в массовом распространении современных и заимствованных блюд. Замечательно, что все характеризующие свойства системы питания довольно четко накладываются на особенности равнинного хозяйственного типа.

Радикальные изменения произошли в культуре потребления напитков. Они дали отрицательные последствия. На равнине можно констатировать почти полное прекращение производства традиционных зерновых безалкогольных и слабоалкогольных напитков. Как и по всей республике, здесь произошло повсеместное внедрение водки и крепких вин из государственной и кооперативной торговли. Особенностью можно считать разве только отсутствие самогонварения, и преобладание потребления вина, также связанное с особенностью хозяйственного типа равнины – сильно развитым виноградарством и соответственно виноделием.

Относительно хлебопекарных устройств следует сказать, что наблюдается процесс их унификации и перехода к более совершенным формам, с исчезновением архаичных и примитивных устройств. Другой важный фактор – значительное сокращение домашнего печения хлеба, перерывы в работе хлебопекарных устройств. Характерным для равнины можно считать расширение территории распространения наиболее совершенной хлебопекарной подовой печи типа “корюк”. Заметно также ее использование в хозяйствах предгорья, важное место она заняла и в горной зоне. Возможно, распространенность этого устройства на равнине, да еще большая доля покупного хлеба – наиболее характерные черты равнинного ареала.

Другой, значительно изменившийся компонент – это мельницы. Наличие доступной, имеющейся в постоянной продаже муки не могло не сказаться на функционировании мельниц. До 1970-х годов мельницы на равнине еще сохранялись, поскольку здесь были значительные домашние запасы зерна, полученного за трудодни. Однако перевод многих колхозов в совхозы, а в самих колхозах внедрение денежной оплаты труда (кстати, весьма колхозникам не понравившееся) привело к их исчезновению. В богатейшем зерном с. Губден, в котором бы-

ло 57 мельниц, в том числе с вертикальным колесом – турбиной, осталась только одна, которая в силу своей уникальности попала даже на экран центрального телевидения. Таким образом, можно считать характерной особенностью равнинного ХКА почти полное отсутствие мельниц, обусловленное доступностью покупной муки и хлеба, а также отсутствием зерна в продуктовых (сырьевых) запасах.

Поселение. Поселение и жилище имели ряд местных особенностей в традиционных ХКА Дагестана.

В индустриальную эпоху многие местные черты были унифицированы. Тем не менее отдельные особенности можно проследить и в этой области.

В типе расселения и типе поселения, являющемся отражением социально-экономического развития, особенностей не может быть, так как во всех ХКА селения в этом отношении однородны. Они представляли собой материальное отражение советской общественной системы. Зато в типе заселения (расположение на местности, соотношенное с физико-географическими условиями) и типе планировки (форма поселения, архитектурная структура) достаточно дифференцирующих свойств. Тип заселения на равнине противоположен горному, и характеризовался заселением в одной плоскости, без признаков вертикальности. По форме населенные пункты имеют компактную квартально-уличную застройку, при которой каждый дом является и небольшой усадьбой, представляя “собой самостоятельную ячейку, расположенную недалеко от соседней” [187. С. 75; См. также: 193. С. 51, 56]. Компактно-усадебная планировка дагестанских равнинных поселений усвоена и переселенцами, и до сих пор господствует на равнине. Такая планировка представляет собой как бы синтез обычного усадебного стиля, характерного для обширных равнин и предгорий Северного Кавказа и Закавказья, и горско-дагестанской кучевой планировки. Все это стало результатом удачных поисков рациональной поселенческой структуры дагестанской равнины. К числу особенностей равнинного поселения следует отнести и высокий уровень коммунальной благоустроенности, культуры быта и обеспеченности. Несомненно, что в этом отношении большую роль играла близость городов (пример и воздействие) и переселенческое строительство сел, которое производится с учетом современных требований жилищно-коммунального и культурно-бытового обустройства. Не последнюю роль в подобном благоустройстве играли и местные объективные факторы – хорошие дороги и наличие регулярной связи с городом, райцентром и между собой; близость источников газоснабжения; базы строительных материалов; высокий уровень экономического положения колхозов и совхозов, позволяющий им выделять больше средств на благоустройство селений (школа, больница, кинотеатр, спортивные сооружения, магазины) и т.п. Очевидно, что высокий уровень благосостояния населения гарантировал удовлетворение культурно-бытовых потребностей.

Таблица 11

Хронологическая структура жилого фонда на равнине

Село	Всего домов	Построено до 1920 г.		Построено в 1950-х – начале 60-х годов		Год учета
		домов	% к итогу	домов	% к итогу	
Джибахни	101*	33	32,6	63	62,3	1963
Цветковка	182	–	–	173	95,0	1964
Терекли-Мектеб	392	–	–	372	94,8	1964
Карабудахкент	1024	443	43,2	531	51,8	1966
Чумлы	218	44	20,1	124	56,8	1964
Янгикент	146	33	22,6	64	43,8	1964
Каякент	742	181	24,3	456	61,4	1966
Усемикент	195	57	29,2	111	56,9	1966
Утамыш	410	112	27,3	181	44,1	1966

* [180. С. 107].

Жилище. В традиционном ХКТ равнины жилище имело очень специфические черты, обусловленные как особенностями природно-географических условий, так и этнокультурными традициями. От бывшего жилищного фонда равнины почти не осталось следа. Уровень благосостояния, воздействие города, близость промышленно-строительной базы, большое строительство для переселенцев, а также сравнительная недолговечность турлучных построек вызвали вымывание традиционной жилищной архитектуры.

К началу третьего периода (1965 г.) жилой фонд на самой равнине был почти полностью обновлен, в нижнем же предгорье, где была каменная архитектура, старые дома еще сохранились. Особенно интенсивным было новое строительство в 50-х – начале 60-х годов.

Так, в с. Ерси в 1965 г. из 298 домов аула только 32 (10,7%) были дореволюционной постройки, а выстроенных в 50–60-е годы было 167 домов (56,0%). Приведем другие примеры (табл. 11) [187. С. 107].

Характерно, что ни в одном из приведенных селений количество домов дореволюционной постройки не достигает числа жилищ, построенных в 50-х – начале 60-х годов. Напротив, почти везде последних вдвое и более больше первых.

Обратим внимание, что показатель сохранившихся домов намного выше в предгорных селениях. Это, в свою очередь, сыграло роль и в становлении современной архитектуры жилищ равнинных и нижнепредгорных районов. Если суммировать основные факторы,

под воздействием которых сложилась такая архитектура, то это традиции местного населения, влияние русской и городской (типовой) архитектуры, местные экологические и хозяйственные условия и культурно-эстетические запросы и потребности. Эколого-хозяйственный фактор проявился, например, в том, что в южной части равнины (Приморская низменность), где земельные ресурсы были ограничены и участки под строительство выделялись небольшие, победила архитектурная форма двухэтажного предгорного жилища, прообразом которой послужил “табасаранский” дом с внутренним коридором и балконом. Такой дом имеет преимущества перед рядовым верандным домом в условиях летней жары и осенне-зимнего ненастья. Он как бы “прячет” в глубине жилые помещения и обитателей. На севере республики, особенно на Терско-Сулакской низменности, была распространена одноэтажная постройка, выдержанная в традициях типовой сельской архитектуры (квадратная планировка), учитывающая также во внутренней планировке и местные традиции рядового верандного дома, имеющего ряд модификаций. В предгорье же, на всем его протяжении, победила двухэтажная форма, причем к северу табасаранская [187. С. 97–103; 193. С. 64, 65, 79]. Надо сказать, что сходные линии развития архитектуры, исключая одноэтажную форму, характерны и в целом для Дагестана. Что же отличает равнинно-предгорное жилище от горного? Одна из главных особенностей равнинного жилища – усадебный характер. Участок, находящийся именно при доме (а не где-то на окраине сельской округи, как бывает в горах), это не только подспорье в экономике хозяйства, это и рациональный труд и досуг, и эстетика труда, и школа хозяйствования, и многое другое. Поэтому столь большое значение имеет приусадебный участок и усадебное хозяйство в бытовой культуре населения. Другое существенное отличие – большой удельный вес одноэтажной конструкции квадратной и рядовой планировки. Третья особенность – почти полная обусловленность жилого фонда, преобладание домов, построенных в 1950-е и последующие годы. Даже в предгорных селениях практически не осталось жилищ дореволюционной постройки.

Разный уровень обновления зданий означает разную степень распространенности современных архитектурных форм, сохранности старой типологии, конструкции, планировки, системы размещения хозяйственно-жилого комплекса.

Достаточно указать, что в старых жилищах сохранилась плоская кровля (если дом еще крепкий, над ней надстраивают стропила), в то время как в новом строительстве применяется только стропильная кровля. Кроме того, архитектура и конструкция равнинного жилища в большей степени подвержены воздействию современной социально-бытовой и культурной обстановки, чем в горах. Одновременно облик жилищ равнины проявлял тенденцию к независимости от природно-географических условий, если он противоречил современ-

ным культурно-эстетическим представлениям (в полной мере это положение относится и к продолжающемуся влиянию этнокультурных традиций).

Одежда. Это наиболее подверженный изменениям элемент материальной культуры, который в большей, чем другие компоненты, степени подвергся процессам обновления и унификации. Как указывает Г.С. Маслова, в 1970-е годы в развитии одежды народов СССР наступил такой этап, “когда общесоветские современные городские типы стали повсеместно превалировать” [188. С. 235]. Можно добавить, что для одежды населения равнины Дагестана середины 1980-х годов речь может идти не просто о преобладании, а об абсолютном господстве общесоветских городских форм, что отражало общий процесс интернационализации и урбанизации “культуры и быта населения Дагестана”, одним из ярких проявлений которого стала одежда сельского населения” [193. С. 98].

Одежда равнинного Дагестана выделяется в одном отношении. Благодаря близости города, постоянным контактам с городским населением, более высокому жизненному уровню, более активному приобщению к современным формам досуга и времяпрепровождения население равнины в гораздо *большой* степени освоило современные городские типы одежды.

В области духовной культуры в советский период, когда происходило активное взаимовлияние и взаимодействие духовной жизни, оставалось мало места для специфики, местной исключительности. Мы указывали раньше, что определенные возможности для дифференциации представляют обряды и праздники. Однако привязать какой-либо обряд к данному ареалу в настоящее время затруднительно. Тот же обряд выхода плуга появился вместе с переселенцами и на равнине. Хотя в рассматриваемом ареале есть исключительно местные праздники, но они не стали общими для всей равнины, как должно быть при включении их в компонент культуры. Это такие праздники, как “День рыбака”, “День виноградаря”, “Праздник черешни”. Последний, наиболее традиционный и с обрядовой точки зрения разработанный, может приобрести ареальные масштабы, а следовательно, и значимость.

Пожалуй, на этом завершается круг элементов культуры, которые можно рассмотреть с точки зрения их вхождения в качестве компонентов в равнинный ХКА. Они труднее поддаются дифференциации по зонам (ареалам), а уж говорить о составлении обязательного для ХКА их перечня и вовсе нереально. Рассмотренные отдельные культурные компоненты показывают, что в области культуры дифференциация чаще характеризуется степенью распространенности того или иного компонента, чем его типичностью.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ ГОРНОЙ И ВЫСОКОГОРНОЙ ЗОН. ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРНОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА

В главах, посвященных истории хозяйственного развития республики и равнинному ХКА, мы убедились в правомочности постановки вопроса о ХКТ в советскую эпоху.

Однако становится ясным и то, что ХКТ претерпевают одновременно большие изменения. Важную роль в этой трансформации сыграли индустриализация и коллективизация и увенчавшая их централизованная сдаточно-распределительная система для продукции, которая принимала все более жесткий регламентированный характер. Нет ничего удивительного, что застойные явления, поразившие экономику страны, нашли свои местные проявления и в Дагестане. Это было следствием “раскрестьянивания”, нарушения органической связи между крестьянином-тружеником и крестьянином-собственником. Подобный разрыв особенно чувствителен для сельского хозяйства, развивающегося в условиях неблагоприятной экологической ситуации, что делало не рентабельными усилия по внедрению достижений НТР. Это происходило и оттого, что наглядный пример механизации и более производительного труда в другой, весьма благополучной зоне действовал расхолаживающе, создавая представление об излишней тяжести, непроизводительности и даже никчемности собственной работы. В результате крестьянин, создавший прекрасные образцы террасовых полей, отличавшийся исключительной трудоспособностью и трудолюбием, забрасывал свою террасу и покупал необходимую ему муку в магазине. А чтобы купить в магазине, ему надо иметь деньги, для чего он уходил на заработки в город. Существует и другая сторона этого явления – ослабевают органические обменно-хозяйственные связи между хозяйственными типами разных зон. Если раньше горец и житель равнины находились в постоянном взаимодействии, состоянии непрекращающегося обмена, контактов, то впоследствии подобный симбиоз исчез.

Если процесс трансформации хозяйственных типов в индустриальную эпоху логически предсказуем, то ослабление связей разнотипных хозяйств в условиях радикальных изменений в демографиче-

ской ситуации (временных и постоянных переселений), увеличение транспортных возможностей и т.п. следует считать в определенной мере неожиданностью. Предпосылкой этого процесса послужила новая система экономического взаимодействия – сдаточно-распределительная, которая и заняла место прямого хозяйственного обмена. Упадок террасного земледелия и сенокосения в горной зоне, непродуманная, и потому далеко не всегда экономически оправданная монокультура винограда на равнине – прямой результат этой системы.

Это не означает, что хозяйственная деятельность стала независимой от природно-географических условий. Значение экологии как сферы взаимодействия хозяйственной и культурной деятельности человека с механизмом ее регуляции сохранилось в индустриальную эпоху, но ослабло. Эту регуляцию можно назвать частичной.

Шаг к “частичности” выразился в определенном изменении ландшафтно-зонального хозяйственного районирования, обусловленного современной зонально-хозяйственной интерпретацией существующих природных зон, которая вызвана в свою очередь тремя факторами.

Во-первых, механизм централизованных поставок (надрегиональные связи) устранил неизбежность в направленности развития хозяйства. Эта фатальность была следствием нехватки основного пищевого продукта (зерна, хлеба).

Во-вторых, в современной интерпретации большое значение приобрела техника. Возможность (или невозможность) ее применения придавала зональному размежеванию новые оттенки, сближая в хозяйственном отношении одни географические районы и усиливая хозяйственные различия в других. В этом же ряду следует назвать такое важное агротехническое мероприятие, как орошение. Механизация и орошение создали предпосылки для отраслевой специализации. Это положение мы назвали в предыдущей главе “эффектом применимости”.

В-третьих, хозяйства, которые были вынуждены адаптироваться к природным условиям, стали ориентироваться не на местные нужды и потребности, а на механизм централизованных поставок.

Таким образом, зональная хозяйственная специализация обуславливается в наше время несколько иной совокупностью факторов, главные из которых составляют следующую триаду: природно-географические условия–государственные потребности (сдаточно-распределительный механизм централизованных поставок)–собственные нужды населения.

Отметим, что хозяйство как компонент ХКТ сохраняет свою определяющую, разграничительную роль и сейчас, составляя конструктивную основу типа.

С учетом названных выше факторов, относящихся к “эффекту применимости” (механизация, ирригация, отраслевая специализация),

структурообразующая роль хозяйства как компонента ХКТ даже повышается, особенно в условиях Дагестана, включающего равнинную и горную части, в которых хозяйство приобретает еще более резкие, чем в прошлом, отличительные черты (достаточно сравнить равнинное и горное зерновое земледелие раньше и теперь).

В связи с появлением сдаточно-распределительной системы в ХКТ наметилась еще одна тенденция. Как уже отмечалось, между хозяйством (и его элементами) как компонентом ХКТ и культурными компонентами существует корреляционная, и отчасти даже каузальная связь, в которой хозяйство выступает в качестве структурного начала. Механизм централизованных поставок внес в эту закономерность определенные поправки. Влияние хозяйства раньше обуславливалось его ролью в быту, а также подчиненностью бытовой культуры и творчества нуждам хозяйства (орудия труда и быта). В новых же условиях бытовая культура не так тесно связана с местным хозяйством, поскольку многие ее составные элементы сохранились благодаря урбанизации.

Отсюда и определенная “независимость” состава культурных компонентов от хозяйства, близость к общерегиональным, общесоюзным формам и, следовательно, менее выраженная местная специфичность. В этом отношении можно сказать, что произошло относительное (как тенденция) уравнивание значимости обоих компонентов ХКТ. Эта тенденция проявляется с тем большей силой, чем сильнее становится зависимость разных зон от получаемой извне продукции.

Отметим еще некоторые стороны (особенности) современных ХКТ. В литературе есть понятие о доминантных и исчезающих ХКТ. Естественно предположить, что в индустриальную эпоху, когда отдельными исследователями ставится даже вопрос о возможности существования ХКТ, о том, могут ли быть градации и в их статусе. Вопрос этот можно рассматривать с двух сторон. В предыдущей главе мы отметили, что равнинный ХКТ является доминантным в дагестанской ИКО.

Однако этот же ХКТ обладает признаками и свойствами (например, развитая механизация, унификация с общесоюзными моделями многих элементов культуры, развитие которых может привести к превращению его в “зональный комплекс экономического и бытового характера благодаря механизации, росту промышленного производства и городов” [79. С. 15]. Следовательно, из доминантного ХКТ он может превратиться в нечто не имеющее отношения к ХКТ и соответственно не способное играть ведущую роль. К тому же с доминантным ХКТ действительно могут граничить, входить в одну историко-культурную область слабо выраженные, теряющие свои характерные черты, особенно структурообразующую хозяйственную основу ХКА. Такие ХКТ в современном Дагестане есть. Пока мы только укажем на них, поскольку нам предстоит их описание –

это ХКТ высокогорных подвижных скотоводов и ХКТ среднегорных земледельцев и отгонных скотоводов. Их действительно можно назвать исчезающими, но в отличие от равнинного – они не перерастают комплекс, а видоизменяются в своей структуре, во взаимоотношении элементов (отраслей) основного структурообразующего компонента ХКТ – хозяйства.

Еще об одной особенности ХКТ – этничности или надэтничности. Мы уже пришли к выводу о надэтническом характере традиционных дагестанских ХКТ (что подтвердило общее положение о ХКТ). В каком направлении произошли сдвиги в ХКТ в советскую эпоху? Вопрос несложный, поскольку известна общая тенденция современной культуры к унификации, идущая как от культурных взаимодействий, так и от модернизации, промышленного происхождения многих элементов культуры, орудий труда, их стандартизации, что приводит к еще большему стиранию специфических этнических свойств.

Здесь можно отметить, что этнический аспект ХКТ определенным образом увязывается со стратификацией ступеней его развития. Например, зональный комплекс, поскольку он знаменует этап механизации и промышленного роста, а следовательно и роста стандартной продукции, естественно будет иметь этнически более нейтральный облик, чем ХКТ просто трансформированный. В последнем деформируется не структура (собственно здесь и нет деформации), а соотношение хозяйственных компонентов, с выраженной тенденцией перерастания основной профилирующей отрасли хозяйства в монотип, который вырастает и находится в соподчинении с индустрией, городом или хозяйством более интенсивно развивающихся пограничных ХКТ.

При таком механизме развития технологическая структура, уровень типа изменяются мало и медленно. ХКТ как бы растет территориально, но не качественно, в отличие от зонального комплекса, в котором спонтанные процессы приводят к преобразованию технологической структуры. Мы напоминаем о трансформированном типе потому, что именно таковыми являются современные горные ХКТ.

В историческом очерке хозяйственного развития республики в советское время мы останавливались на основных причинах и тенденциях преобразования хозяйства, которые сказались на облике горных ХКТ.

В среднегорном ХКТ главная причина преобразования – кризис земледелия, настолько ярко выраженный, что этот район в земледельческом отношении стал подобен высокогорью. Процесс этот начался с победой коллективизации. Когда организовывали колхозы, считалось, что их преимуществом является возможность применения техники. У крестьян подспудно зрело убеждение, что в колхозах надо работать с ее помощью. В зерновом земледелии чем боль-

ше техники появлялось в горах (уже в послевоенный период), тем больше неудобных для ее применения земельных участков, главным образом террасных земель, постепенно оказались заброшенными. А в прошлом, например, хозяину, не имевшему на склоне горы террасного участка под зерновые, не разрешили в долине завести сад на собственном участке – он обязан был сеять хлеб. Поэтому даже в годы бума садоводства конца XIX – начала XX в. ни один хозяин не позволял себе забросить даже самый маленький, ничтожный кусок террасы на склоне горы. В советский период часть высвобождавшихся сил и средств вкладывались в растущее скотоводство. И в этом росте решающую роль сыграло наделение горных колхозов равнинными пастбищами, сенокосными и пахотными угодьями.

Развитие животноводства имело очень серьезные последствия не только для хозяйства нагорной полосы вообще, но и для структуры хозяйства, соотношения его отраслей, форм ведения хозяйства, особенно скотоводства, ибо земельные угодья горной части были недостаточны для ведения полноценного хозяйства. На равнине с нижним предгорьем было сосредоточено более 90% пахотных угодий, 74% пастбищ. В горных округах на душу населения приходилось 1,04 га земли, на равнине – 14,7 га [123. Т. III. С. 216, 217; 113. С. 270].

К концу 1970-х годов, когда в основном завершилось перераспределение республиканских сельскохозяйственных угодий, горные общественные хозяйства имели на равнине около 1 млн га земель (987,8 тыс. га), из них 795 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 75 тыс. га пашни, 30 тыс. га сенокосов и 689 тыс. га пастбищ. Отметим, что собственных угодий (в горах) у горных хозяйств было меньше, не говоря уже о пашне: всего угодий 678,5 тыс. га, при этом пашни 52,1 тыс., сенокосов – 112,4 тыс., пастбищ – 476,3 тыс. га. Количество всех сельскохозяйственных угодий, находящихся в распоряжении горных колхозов и совхозов, составляет 1 млн 473 тыс. га, из них пашни – 127 тыс., сенокосов – 142,5 тыс., пастбищ – 1 млн 165,6 тыс. га [215. С. 128, 129].

Как отмечалось выше, результаты этого наделения равнинными угодьями были значительны. Хозяйства среднегорной зоны сконцентрировались на отгонном скотоводстве. Еще более радикальными были последствия наделения угодьями на равнине для высокогорья. В советское время одновременно с наделением горных хозяйств равнинными угодьями в республике происходил процесс вытеснения дагестанских скотоводов с равнинных зимних пастбищ в соседних республиках. Стала исчезать база подвижного скотоводства. Появление же закрепленных постоянно угодий в пределах республики сделало подвижное скотоводство ненужным. Его место занимает отгонное скотоводство, причем дополнительная кормовая база придает этой форме и определенные элементы стационарности, особенно четко выразившейся в сложившемся со временем на равнине кутан-

ном хозяйстве. Таким образом, наделение равнинными зимними пастбищами и другими угодьями во многом способствовало переориентации (перепрофилизации) горных хозяйств – среднегорного и высокогорного. Более того, это наделение угодьями сблизило их, преобразовав фактически в один хозяйственный тип. Для этого были и другие причины, в частности механизация на равнине, недоступная горному хозяйству, централизованная сдаточно-распределительная система, обеспечивающая горную зону хлебом и сделавшая менее необходимым (порой нежелательным из-за его трудоемкости) местное, зерновое земледелие. Эколого-хозяйственный и политический детерминизм в выборе отраслевой специализации, о котором говорилось выше, способствует и тому, чтобы район, область производили продукт, который, будучи необходимым для централизованной системы, в местных условиях, согласно экологии, хозяйственным традициям, опыту и навыкам населения может стать наиболее рентабельным, будет производиться в наибольшем количестве (и лучшем качестве). Отрасль, производящий такой продукт в горном Дагестане, стало животноводство.

Становление скотоводства в горной зоне в качестве главной, профилирующей отрасли уже само по себе более резко, отчетливой обозначило границы между равнинным и горным хозяйственными типами. Намного усиливает этот водораздел еще одно обстоятельство.

В предыдущей главе нам приходилось указывать на то, что по ряду главным образом объективных причин уровень механизации труда в животноводстве намного ниже, чем в земледелии. Этот разрыв в уровнях механизации обеих отраслей способствует прогрессирующему технико-технологическому разрыву между равнинным и горным хозяйственными типами, усилению различий обоих ХКТ, причем увеличение этого разрыва связано с уменьшением масштабов зернового земледелия в горной части и ростом его на равнине. Например, в 21 горном районе стоимость продукции животноводства превышает стоимость земледельческой, причем сюда входит и стоимость садоводческой продукции, производство которой довольно развито в горных долинах [26. С. 73]. Другой пример: на равнине животноводство дает 32% от совокупной продукции обеих отраслей, и это при высоко развитом молочном и мясном разведении КРС, а в горной части – 67% [26. С. 73]. Отношение валовой продукции земледелия на душу населения составляет на равнине 397,4 руб., а в горах – только 84,2 руб., причем цифра эта включает и продукцию кутанных хозяйств [153. С. 56; 103. С. 68].

В 1985 г. пашня горных районов составляла уже только 3,2% всех угодий, а вместе с используемой пашней равнины – 7,5%. За 1981–1985 гг. равнинные районы произвели 80% всего зерна республики, а стоимость продукции земледелия равнинной части составила 87,2% от общереспубликанской [26. С. 73, 77, 78, 91].

Но главной особенностью горной зоны является соотношение земледелия и скотоводства, а также специфика последнего. В горах находится 67,6% поголовья МРС и 53% КРС республики, но сбор зерновых составляет только 20% от всего урожая, и то главным образом за счет кутанного хозяйства.

Даже принимая во внимание интенсивное разведение КРС на равнине и большую плотность населения в горах, показатель поголовья на душу населения горной части в переводе на условную голову вдвое выше равнинного (12 и 6 условных голов) [26. С. 91, 94–98, 107, 111]. Преобладание МРС в горной зоне экологически, исторически и экономически глубоко специфично и во многом оправдано. Главная причина этого – необходимость в отгоне скота. Нам уже приходилось отмечать, что особенности природно-географических условий Дагестана (изрезанность рельефа, скалистость, сухость) породили своеобразие растительной кормовой базы – ограниченность сенокосных угодий. В начале XX в. (а ситуация с тех пор только ухудшилась) в Дагестане было только 0,11 дес. сенокосов на душу населения (в Карачае – 0,78, Кабарде – 0,84 дес.), а в горных округах положение было просто удручающее: Аварский округ – 0,09 дес., Андийский – 0,08, Самурский – 0,06, Гунибский – 0,05, Даргинский – 0,04 дес. В РСФСР сенокосы составляют 25% сельскохозяйственных угодий, в Дагестане – 9,4% [119. С. 122; 12. За 1909 г. С. 19; 215. С. 43, 112, 180; 28. С. 300]. Отсюда традиционная для Дагестана проблема – как накормить зимой скот? Она превратилась в поиск на стороне зимних пастбищ, которые могли быть только на равнине. Так сложилась отгонная и подвижная форма скотоводства. Для равнины ситуация была несколько иная, и в советское время на основе мощной базы заготовленных кормов равнина постепенно отказалась от отгона скота. В горах это сделать трудно, хотя стационаризация скота имеет неуклонную тенденцию роста и здесь. Но пока только тенденция, хотя отдельные экономисты и считают, что ущерб при отгоне скота настолько значителен, что надо искать способы отказа от него, хотя бы частичного. Мы уже приводили мнение А.Н. Муртилова, придерживающегося такой точки зрения [153. С. 53–62], однако, видимо правы его оппоненты, которые считают, что отказаться от перегона “можно только при обеспечении” кормовой базы на весь год и “рациональной загрузке” горных пастбищ [57. С. 96].

Характерно, что еще в 1930 г. председатель совнаркома Дагестанской республики Д. Коркмасов отмечал, что “перекочевки овечьих стад с летних пастбищ горного Дагестана на зимние пастбища плоскости сохранятся долгое время” [35. Ч. 1. С. 287].

Помимо этих двух особенностей скотоводства (преобладающее разведение МРС и господство отгонного скотоводства), следует, по-видимому, указать и на то, что скотоводство горной части еще срав-

нительно недавно представляло собой соединение подвижного и отгонного скотоводства. Еще в 60-е годы здесь были представлены различные формы животноводства (от подвижных через отгонные к стационарным), в то время как на равнине формы скотоводства не изменились, преобладающая в прошлом стала господствующей и почти единственной (стационарная, выгонно-стойловая), а отгонная сошла почти на нет.

Еще одна особенность: на равнине тесно сочлененная триада, выражающая в прошлом органическую связь земледелия и скотоводства (тягловая сила и удобрения – от скотоводства земледелию, корма – от земледелия скотоводству) фактически распалась, зависимость стала более односторонней (скотоводство – от земледелия), а в горах, во-первых, еще сохранилось значение живой тягловой силы (хотя и намного меньше), во-вторых, земледелие настолько маломощно, что утратило свою былую роль поставщика кормов для скотоводства. К тому же упадок земледелия отозвался ненадобностью в удобрениях от скотоводства, в то время как раньше дефицит удобрений был постоянным (отчасти из-за нужды в кизяке). Таким образом, если на равнине господство в триаде стало принадлежать земледелию, то в горах – наоборот, скотоводству. Однако независимость здесь своеобразная. В земледелии она есть. Однако воздействие скотоводства на земледелие в нынешних условиях минимально.

Отличается в горной зоне и направление скотоводства, как и характер развития хозяйственного типа. Как уже указывалось, уровень экономики современных горных районов был следствием не столько саморазвития, сколько итогом сильных побудительных импульсов извне, конкретно, – общесоюзной инфраструктуры, отражающей механизм сдаточно-распределительной экономики. Иными словами, эти районы не были нацелены ни на удовлетворение внутренних потребностей, ни на обменные взаимодействия с равнинными ХКА. Таким образом, горный хозяйственный тип – это трансформированный ХКТ, причем трансформация, надо отметить, в большей степени затронула среднегорье, чем высокогорье. В последнем основное направление хозяйства лишь получило дальнейшее развитие. В среднегорье же отгонное скотоводство из паритетной отрасли превратилось в господствующую. И поскольку среднегорье – самая бедная пастбищами зона Дагестана, такое быстрое развитие отгонного скотоводства стало здесь возможным лишь благодаря целенаправленной специализации в рамках принудительной сдаточно-распределительной системы.

Соответственно этому и направление скотоводства оказалось здесь нацеленным прежде всего на общесоюзные, а не на местные потребности. Выражается это, например, в том, что администрация горных районов придерживалась курса на постоянное увеличение

массы содержащегося посредством отгона скота, не считаясь ни с какими разумными, или тем более научно обоснованными нормами допустимых нагрузок на пастбища.

Что касается ареала горного хозяйственного типа, он охватывает все среднегорье и высокогорье, и нет особой необходимости выделять районы обеих горных зон, разве только для выяснения специфики развития скотоводства в отдельных группах. Границы обеих зон в определенной степени условны, ибо некоторые районы включают земли двух и даже трех зон. Например, в Ботлихском районе часть земель относится к высокогорью, а в Дахадаевском – к среднегорью и даже к предгорью, в Ахтынском, Курахском – имеются среднегорные земли, в Гунибском, Лакском, Хунзахском – высокогорные и т.д. Абсолютно точно разделить зоны на административные районы нельзя, но использовать административное деление приходится, ибо без этого (прежде всего из-за необходимости использования статистического материала) изучение хозяйственных типов невозможно.

Рассмотрим отдельные компоненты горного ХКА более конкретно. Это позволит выяснить правомерность постановки вопроса о горном ХКА отгонных скотоводов и пашенных земледельцев, определить критерии данного ХКА и роль в подобной дифференциации хозяйственного типа и культурных компонентов. Но прежде чем перейти к этому конкретному описанию компонентов ХКА, напомним кратко, какие методы необходимы для изучения экономики и культуры этого ареала.

Эта задача облегчается тем, что у нас есть опыт исследования дореволюционных ХКТ и современного равнинного типа. В результате имеется своеобразный реестр хозяйственно-культурных феноменов горизонтального ряда, с группировкой в однофункциональные группы. Наша последующая задача – выделить вертикальный ряд, т.е. попытаться распределить феномены, относящиеся к горному ХКТ, и затем уже рассмотреть их специфику. При этом нам придется провести несколько дифференцирующих операций, в частности дифференциацию по наличию феноменов, характерных только для данной зоны (например, горская шуба). Таких феноменов бывает немного, и поэтому важное значение имеет второй этап дифференциации – по бытованию феноменов, имеющих не только в данном ХКА, но и в других, однако различающихся предметно и операционально (пахотное орудие – рало, при существующем на равнине плуге). Далее можно провести дифференциацию по степени существования однофункциональных феноменов, имеющих свой облик, конструкцию и технологию (коса и одноручная коса). И наконец, возможна и дифференциация по степени бытования однофункциональных феноменов и предметно не различающихся феноменов.

Нам остается теперь перейти к компонентной характеристике горного ХКА.

КОМПОНЕНТЫ ГОРНОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА

В настоящей главе перед нами стоят вполне конкретные задачи. Во-первых, необходимо определить степень трансформации двух дореволюционных ХКА – горного – оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов, высокогорного – оседлых подвижных скотоводов и пашенных земледельцев и степени преобразования их в один современный тип (ареал) оседлых горных отгонных скотоводов и пашенных земледельцев; во-вторых, на основе анализа компонентов решить вопрос о правомерности выделения такого ХКА в современной действительности.

Начнем с главного компонента ХКТ – с хозяйства.

Соотношение отраслей хозяйства. В дореволюционных горных ХКА, особенно высокогорном, вопрос о соотношении отраслей был очевиден – земледелие не было широко распространено, хотя его культура была высокой. Симбиоз отраслей и раньше в горной части был слабо выражен, несколько больше в ХКА горных земледельцев и отгонных скотоводов, в современном же хозяйстве он в горах совершенно отсутствует.

Главная отрасль хозяйства (отгонное скотоводство) не предрасположена к симбиотической связи с земледелием, хотя вполне может сочетаться с ним, сопутствовать ему. Но триады сочленения не были в прошлом, нет и теперь. Земледелие пришло в упадок, рабочий скот (волы) почти не нужен, так как, во-первых, мало земледельческих работ, а, во-вторых, волов отчасти заменили тракторы и автомобили. Раз осталось мало засеваемых полей, значит не так нужны и удобрения, да и трудностей с их использованием много, куда легче применять привозные химические удобрения. Лишь в одном случае осуществлен симбиоз главных отраслей – это кутанное хозяйство на равнине. В нем зерновая и кормовая база кутанов служит скотоводству, обеспечивает, во-первых, гарантийный запас кормов на зиму отгонному скотоводству; во-вторых, стало основой для все расширяющейся стационаризации скота (особенно КРС) горных хозяйств на равнине путем его круглогодичного содержания здесь (на равнине) на базе пастбищных и заготовленных кормов. В остальных случаях говорить о сочленении отраслей нет никаких оснований. Поэтому скотоводство горной зоны, являясь главной отраслью, экономически более мощной, тем не менее не является ведущей, помогающей земледелию, его функционированию. В этом заключается одно из существенных отличий горного хозяйственно-го типа от равнинного, и оно служит очень четким дифференцирующим критерием для него. Выше мы приводили цифры, характеризующие соотношение отраслей в хозяйстве горной части: в 1985 г. на равнине валовая продукция земледелия составила 170 млн

868 тыс. руб., а животноводства – только 89 млн 594 тыс., т.е. почти вдвое меньше (равнина дает 87,2% от стоимости продукции земледелия республики) [26. С. 91]. В горной же части соотношение обратное: стоимость продукции земледелия – 31 млн 180 тыс. руб., а животноводства – 67 млн 245 тыс. [Там же. С. 73, 74, 91], причем львиная доля стоимости земледельческой продукции приходится на продукцию садоводства. Например, в 1947 г. удельный вес продукции полеводства составил в горной части 42,8%, а садоводства – 53,7, на равнине – соответственно 62,2 и 5,0%. С тех пор положение ненамного изменилось, хотя садоводство в некоторых районах, например в Левашинском, несколько пошло на убыль, но полевое земледелие приходило в упадок еще более быстрыми темпами [112. С. 38]. В среднем ежегодная (1976–1980 гг.) валовая продукция земледелия в горной зоне составила 30 млн 257 тыс. руб. (на равнине – 96 млн 445 тыс.), а животноводства – 66 млн 209 тыс. руб., соответственно 31,4 и 68,6%. В 1985 г. горные районы собрали всего зерновых 856,1 тыс. ц, равнинные – 3 млн 269 тыс. ц [26. С. 73, 74, 91], т.е. в 4 раза больше. Если же учесть, что больше половины зерновых площадей горных районов, причем орошаемых, находились на равнине и что урожайность здесь была выше на 6–8 ц, то надо вычесть из суммарного итога районов еще почти две трети зерна, и остается примерно 300 тыс. ц зерна, это значит, что в горных районах зерна производилось примерно в 12 раз меньше, чем на равнине.

Еще одна особенность зернового хозяйства горных районов заключается в том, что они не входили в систему сдаточно-распределительного механизма, так как не имели планов поставок (закупок) зерна. Это позволяло им использовать полученное зерно на внутрихозяйственные, потребительские нужды (на фураж и хлеб).

Данные по отдельным районам и хозяйствам подтверждают следующие выкладки. В совхозе “КИМ” Агульского района продукция растениеводства в 1985 г. составила 38,3 тыс. руб., а животноводства – 213,9 тыс. руб., соответственно 15,1 и 84,9%, т.е. стоимость продукции животноводства почти в 6 раз превышает стоимость земледельческой. В то же время отработка человеко-часов в растениеводстве была далеко не в такой пропорции: в животноводстве она составляла 29,5 человеко-часов, растениеводстве – 13,1, т.е. затраты труда в растениеводстве были более, чем в 2 раза выше. Следовательно, за год один работник производит в растениеводстве 0,29 руб., в животноводстве 0,72 руб. [53. Дн. 1. С. 21, 22]. В совхозе “Стальский” того же района земледелие почти ежегодно приносит одни убытки. В 1981 г. убыток составил 84 тыс. руб. (доход – 39 тыс., издержки – 123 тыс. руб.). 1986 г. был прибыльным. Прибыль составила 95,9 тыс. руб. (доход – 117,6 тыс., издержки – 21,7 тыс. руб.), причем весь убыток опять приходится на растениеводство. Еще более показательны соотношения валовой продукции: в 1985 г. от растениеводства – 32 тыс. руб., от животноводства – 248 тыс. руб., поч-

тия в 8 раз больше. И при этом в растениеводстве отработано 155 тыс. человеко-часов против 273 тыс. человеко-часов в животноводстве (получается соответственно 36,2 и 63,8%, т.е. соотношение меньше двукратного, при восьмикратном в продукции).

Соответственно выражены показатели по производству валовой продукции на 1 человеко-час: в растениеводстве – 0,38 руб., в животноводстве – 0,91 руб. [53. Дн. 1. С. 31]. Аналогичное положение наблюдается и в других горных районах. В совхозе “Гельхенский” (с. Гельхен) Куражского района структура валовой продукции выглядит следующим образом: в 1985 г. растениеводство дало 72 тыс. руб., животноводство – 194 тыс.; в 1986 г. – соответственно 112 тыс. и 327 тыс. руб.; в 1987 г. – 73 тыс. (20%) и 288 тыс. руб. (80%).

В то же время затраты труда почти одинаковы, что свидетельствует о плохих условиях для земледелия, о слабой механизации и низкой рентабельности отрасли. В том же 1987 г. на растениеводство затрачено 43 572 человеко-часа, на животноводство лишь немногим больше 46 610, и это при четырехкратном превышении стоимости продукции [54. Дн. 1. С. 25, 26].

Аналогичная ситуация сложилась в другом совхозе этого района – “Шимихюрский” (с. Шимихюр) или в совхозе “Урагинский” (с. Ураги) Дахадаевского района. В первом стоимость валовой продукции растениеводства в 1981 г. составила 37 тыс. руб., в 1987 г. – 27 тыс., а животноводства – 126 тыс. и 237 тыс. руб. Отработано в 1981 г. в растениеводстве 183, в животноводстве – 234 тыс. человеко-часов [Там же. С. 41]. В совхозе “Урагинский” в 1985 г. затраты труда в растениеводстве – 140 тыс. человеко-часов, в животноводстве – 187 тыс., в 1986 г. – соответственно 322 тыс. и 250 тыс. человеко-часов, т.е. затраты труда на растениеводство даже превышают затраты на животноводство. В то же время валовая продукция, выработанная в 1985 г. на одного среднегодового работника на 1 человеко-час, в растениеводстве составила 0,278 руб., а в животноводстве – 0,615 руб. (1986 г. – 0,18 и 0,75 руб.). Валовой продукции в 1986 г. произведено в растениеводстве на 57 тыс. руб., в 1988 г. – на 52 тыс., а в животноводстве – соответственно на 189 тыс. и 204 тыс. руб. – превышение трех- и четырехкратное. Достойно внимания, что среднегодовая численность работников, занятых в растениеводстве, более чем в полтора раза превышает численность занятых в животноводстве (148 и 92 человек). И в то же время производительность труда (производство валовой продукции на одного среднегодового работника) выражается цифрой в 1067 руб. [55. С. 8, 9, 19], при средней по республике в 2703 руб. (наивысший показатель по Дагестану – Кизлярский район – 5445 руб., низший – Агульский район – 608 руб. и Советский – 715 руб.) [26. С. 75]. А вот, например, в колхозах им. XX партсъезда Чародинского и им. Гагарина Гумбетовского района этот показатель ниже 300 руб. [81. С. 6].

Такая же картина наблюдается и в целом по отдельным горным районам. Например, в Дахадаевском районе валовая продукция растениеводства в 1986 г. составила 3 млн 305 тыс. руб., а животноводства – 6 млн 424 тыс., в 1987 г. – соответственно 2 млн 891 тыс. руб. и 7 млн 251 тыс. руб. И опять отработано человеко-часов почти поровну: растениеводство – 3 млн 956 тыс. [53. Дн. 1. С. 31], животноводство – 4 млн 91 тыс. [53. Дн. 1. С. 31] (1986 г.), 3 млн 760 тыс. и 3 млн 443 тыс. [53. Дн. 1. С. 31] (1987 г.), даже меньше, чем в растениеводстве (1987 г.). Валовой продукции на одного работника на 1 человеко-час в растениеводстве произведено 0,84 руб., в животноводстве – 1,57 руб. (1986 г.), соответственно 0,77 и 2,08 руб. (1987 г.). В то же время обратим внимание: численность работников, обслуживающих растениеводство, почти в 4 раза превышает численность таковых в животноводстве (3822 и 1051). Да и стоимость основных средств производственного назначения по району в растениеводстве превышает стоимость средств животноводческого назначения – 13 млн 694 тыс. и 11 млн 843 тыс. руб. (1986 г.) и соответственно 14 млн 222 тыс. и 12 млн 578 тыс. руб. (1987 г.) [55. С. 33–35]. Это напоминает положение в дореволюционном горном Дагестане, когда число земледельцев в селениях в десятки и даже сотни раз превышало число животноводов, поскольку каждый горец, имевший хотя бы клочок обрабатываемой земли, считал себя только земледельцем.

В общем приведенные цифры достаточно отчетливо показывают, что в горах животноводство являлось ведущей отраслью, а земледелие уступало ему и продолжает слабеть.

Большое дифференцирующее значение имело также кормопроизводство, поскольку характер кормовой базы обуславливает и формы скотоводства, а они играют важную роль в формировании того или иного ХКТ. В условиях современного хозяйства, когда ведущую роль в кормообеспечении скота играет земледелие, горная часть, с его регрессирующим земледелием, стала зоной слабого развития кормопроизводства.

При описании равнинного ареала мы указывали, что площади кормовых культур в республике достигли к настоящему времени рекордного уровня и составляют 188 566 га, это 42,9% всех посевных площадей республики. Даже площадь зерновых культур, главной отрасли полевого земледелия республики, ненамного превышает площадь кормовых – 217 993 га (49,6%) [26. С. 80, 81, 87]. Невозможность расширения производства заготавливаемых кормов привело к тому, что наиболее приемлемым и выгодным способом содержания скота стала отгонная форма, и это, в свою очередь, делало особенностью кормопроизводства дифференцирующей чертой горного ХКА. Приведем некоторые данные. Из предыдущей главы нам известно, что горные колхозы и совхозы имели на равнине до 75 тыс. га пахотных земель, из них свыше 60 тыс. га орошаемых. Вся посевная площадь горных районов со-

ставила в 1985 г. 121 тыс. га, притом в самой горной зоне находилось примерно 50 тыс. га пахотных (обрабатываемых) земель [215. С. 128, 129; 153. С. 56; 26. С. 80]. Известна также традиционная ориентация горных хозяйств на выращивание зерновых культур при отсутствии навыков производства кормовых. Кроме того, кормовые культуры требуют, как правило, полива, которого в горной зоне очень мало, и еще – многие из них трудоемки и поэтому пригодны для возделывания только при определенной механизации труда, что тоже не всегда возможно в горных условиях. Учтем и то обстоятельство, что посевные площади зерновых культур в горной части достигали 65–70 тыс. га (1980 г. – 74,7 тыс., 1985 г. – 65,8 тыс. га; симптоматичные цифры – за 5 лет посевные площади уменьшились почти на 10 тыс. га). Кормовые культуры составляли примерно 50 тыс. га (в 1985 г. – 48,7 тыс. га) [26. С. 81, 87]. Разместить в горах оба клина в 50 тыс. га и 65–70 тыс. га на площади в 50 тыс. га физически невозможно, и, следовательно, остальные площади размещены на равнине. А это позволяет нам уверенно говорить, что большая часть площади кормовых культур горных районов, доходящая до 50 тыс. га, была размещена на равнинных, прикутаных землях и предназначалась для подкормки отгоняемого скота и стационаризации части его (больной, истощенный, преимущественно молочный КРС, породный скот).

Следовательно, если для равнины кормопроизводство является особенностью ареала (как развитая отрасль), то для горной зоны оно служит таким же признаком, но только как отсталая отрасль хозяйства. В целом, говоря о соотношении отраслей в горном ареале, следует отметить кризис земледелия, распадение триады – рабочий скот–удобрения–корма. Однако в отличие от равнины в горах не развивалось земледелие и не увеличивалась зависимость от него скотоводства.

Падение масштабов и значения земледелия и рост скотоводства иллюстрируют структура и стоимость валовой продукции горных хозяйств, производительность труда (производство продукции на одного работника) в обеих отраслях, а также структура основных средств производственного назначения по отраслям. Характерной особенностью ареала является кормозаготовка, слабо развитая здесь, уровень и характер которой диалектически взаимообусловлен с отгонной формой скотоводства: недостаток кормов, слабая кормозаготовка порождают отгонную систему. Существование отгонного скотоводства сковывало любую инициативу по расширению кормозаготовительной базы.

Попробуем теперь охарактеризовать земледельческую отрасль. Несмотря на то что она имеет второстепенное значение в горах, в интересах сохранения структуры исследования предпочтительно начать с земледелия.

Тип земледелия. Мы уже не раз убеждались в важном структурообразующем значении и дифференцирующей роли типа земледелия, заключающего в себе общую и ландшафтно-структурную характеристику пахотных угодий и конструктивно-типологическую характеристику основного обрабатывающего орудия. Ландшафтно-структурная характеристика угодий горной зоны резко отличается от характеристики угодий равнины. Если там обширные равнинные поля, то здесь террасные поля (в среднегорье) и запаханые нетеррасированные склоны, наподобие верхнепредгорных (в высокогорье). О террасных полях и их особенностях достаточно говорилось в работе, посвященной дореволюционным ХКТ. Здесь есть смысл остановиться на масштабах горного земледелия, степени обеспеченности пашней населения зоны.

Уже указывалось, что даже учитывая территорию равнины, степень распространенности пашни в Дагестане почти в 3 раза ниже, чем по СССР (0,35 и 0,96 га на душу). Доля посевов на единицу территории в Дагестане в 5,5 раза ниже, чем в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской области. В РСФСР пашня составляет 61% сельскохозяйственных угодий, в Дагестане – 16,6% [22. С. 111; 215. С. 43, 116, 180; 123. Т. IV. С. 151, 164, 165; 28. С. 300]. В горах положение было еще более напряженное. Например, в 1970 г. из 115 тыс. хозяйств горной зоны 70,5 тыс. (300 тыс. человек) размещались в местах с ощутимым земельным голодом. Две трети колхозов и совхозов имели пахотных земель меньше 1 га на двор, а в отдельных районах и меньше: Ахвахском – 0,4 га; Ботлихском, Унцукульском, Хунзахском, Гергебильском, Цумадинском – по 0,6 га [159. С. 29, 77]. В горной зоне республики пахотных угодий на душу населения в 8 раз меньше, чем на равнине (0,8 и 0,1 га) [26. С. 78].

В 1985 г. пашня горной части составляла всего 3,2% всех сельскохозяйственных угодий, даже вместе с используемыми горными хозяйствами пахотными угодьями равнины она достигала только 7,5% [26. С. 77, 78], по отношению только ко всей пашне республики – 10% (угодья – 27%) [137. С. 49]. При этом надо отметить неуклонный, и довольно масштабный для местных объемов процесс сокращения пахотных угодий в горах. В 1950–1986 гг. пахотные земли сократились более чем наполовину (на 55%), а в отдельных районах – на 80–90% [143. С. 27]. Только за 5 лет, с 1965 по 1970 г. площади под зерновыми культурами уменьшились в горных районах со 109,5 тыс. га до 85,3 тыс. га [21. С. 65, 69]. В Дахадаевском районе в 1973 г. было 9540 га пашни и она составляла 9% от всех сельскохозяйственных угодий, а в 1985 г. – 8479 га пашни (8,4% от всех угодий) [43. С. 156, 157; 26. С. 77, 78]. В совхозе “КИМ” Агульского района пашни имелось лишь 346 га (6% от всех угодий), в совхозе “Стальский” – 485 га (6,2%) [53. Дн. 1. С. 23, 37, с. Чираг]. В совхозе “Гельхенский” Курахского района пашни – 712 га (7% от всех угодий), а в целом по району в 1987 г. – 4148 га пашни (6,5%). Отметим, что с

1965 г. пашня в районе сократилась на 2088 га, это больше половины имевшейся в 1988 г. пашни [54. Дн. 1. С. 27, 34]. Вот как выглядит динамика забрасывания пахотных угодий в высокогорном Курахском районе (в тыс. га, в скобках – размер посевной площади).

6,2(4,8)	4,5(3,5)
4,5(3,7)	4,3(2,7)
4,6(3,5)	4,1(2,5)

По другим данным, с 1960 г. в горной зоне заброшено 100 тыс. га пахотных земель (22% всего фонда пахотных земель ДАССР), из них, например, в Ахтынском районе не обрабатывают 4 тыс. га, в Рутульском – 1 тыс. га и т.д. Процесс забрасывания продолжается, и в этом большую роль играет фактор, о котором говорилось выше – “эффект применимости”. Тяжелый труд, обеспечивающий функционирование террасного и склонового земледелия, особенно на фоне механизированного труда на равнине стал психологически неприемлем, тягостен, непроизводителен. Между тем все еще 30% пашни, 31% многолетних насаждений, более 60% кормовых угодий расположены “на склонах, делающих невозможным их обработку традиционной техникой”, т.е. с помощью “традиционных машин и тракторов”, поскольку на этих землях требуется “специальная техника” [101. С. 76]. А это означает, что и эти угодья почти наверняка будут постепенно заброшены, ибо немеханизированный труд и по своей производительности, и по своей малой рентабельности, становится все более нежелательным в горных колхозах и совхозах. В индивидуальном хозяйстве, он, правда, дает более хорошие результаты. Теперь ясно, что горное террасное и склоновое земледелие с его неудобными для работы участками, невозможностью массового коллективного труда, применения техники, достижений НТР, большей частью неорошаемыми землями не следовало включать в орбиту насильственной коллективизации, а надо было оставить в руках индивидуальных владельцев.

Сколько было случаев в горах, когда участок, сад, мельница, перешедшие в собственность колхоза, но сохраненные за бывшими владельцами, которые работали при них в качестве сторожей, функционеров и т.п., давали хороший доход и процветали. И как много было случаев обратных. А ведь было принято первоначально правильное решение, по которому 26 горных районов были отнесены к районам террасного земледелия, а сами террасные пахотные участки не обобществлялись. Из 153,4 тыс. га (по другим данным – 147,2 тыс. га), занятых перед коллективизацией под горно-террасное земледелие, в индивидуальном владении колхозников осталось 60,1% всей площади. Еще 11,8% были в руках единоличников и только 20,8% (30,5 тыс. га) [123. Т. III. С. 3, 17; 124. С. 243] вошли в колхозные владения. Сказалось ли тут мудрость тех, кто понимал,

что террасные небольшие участки, требующие тяжелого индивидуального, не поддающегося механизации труда, не подходят для коллективизации, неизвестно. Но факт налицо, и правильное решение было принято. Да и сама коллективизация в горной зоне вначале происходила медленно, что считалось в порядке вещей [160. С. 188]. Потом начались насильственные мероприятия, и к 1937 г. в колхозах находилось уже 75% хозяйств горной части республики. К сожалению, положение об особом статусе террасных полей было отменено и веками сложившееся террасное земледелие стало разваливаться буквально на глазах. Лишь в последние годы предпринимаются отдельные попытки его возрождения, однако в основном только поливного террасного земледелия под многолетние насаждения. Несомненно, это очень правильное и перспективное начинание, но оно не должно быть единственным. Конечно, горно-долинное садоводство имеет ряд преимуществ, и они должны быть использованы. Вместе с тем уникальные природные условия и сейчас достаточно благоприятны для полевого земледелия, которое желательно возродить. Следует, по-видимому, подумать об использовании малокультурного земледелия для выращивания ценных, дорогостоящих культур, требующих много тяжелого ручного труда. При этом можно запретить применение химических веществ на горных террасных и склоновых участках. Во-первых, это позволит повысить стоимость производимой продукции, поскольку “чистые” плоды сельского хозяйства имеют намного более высокую рыночную стоимость, чем химически обработанные, и, во-вторых, будет способствовать улучшению состояния экологической ниши горных районов, качественно улучшит ее рекреационные, туристические и другие подобные возможности.

Теперь относительно типов орудий труда. Можно сказать, что их различие в равнинной и горной зонах стало менее ощутимым, чем в традиционных ХКТ. Дело в том, что и в горных районах теперь используется плуг, а рало, бывшее раньше единственным пахотным орудием, в общественных хозяйствах почти не применяется, да и в индивидуальных его осталось в очень малом количестве. Поэтому различия между пахотными орудиями заключаются в том, что отличается тяга (на равнине – только тракторная, в горах есть и упряжная); имеются особенности в конструкции самих плугов (например, однолемешный плуг в горной зоне и многолемешный с системой боронующих, сеющих и даже слегка поливающих агрегатов на равнине); совершенно разная в обоих ареалах масштабность применения плуга из-за отсутствия в горах достаточного количества угодий; отсюда и различие в фактическом использовании орудий, их производительности.

Ограниченные возможности механизации работ в горах лежат уже на совести конструкторов и руководителей промышленности, не создающих легкие и удобные, применимые в горных условиях ме-

ханизированные орудия. В Курахском районе мы видели моторизованную ручную сенокосилку для одного человека, весьма практичную и удобную для горных небольших участков, особенно с уклоном, и, конечно же, она оказалась не отечественного, а болгарского производства. Темпы и сравнительный удельный вес механизации в горах виден на таком примере. В 1927 г. усовершенствованные орудия и машины составили в горной части республики 0,3% всех орудий, в то же время на равнине они достигли 5,1%, т.е. в 17 раз больше [33. С. 100]. В последующие годы положение не изменилось. В горных колхозах и совхозах на одного работника приходилось 4,5 тыс. руб. основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения, в республике в целом – более 7,5 тыс., по другим данным даже больше – 8 тыс. руб. [65. С. 52; 26. С. 50]. При этом надо учитывать, что к производственным фондам горных колхозов и совхозов относятся и равнинные кутанные хозяйства, в которых сосредоточено большинство техники и животноводческих комплексов, составляющих наибольший удельный вес в производственных фондах горных хозяйств.

Как уже отмечалось, от фондообеспеченности и фондовооруженности зависит и производительность труда (производство валовой продукции в год на одного работника). В Дахадаевском районе, в совхозе “Урагинский” она составила 1067 руб., при средней в республике – 2603 руб., наивысшей в Кизлярском районе – 5445 руб. Выше мы приводили примеры, по которым в некоторых хозяйствах производительность труда была ниже 300 руб. В совхозе “Стальский” Агульского района она снизилась за 1981–1986 гг. с 1382 до 930 руб., в совхозе “Шимихюрский” Курахского района она увеличилась с 815 до 849 руб. [54. Дн. 1. С. 7, 41; Дн. 2. С. 30, 32; 53. Дн. 1. С. 6, 31].

Если взять средние индексы сумм валовой продукции по горным и равнинным районам, мы получим такие показатели: равнина – 3266 руб., горы – 1171 руб. [26. С. 75]. При этом не будем забывать вышеприведенные данные о соотношении животноводческой и земледельческой продукции по валу, удельному весу и рентабельности.

Таким образом, ландшафтно-структурные характеристики угодий, масштабы, обеспеченность пашней и продуктивность горного земледелия, специфика типа орудия, степень оснащенности техникой, отраженные в состоянии (и степени) фондообеспеченности, фондовооруженности и производительности труда, дают основания говорить о том, что тип земледелия горной зоны имеет свои особенности, по которым ее можно выделить в отдельный хозяйственный ареал.

Перейдем теперь к рассмотрению в этом же плане системы земледелия и ее составных частей – удобрения и орошения.

Система земледелия – удобрение и орошение. Принципиальных изменений в системе земледелия в горах не произошло. Она осталась вроде бы та же самая – паровая и плодосменная, но, как бы под-

тверждая законы диалектики, количественные изменения, отражающие упадок земледелия, привели к существенному изменению соотношений в названных системах. Выше мы уже говорили, что в горной зоне стало массовым явлением забрасывание обрабатываемых земель, и приводили данные по горному Дагестану, где с 1960 г. было заброшено 100 тыс. га. В некоторых случаях забрасываемые земли время от времени распахивали или занимали под многолетние насаждения. Так появляется абсолютно неизвестная ранее для горных районов залежь, которая постепенно превращалась в пустошь, целину. Трудно представить нынешнего жителя гор, трижды вспахивающего свои пары, а ведь очень многие горцы вспахивали свои участки до семи раз за один сезон. Поэтому в последнее время в горах сложилось парадоксальное положение в земледелии. Одни участки, более доступные, сравнительно крупные по размерам, в какой-то степени приспособленные для механизации, вспахивают и засевают каждый год, часто без паровой обработки, по рецептам бывшего уплотненного горского севооборота, но без плодосмены, к сожалению. Вот почему в Рутульском районе старожилы утверждают, что “до совхозов и пар соблюдали, и меньше площади сеяли, но имели и зерно, и солому (мякину), а теперь и тракторы вроде есть, и сеем каждый год, а сидим и без зерна, и без соломы”.

Вместе с системой изменилась и культура земледелия. В прошлом его культура была столь высока, что в зерновых посевах не было сорняков, и потому не требовалась прополка. На наш вопрос о причине отсутствия сорняков горцы отвечали: “А откуда им взяться? Пашню обрабатывали тщательно, неоднократно вспахивали, а семени зерно обмолачивали очень аккуратно, и иногда из снопов, собранных колосок к колоску. Действительно, откуда взяться сорнякам?” А ныне другая картина. На равнине произошла замена переложной, залежной системы уплотненной севооборотной, почти без пара (в последние годы он очень медленно и незначительно возрождается). В то же время в горной части происходит как бы обратный процесс – упадок паровой плодосменной при росте залежной и забрасывание земель.

Таким образом, можно говорить о достаточно очевидных особенностях системы земледелия в горной зоне, отличающих ее от земледелия на равнине. Это различие еще более усиливается при рассмотрении входящих в систему земледелия компонентов – удобрения пашни и ее орошения.

До революции для земледелия на равнине было типично полное отсутствие и даже неприятие удобрений. В отличие от равнины, в горной части, особенно в среднегорской, цитадели террасного земледелия, удобрения использовали в максимальной степени, не оставляя ни крупинки навоза. К сожалению, и в этом отношении положение изменилось далеко не в лучшую сторону. Вспомним общее состояние: земледелие “обленилось”, тяжелые трудоемкие работы в

Таблица 12
Динамика внесения минеральных удобрений
по зонам

Годы	Количество всех внесенных удобрений, т	Внесенные на равнине удобрения, т	Доля внесенных на равнину удобрений, %	Внесенные удобрения в горах, т	Доля внесенных удобрений в горах, %
1965	224 487	194 722	86,8	29 765	13,2
1975	950 179	808 245	85,1	141 934	14,9
1980	1 522 036	1 257 110	82,6	264 926	17,4
1985	1 714 476	1 427 053	83,3	287 423	16,7

заgone, трудные участки забрасываются, тяжелые процессы земледельческого труда просто ликвидируются, забываются.

Удобрение навозом, включая его сбор, подготовку и доставку на участки, было, как известно, одной из самых тяжелых и трудоемких операций в хозяйственном цикле горца. Нередко на труднодоступные участки горцы носили навоз на своих плечах, в тяжелых корзинах-сапетках. На равнине для облегчения этого труда использовали бульдозеры, собирающие навоз, тракторы-погрузчики и тракторные тележки. Поскольку в горах многое из этой техники оказалось недоступным, неприменимым, а тяжкий ручной труд был непроизводительным, психологически невозможным, то применение органических удобрений (навоз) в горах резко пошло на убыль. Раньше горцы удивлялись гигантским кучам навоза на окраинах равнинных селений, а теперь можно наблюдать и в горных селениях такие же громадные кучи вперемешку со всяким мусором и хламом. Забыта и другая прекрасная традиция прошлого – в дни весенних праздников сжигать весь хлам и барахло, накопившиеся за год.

В то же время необходимо отметить, что свои личные участки горцы удобряют и органическими и минеральными удобрениями, причем, последние, а также ядохимикаты используют все больше и больше. Можно отметить особенность, характерную для республики в последние годы: снижение массы вносимых на один гектар органических удобрений и увеличение минеральных удобрений в расчете на 1 га. Причем львиную долю этих удобрений используют на равнине. Сравним некоторые цифры (табл. 12) [22. С. 119; 26. С. 58, 90]. Как видим, в течение 20 лет количество минеральных удобрений, используемых равнинными хозяйствами, в 6–7 раз выше, чем в горах.

Это неудивительно, поскольку основная масса посевных площадей республики и производимой земледельческой продукции приходится на равнину. Это видно даже по данным внесения органических

удобрений, которое на равнине раньше не практиковалось, а в горной части оно было повсеместным и массовым. Удобрения выбирались без остатка, их просто не хватало (отчасти нехватке способствовала и насущная потребность в кизяке). Это можно проследить по косвенным данным. Так, распределение органических удобрений по культурам показывает, что удобрения в основном использовали для зерновых, кукурузы, овощных и бахчевых культур, посевы которых были сосредоточены на равнине. Тогда как на такую безусловно горную культуру, как картофель, приходится примерно десятая часть органических удобрений (11,6% в 1965 г., 9,2 – в 1970 г., 7,4 – в 1975 г., 5,1 – в 1980 г. и 5,7% в 1985 г.). Это снижение за 20 лет с 11,6% до 5,7% очень симптоматично. Оно связано с ростом потребления органических удобрений на равнине. Например, в 1965 г. на посевы зерновых и кукурузы, овощные и бахчевые было использовано 586,1 тыс. т органических удобрений из 693,5 тыс. т, что составляло 84,5% от всей массы удобрений; в 1970 г. – 697,2 тыс. из 715,6 тыс. т (96%); в 1975 г. – 663 тыс. из 749,1 тыс. т (88,5%); в 1980 г. – 823,7 тыс. из 1105,6 тыс. т (74,5%) и в 1985 г. – 854,4 тыс. из 1284,7 тыс. т (66,5%) [Там же]. Снижение в последние годы количества удобрений, использованных при выращивании полевых культур, объясняется быстрым развитием виноградарства на равнине, которому в эти годы отдавалось предпочтение перед всеми остальными культурами. Намного опережающий рост внесения органических удобрений на равнине и уменьшение его применения в горах не подлежат сомнению. Так, в Магарамкентском равнинном районе внесение органических удобрений с 1975 по 1985 г. более чем удвоилось: 1975 г. – 15 496 т, 1980 г. – 35 619, 1985 г. – 32 600 т [54. Дн. 2. С. 156, 157]. Таким образом, в этом элементе системы земледелия мы видим как бы перемену операций и радикальное смещение акцентов. Оно обусловлено изменениями в самом характере системы земледелия. Трудности полевого земледелия вызвали его упадок в горах, увеличили число перелогов, залежей и даже бросовых земель, как это было в прошлом на равнине. Это стало причиной уменьшения вносимых удобрений. В то же время интенсификация земледелия на равнине, отказ от перелогов и залежей привели к усиленному применению удобрений, которые стали здесь важным компонентом системы земледелия.

Перейдем теперь к другому элементу земледелия – орошению. В дореволюционных горных ХКТ оно было развито в среднегорном ХКА, но мало распространено и не развито в высокогорном ХКА. Впоследствии положение в обоих ареалах сблизилось, и поэтому теперь можно говорить об орошении в горной зоне в целом. Останемся на масштабности орошения. В 1913 г., в год наивысшего подъема орошения в горном Дагестане, было до 10 тыс. дес. орошаемых площадей, что составляло 7% от всех орошаемых земель (142 тыс. дес.) Дагестана. Это положение с небольшими отклонениями сохра-

нялось на протяжении всего советского периода, даже несколько сокращаясь (в 1935 г. – 6,5%, в 1985 г. – 5%) [26. С. 79; 159. С. 82, 83; 12. За 1913 г. С. 8]. Эти данные свидетельствуют об отсутствии роста орошаемого земледелия в горной части в целом. Правда, данные статистики по районам горной части показывают, что в горах происходит значительный рост орошаемых площадей. Так, в 1980 г. их площадь увеличилась с 58 200 га до 63 093 га, причем, увеличилось и их соотношение с площадью орошаемых земель всей республики (от 21,3 до 21,7%) [26. С. 79]. К сожалению, это не совсем так. Дело в том, что почти весь прирост посевных площадей, в том числе, и орошаемых хозяйств горной зоны, происходит за счет выделенных им на равнине земель (на прикутаных землях). О том, насколько невелик удельный вес орошаемой площади в горах свидетельствуют такие цифры: орошаемая площадь на душу населения на равнине составляет 0,47 га, а в горной части – 0,16 га. Однако, если вычесть из 63 093 га числящихся за горными районами орошаемых земель примерно 50–60 тыс. га (по разным источникам) используемых горными хозяйствами равнинных угодий, то на душу населения в горной части придется от 0,008 до 0,034 га.

Далее, следует учитывать, что орошение в горной зоне обращено в основном не на полевое земледелие (зерновые, кормовые, бахчевые), как на равнине, а на многолетние насаждения. Это историческая особенность горной зоны, обусловленная природно-географическими и экономическими факторами. Вода для орошения имеется главным образом в долинах, где можно было выращивать высокопродуктивные сады, дающие большой доход и возможности для получения зерна посредством обмена плодов или покупки. Эти экологические факторы действуют и в наше время. Горно-долинное садоводство доказало свое право на жизнь, прежде всего высоким качеством продукции. Поэтому приверженность к садоводству в долинах и занятия садами всех земель, пригодных для орошения, сохранились. Между тем, подавляющая часть поливных земель республики приходится на пашню – 73%, и только 23% – на многолетние насаждения. Это еще одно свидетельство в пользу положения о масштабности орошения именно на равнине, где находится и основная пашня республики.

Следует сказать еще о технике орошения. В горах она сохранилась на уровне начала XX в. Здесь мы не встретим ни широких магистральных каналов, ни крупных трубопроводов-водоводов, ни лотковых канав, ни дождевальных установок и пр. Многие из перечисленного невозможно осуществить из-за особенностей ландшафта. Некоторые технические достижения недоступны горным хозяйствам, так как они дорогостоящи и не могут быть использованы в течение всего года.

Таким образом, система земледелия горной зоны обладает в пределах дагестанской ИКО свойствами, характерными для данного

ареала. В отличие от равнины, здесь происходит упадок паровой системы и внедрение залежной; в противоположность равнинной части, где раньше не было удобрения пашни, а теперь оно сильно распространено, происходит ослабление традиции и массовости удобрения, а орошение, еще один элемент системы земледелия, также теряет свои позиции по сравнению с дореволюционным временем как по степени бытования, так особенно по удельному весу в общедагестанском масштабе. Система орошения сохранила свои особенности, отличающие ее от равнинной, главная из которых – целенаправленность на нужды горно-долинного садоводства.

Садоводство, виноградарство, овощеводство. Садоводство было в прошлом развитой и высокодоходной отраслью горного хозяйства и являлось одним из признаков среднегорного (горно-долинного) хозяйственного ареала, хотя и не было (и не могло быть) таким масштабным, как на равнине и в нижнем предгорье. По масштабу отрасли, ее удельному весу современное садоводство не может считаться компонентом хозяйственного типа горной части, имеющим дифференцирующие свойства. Но оно обладает рядом признаков, которые отличают его от садоводства равнинной зоны. В прошлом садоводство горной зоны имело хотя бы то отличие, что оно было специализированной отраслью, нацеленной на обмен, в то время как равнинное было более потребительским. Впоследствии акценты изменились. Равнинное садоводство стало крупной отраслью хозяйства равнины, поставляющей свою продукцию во многие регионы страны. Теперь горцы из горно-долинных сел не смогли бы обменивать свою садоводческую продукцию на равнинное зерно, впрочем они и не стремятся к этому. Нарушение этих связей вызвано не только появлением на равнине садов там, где их раньше не было или было мало, но и особенностями сдаточно-распределительной системы. Ныне садов на равнине больше, чем в горной части, и они более современны, культивируют наиболее урожайные и популярные в мире американские и французские сорта, пользующиеся более высоким спросом (например, джонатан, делишес, голден делишес, старкинг, кюре, сенжермен и др.). Вот как выглядят сравнительные площади садов в обеих зонах (табл. 13). [21. С. 84; 26. С. 88].

Из этих данных видно, что в республике повсеместно происходило сокращение плодово-ягодных насаждений, причем на равнине это было более масштабно и интенсивно. Например, на равнине от наибольшего показателя 1970 г. до 1985 г. площади уменьшились на 15 681 га, что составляло почти 40% насаждений, а в горах от наивысшего показателя 1965 г. до 1985 г. сократились на 5091 га – 34%. Большой масштаб сокращения объясняется и тем, что за все эти годы насаждения равнины в 2–3 раза превышали садовые площади горной части. Например, в 1960 г. доля садовых насаждений на рав-

Таблица 13

Соотношение и динамика площади садов по зонам, в га

Годы	Площадь садов на равнине	Площадь садов в горах	Всего
1960	32 031	13 979	46 010
1965	36 661	15 012	51 616
1970	39 710	12 477	52 185
1975	32 401	12 313	44 714
1980	28 565	11 541	40 106
1985	24 027	9921	33 948

нине составила 69,6%, в горах – 30,4%. В 1965 г. соответственно 70,9 и 29,1%, в 1970 г. – 79 и 21%; в 1975 г. – 72,4 и 27,6%; в 1980 г. – 71,2 и 28,8% и в 1985 г. – 70,7 и 23,3% [26. С. 79]. Эти же данные показывают, что несмотря на происходящее сокращение, равнинное садоводство – более масштабное и мощное, чем в горах. Однако в горной части все-таки наблюдается большее развитие садоводства по сравнению с полевым земледелием. Сады равнины составляли в 1980 г. 8,7% всей пашни и в 1985 г. – 7,1%, а в горной зоне соответственно 9,7 и 8,2%.

Если же сравнить отдельные равнинные районы с развитым садоводством и горно-долинные районы, то разница в удельном весе будет намного больше. Например, в Хасавюртовском равнинном районе отношение площади садов к площади всей пашни составляет в 1980 г. 8,8% и в 1985 г. – 7,8%, в Кизилюртовском районе соответственно 12 и 12,1%, а в Карабудахкентском и того меньше – 4,5 и 3,6%. В то же время в горных районах, включающих горно-долинные села, это соотношение значительно больше: в Ботлихском – 14 и 14,7%, Гергелельском 31,6 и 34,1%, Унцукульском – 36,2 и 33,9%, в Ахтынском – 37,2 и 37% [26. С. 78, 88]. Принимая во внимание, что в общую площадь пашни горных районов входят и равнинные прикутаные земли, а сады были сосредоточены в горной части, эти показатели удельного веса садоводства следует считать высокими для горных районов. Отметим, что и рентабельность производства плодов в горной зоне довольно высокая – 41,6%, а также выход валовой продукции на 1 га – 1759 руб., при этом чистый доход косточковых плодов на 1 га приближается к 1 тыс. руб. [66. С. 64, 65], что является безусловно высоким показателем не только для горных районов. В целом по республике даже валовая продукция земледелия, не говоря уже о чистом доходе, с учетом продукции мощного механизированного земледелия равнины, составляла только 552,7 руб. (в садоводстве горной зоны с учетом и малорентабельных семечковых

этот показатель, как мы видели, достигал 1759 руб. – в три с лишним раза больше). Нет ничего удивительного в том, что занимая около 34 тыс. га (1,2% сельскохозяйственных угодий республики), плодовые насаждения давали почти 20% валового объема продукции растениеводства [194. С. 67]. Однако за этими благополучными цифрами нельзя не видеть того факта, что площадь плодовых насаждений в горной части сократилась за 20 лет (1965–1985 гг.), как мы видели, более чем на 5 тыс. га (15 012 га в 1965 г. и 9921 га в 1985 г.). Садоводство развивается экстенсивно, высока доля забрасываемых земель, низка урожайность, причем дело не только в том, что не применялась современная агротехника, технология, механизация, но и в том, что плохо учитывались традиционные методы выращивания и ухода за деревьями, способы народной селекции, прививки, окулировки, способы полива и т.п. Раньше горец еще не создав участка, не имея собственно полезной площади, уже сажал дерево, чтобы “зацепиться” за склон, постепенно выравнивая его, а к концу 80-х годов в горах пустовало 6 тыс. га готовых садопригодных земель, не говоря уже о склонах, которые можно превратить в отличные садовые участки.

Раньше в горных долинах росли яблони, которые давали 1–2 т яблок с дерева, а отдельные грушевые деревья (гимринский сорт) давали до 4–5 т плодов с дерева, а в колхозах и совхозах средняя урожайность с 1 га составляет 2 т (65, с. 52). Вот почему на фоне все расширяющегося отгонного скотоводства садоводство в горах выглядело довольно бедновато. Достаточно сказать, что удельный вес доходов только овцеводства в одиннадцатой пятилетке в хозяйстве горной зоны составил 40%, а садоводства – 4,8% [Там же. С. 52]. Нельзя сказать, что в этом виновата система закупочных цен. Напротив, экономисты считают, что эти цены ущемляют именно скотоводство. Например, 1 кг баранины государство покупало за 98 коп., а 1 кг абрикосов – за 1 руб., что явно нарушало закон стоимости (на рынке та же баранина стоила 5–7 и даже больше рублей за 1 кг) [177. С. 33, 34]. Исходя из сказанного, можно заключить, что садоводство горной части выделяется своей малой масштабом, преимущественно террасным характером, отсутствием механизации, определенной приверженностью к некоторым традиционным сортам (например, “гимринская” груша, яблоко “мигинц”, абрикос “шиндахлан” и др.). Отметим еще одну сторону. Здесь садоводство более перспективно как достаточно существенная, перспективная отрасль, в то время как на равнине господствующее место занимают зерновое земледелие, кормовые культуры и виноградарство. Заметим, что интенсивное сокращение плодово-ягодных насаждений на равнине во многом взаимосвязано с ростом виноградарства, изысканием для него дополнительных площадей в орошаемой зоне. Не случайно годы наибольшего сокращения площади садов на равнине совпали по времени с наибольшим приростом виноградных насаждений (табл. 14) [21. С. 86; 26. С. 89].

Таблица 14

**Динамика соотношения площадей
садов и виноградников на равнине, в га**

Годы	Площади, занятые под сады	Площади, занятые под виноградники
1970	39 708	37 279
1975	32 401	51 347
1980	28 565	63 800
1985	24 027	61 104

Как видим, виноградарство за 15 лет сделало очень большой скачок, причем рост площадей происходил в основном за счет равнинной зоны. Виноградарство в горной части по своим масштабам, характеру и назначению осталось на дореволюционном потребительском уровне. Его росту мешали и отсутствие площадей, и природно-географические условия, и отсутствие винодельческих традиций. Способствовать росту в этой отрасли не мог и механизм сдаточно-распределительной экономики. Поэтому виноградарство смело можно считать для горной части отрицательным дифференцирующим признаком, ибо на равнине оно, напротив, сильно развито. Некоторый прирост в горных районах произошел за счет организации на равнине хозяйствами виноградарских отделений, например, хозяйствами Дахадаевского, Левашинского, Ахтынского, Курахского. В целом же можно считать, что виноградарство почти отсутствует в горах как отрасль и является развитой отраслью на равнинной части. Самый высокий показатель удельного веса площадей виноградников горной части от общей площади достиг лишь 6,3% в 1960 г., в 1965 г. – 4,5, в 1970 г. – 3,5, в 1980 г. – 5,2, в 1985 г. – 5%. Еще более впечатляющая картина получается, если сравнить валовые сборы: 1960 г. – 2% от всего валового сбора, 1965 г. – 2,1, 1970 г. – 3, 1975 г. – 6,9, 1981 г. – 1,5, 1985 г. – 3,5%, 1981–1985 гг. среднегодовой показатель – 2,5% [21. С. 100; 26. С. 100]. Из этих цифр видно, что дело было не только в небольших масштабах площадей, но и в менее промышленном характере виноградарства горной зоны, недостаточной его механизированности, слабости материально-технической базы, фондообеспеченности. Поэтому можно полагать, что виноградарство гораздо в большей степени, чем садоводство, может считаться признаком для горного хозяйственного типа дагестанской ИКО.

Аналогичное и даже более четкое разделение свойств ХКТ мы видим и в рисосеянии. Говоря о равнинном хозяйственном типе, мы указывали, что эта отрасль является его характерной особенностью. С таким же правом мы можем говорить, что рисосеяние совсем не ти-

Таблица 15

Удельный вес площадей овощных культур в горах

Годы	Количество всех площадей овощных культур, тыс. га	Количество площадей овощных культур в горах, тыс. га	Доля площадей овощных культур в горах, %
1950	6,0	0,1	–
1955	7,5	0,3	–
1965	8,2	1,0	–
1970	9,5	1,1	11,6
1975	9,7	0,6	6
1980	12 572	1850	15
1985	12 699	1594	13

пично для горных хозяйств и те небольшие площади, которые отражены в статистике (1970 г. – 1,1 тыс. из 11,5 тыс. га, 1975 г. – 0,2 тыс. из 24,2 тыс. га, 1980 г. – 1,6 тыс. из 26,5 тыс. га), расположены на равнинных прикутаных землях горных колхозов и совхозов [22. С. 170; 26. С. 83]. Следовательно, рисосеяние также можно причислить к дифференцирующим компонентам хозяйственного типа, имея в виду “оппозицию” горы – равнина, культивируется – не культивируется.

Остается сказать несколько слов об овощеводстве. Как и рис, карма, виноград, требующие больших площадей и механизированного труда, овощи не являются характерной для горной части культурой. Сравним некоторые данные, характеризующие удельный вес посевов овощей горной части в республике (табл. 15) [22. С. 173; 26. С. 85].

Традиционно овощными (относительно) в горной части являются несколько районов, причем и эта традиция берет начало в основном лишь с послевоенных лет. К 1950 г. в Ахтынском районе было 100 га посевов овощей. В 1955 г. на Ахтынский, Докузпаринский, Левашинский – приходилось 300 га. В дальнейшем посевы овощей появились у 7–10 районов; львиная доля всех посевов падает на три района – Акушинский, Ахтынский и Левашинский (1980–1985 гг. – 67%). С овощами, таким образом, положение примерно такое, как с садоводством, даже более четкое – слабое развитие отрасли при сильно развитой и масштабной на равнине позволило провести своеобразную дихотомизацию: слабая отрасль – развитая отрасль. Иное положение сложилось с картофелеводством. Равнина почти его не знает. Отдельные высотные части предгорных районов (верхнее предгорье) фактически относятся, как мы уже указывали, по своему хозяйственно-культурному облику к среднегорью и, таким образом, на долю равнинно-предгорного ХКА почти не остается посевов и

Таблица 16

Площадь посевов картофеля по зонам

Годы	Площадь посевов в горах, тыс. га	Доля посевов, %	Всего, тыс. га
1965	8,0	83,3	9,6
1970	7,7	85,5	9,0
1975	7,8	85,7	9,1
1980	7,2	84,5	8,5
1985	9,0	88,9	10,1

производства картофеля. Приведем данные о посевах картофеля в горах (табл. 16) [22. С. 172; 26. С. 86].

Нет, таким образом, сомнений в том, что картофелеводство является характерной чертой горных районов. Отметим, что районы культивирования картофеля в основном совпадают с овощными районами, особенно культивирующими капусту, и отчасти с районами, практикующими садоводство (например, Ахтынский и Левашинский).

Садовые насаждения тяготеют к долинам, а овощи к плоскогорьям. Если высота участка не ниже 800 м над уровнем моря, то посеы овощей (особенно опять-таки капусты) располагаются в междурядьях плодовых деревьев.

Подведем итоги. По перечню некоторых основных сельскохозяйственных культур отметим, что культивирование (или отсутствие такового) каждой из них позволяет говорить о зональной специфике. Например, в садоводстве это немасштабность, преимущественно террасовый характер, отсутствие механизации, приверженность к традиционным (особенно в косточковых) сортам, более высокий удельный вес в растениеводстве, чем на равнине.

Виноградарство можно определить как фактически отсутствующее. То же самое можно сказать о возделывании риса. Овощеводство следует отнести к другой степени "оппозиции": малораспространенная отрасль – масштабная отрасль. Из этого ряда больше других выделяется картофелеводство.

Заключая раздел по земледелию, рассмотрим цикл трудовых операций.

Трудовые операции земледельческого цикла. Основная операция – пахота, и она существенно отличается от методов и способов вспашки на равнине. Мы уже отмечали в предыдущей главе, что пахота и многие другие операции на равнине были механизированы полностью.

Описывая тип земледелия, мы указывали на внедрение плуга и в горах, постепенное забрасывание рала.

Приближение типа земледелия к равнинному типу в горах происходило своеобразно. Более или менее обширные участки плоскогорья распахиваются тракторными плугами, а не поддающиеся механической обработке – забрасываются. В целом вспашка в горных районах различается: плуг часто одинарный, без других приспособлений, сохранилась живая тяга (волы, лошади). На фоне равнинного механизированного земледелия вспашка настолько отличается масштабами, вооруженностью, качеством, особенно на малоконтурных участках, что можно говорить об "оппозиции": вспашка в горах – пахота на равнине.

В бороновании примерно сходная картина. Хозяйства равнины сохранили и приумножили свою приверженность к боронованию, внедрили тракторные бороны и другие рыхлители, в горах этот процесс происходил гораздо медленнее и менее масштабно. В индивидуальных хозяйствах боронование применялось редко. Там еще часто можно видеть разбивание комьев обухами мотыг и топоров. И сохранилась традиционная закономерность: там, где вспашка производится ралом, боронование не проводилось. Однако провести принципиальное взаимоисключающее различие, как это было в дореволюционных хозяйственных типах, в современных пахоте и бороновании не удастся. Можно сказать, что здесь наблюдается частичное действие "эффекта применимости", выразившееся в масштабах, удельном весе механизированности. Аналогичная ситуация складывается и в отношении других земледельческих операций.

Относительно ручной прополки и мотыжения можно сказать, что они сохранились в горной части, особенно в высокогорье и в небольших хозяйствах, в индивидуальном секторе. Эти операции стали особенностью хозяйств горных районов, поскольку на равнине они не сохранились. Однако надо отметить всеобщий процесс уменьшения ручного труда во всех операциях не благодаря росту механизации, а по причине психологических дихотомических оппозиций "на равнине – у нас". Можно сказать, что на горные хозяйства, на все операции ручного характера распространилась своеобразная болезнь "лени", заключающаяся в неприятии ручного труда при отсутствии предпосылок и возможностей его механизировать.

Иное положение в жатве и обмолоте. На равнине хозяйства уже давно объединили эти два цикла в один путем применения прямого комбайнирования. В горной же части (особенно в высокогорье) еще сохранилось достаточно много ручной жатвы и обмолота с помощью молотильных досок и стационарных молотилок. Прямое комбайнирование здесь возможно лишь на некоторых плато (Хунзахское, Левашинское и др.). В этой сдвоенной (жатве–обмолоте) операции качественное различие благодаря действию "эффекта применимости" не сглаживается, а нарастает. Отметим также своеобразную

метатезу в обмо́лоте. Распространенный в прошлом повсюду, в том числе и на равнине, “бедняцкий” обмо́лот, имевший место при небольших количествах обмолачиваемой массы (отбивание палками, колотушками, хлестание о камни, вытаптывание и т.п.), стал особенно среднегорного и особенно высокогорного хозяйства, преимущественно индивидуального.

Охарактеризовав земледелие горной части, отметим прежде всего, что в среднегорье и высокогорье оно стало одноплановым и имеет второстепенное значение. Общим для обоих типов стало уменьшение зависимости от животноводства. Происходит это сближение также из-за прогрессирующего уменьшения масштабов земледелия в среднегорье и забрасывания террас, сближения форм обрабатывающих орудий. По всем параметрам они различаются от равнинного типа хозяйств, и следовательно можно говорить о дифференцирующих свойствах земледелия горной части дагестанской историко-культурной области. Такие же различия, которые позволяют говорить о дифференцирующих особенностях элементов горного земледельческого типа, мы видели в системах земледелия (исчезновение перелога и залежей на равнине, внедрение плодосменного севооборота и увеличение в горах перелога и залежей); использование удобрений в горной части стало меньшим, а на равнине их применение возросло; в орошении сохранилась традиционная дифференциация: неразвитость в горной части и масштабность на равнине.

В отношении зернового земледелия и кормовых культур контрастность увеличилась по уровню механизации и по площади обрабатываемых угодий.

В садоводстве – это немасштабность, террасовый характер, более высокий удельный вес растениеводства; примерно такое же положение в овощеводстве. Для гор типично отсутствие виноградарства и производства риса (в отличие от равнины). В овощеводстве различия не так четко выражены, за исключением картофелеводства.

В операциях земледельческого цикла можно отметить сближение в пахоте (продвижение плуга и бороны в горы), увеличение “ножниц” в масштабности вспашки. Разница между зонами заключалась в масштабах и степени механизации по принципу “эффекта применимости”. В жатве и обмо́лоте, которые благодаря прямому комбайнированию объединились, различий между зональными типами больше: на равнине – стопроцентное комбайнирование, в горах – сохранение ручной жатвы и стационарного обмо́лота.

В целом земледельческая отрасль горной зоны выступает как единая для среднегорья и высокогорья, и как целое – противостоящее, отличающееся от земледелия равнины. Это дает нам право говорить о дифференцирующих признаках и свойствах (особенностях) не только отдельных компонентов земледелия, но и отрасли в целом.

Скотоводство. Скотоводство – главная отрасль горной зоны. Это одно из тех общих начал, которые объединили два бывших традиционных хозяйственных типа: среднегорный (оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов) и высокогорный (оседлых подвижных скотоводов и пашенных земледельцев).

Выше мы уже указывали, что изменения в масштабах и типе земледелия в среднегорье способствовали унификации отраслей среднегорья и высокогорья и формированию единой по облику земледельческой отрасли, находящейся в одинаковом соотношении по масштабам, удельному весу, развитию со скотоводством.

Исходной точкой для развития скотоводства среднегорья послужило наделение горных хозяйств равнинными зимними пастбищами, что намного улучшило материально-кормовую базу горного отгонного скотоводства, способствовало его расширению, распространению вглубь и вширь, росту масштабов, рентабельности, доходности. При этом упадок земледелия усилил позиции скотоводческого хозяйства за счет частичного переложения трудовых и материальных ресурсов. А когда соседние республики стали ограничивать пользование зимними пастбищами на их территории, высокогорное подвижное скотоводство перешло на форму отгонного скотоводства и стало однотипным со среднегорным. В результате в формах скотоводства происходят сложные многофакторные, порой противоречивые процессы. С одной стороны, дальнейшая стационаризация равнинного скотоводства, с другой – усиление и превращение в господствующую отгонной формы в среднегорье и высокогорье. Это сблизило их между собой, одновременно отдалив от равнинного скотоводства. Кроме того, наметилась тенденция к стационаризации и в отгонном скотоводстве, проявляющаяся в перенесении содержания части отгоняемого скота на кутанные хозяйства (целый год).

Соответственно происходило дальнейшее размежевание образа жизни равнинных и отгонных скотоводов с одновременной интеграцией деятельности всех горных скотоводов за счет исчезновения подвижности. К тому же намечается стационаризация образа жизни отгонных скотоводов за счет кутанного содержания скота в рамках кутанного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Все эти процессы происходили на фоне увеличивающейся роли скотоводства в хозяйстве горной зоны. В конце 80-х годов животноводство давало 83% общего объема товарной продукции горной зоны [67. С. 70]. Если добавить к этой цифре долю продукции садоводства и картофелеводства, то для продукции зернового хозяйства не остается места, так как горные хозяйства не имели плановых заданий по зерну. Его они полностью потребляли сами, причем в значительной степени на нужды скотоводства.

Теперь относительно симбиозности скотоводства с земледелием (о симбиотической триаде). В отличие от равнины, триада (корма–рабочий скот–удобрения) единства была мало выражена в горной части и совсем незначительно – в высокогорной.

Причем, если в равнинной части на первый план выступала пара “корма–рабочий скот”, то в горной, напротив, “рабочий скот–удобрения”. В современном горном хозяйстве актуальность удобрения также уменьшилась, земледелие (особенно зерновое) пошло на убыль, соответственно уменьшилась потребность в рабочем скоте (частично и в связи с механизацией), что в конечном счете привело к ослаблению связей между компонентами триады. При этом и в горной части происходит перемещение акцента на корма для скота, но уже в связке участвует не преимущественно рабочий, а весь скот. А поскольку современное земледелие не масштабное, то связи в триаде оказываются все менее тесными. Они неуклонно регрессируют. Но в отличие от равнины рабочий скот здесь сохранился, даже в земледелии, особенно поближе к высокогорью, используется он и в транспорте, грузовых перевозках. Например, в колхозе им. Мирзабекова (с. Шиназ) Рутульского района в 1978 г. поголовье КРС насчитывало 432 головы, из них 120 коров и 53 головы рабочего скота, что в общем-то отвечает традиционному соотношению продуктивного и рабочего скота в высокогорье. В 1986 г. это соотношение значительно изменилось – 129 коров и 36 волов [52. С. 28], еще более резко выражено это уменьшение в совхозе “Урагинский” Дахадаевского района – в 1988 г. 133 головы продуктивного скота и 10 волов [55. С. 10].

Но есть и такие хозяйства, в которых количество волов даже увеличивалось, например, в колхозах “Красный партизан” (с. Михрек) (1978 г. – 9 волов, 1986 г. – 13 волов) и “Коммунист” (с. Верхний Катрух) (соответственно 11 и 20) [52. С. 29, 33]. Но есть в отношении рабочего скота и другой аспект. Вол – четко выраженное земледельческое рабочее животное и уменьшение его поголовья в общем-то закономерно и прямо связано с упадком земледельческого хозяйства. А разведение и использование лошадей в Дагестане связано преимущественно со скотоводством, в частности овцеводством, и их поголовье не могло уменьшаться по тем же причинам, так как это могло отразиться на функционировании отрасли. Известно, что подвижное и отчасти отгонное овцеводство в определенной мере связано с коневодством, ибо сравнительно далекие передвижения в горах, тем более с грузом, и особенно в высокогорье “почти невозможны без лошади” [185. С. 47]. В связи с этим интересно привести такое соотношение: в совхозе “КИМ” Агульского района при двух волах в 1987 г. было 65 лошадей, в совхозе “Стальский” соответственно – 2 и 47 [53. Дн. 1. С. 25, 34]. В колхозе им. Мирзабекова поголовье лошадей увеличилось с 22 голов в 1978 г. до 28 в 1986 г., в колхозе им. XX партсъезда соответственно с 11 до 20 голов, в совхозе “Рутульский” с 18 до 25 голов и т.д. [52. С. 29, 37, 40]. В Курахском районе в 1987 г. было 346 лошадей [54. Дн. 1. С. 38]. Если иметь в виду, что перевозить хлеб из Закавказья на лошадях уже было не нужно, и их содержание связано только со скотоводством, эта цифра не так уж мала.

Однако самая специфическая черта горного скотоводства – это отгонный характер, но с постоянно функционирующим прикутаным скотоводческо-земледельческим, в иных случаях даже земледельческо-скотоводческим хозяйством ввиду наличия у отдельных хозяйств значительной зерновой и кормовой базы. Так, прикутанные земли Ботлихского района в Бабаюртовской зоне отгонных пастбищ составляют 17,6 тыс. га, и из них больше половины – 9,1 тыс. га, – это пахотные земли [107. С. 18]. В общей сложности горные хозяйства имеют в равнинной зоне до 800 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них свыше 75 тыс. га пахотных и около 700 тыс. га пастбищных [215. С. 128, 129]. По данным А.Н. Муртилова горные колхозы к концу 70-х годов имели на равнине 560 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них пашни – 60,6 тыс. га (10,8%), сенокосов – 31,5 тыс. (5,6%), пастбищ – 463 тыс. га (82,7%). Отметим, что по любым источникам количество пахотных земель и пастбищных земель, выделенных на равнине, превышало их количество, имеющееся у горных хозяйств в пределах собственной зоны. Больше всего земель выделено на равнине в Ногайском районе – 231,7 тыс. га (пастбища – 88,3%), Бабаюртовском – 174,1 тыс. (пастбища – 70,1%), Кизлярском – 63,5 тыс. (пастбища – 84,7%), Тарумовском – 60,8 тыс. (78,6% пастбищ) и в Кизилюртовском – 51,2 тыс. га (71,7% пастбищ) [153. С. 56, 62].

Например, хозяйства Дахадаевского района получили на равнине 60 034 га, почти вдвое больше имеющихся собственных горных угодий (37 865 га). Хозяйства Рутульского района получили 68 543 га (при своих 41 435 га), Чародинского – 62 896 (при 38 076 га своих) [Экспликация земель Дахадаевского, Рутульского и Чародинского районов. 43. С. 156–173; 47. Тетр. 2. С. 144, 179]. Отметим, что в зоне орошаемого земледелия, в частности в Бабаюртовском и Кизилюртовском районах удельный вес пастбищ сравнительно невысок, что свидетельствует о большом удельном весе пахотных угодий в выделенных в этой зоне землях. А это говорит о целенаправленной политике, попытках создать на основе прикутанных земель зерно-кормовую базу для интенсивно растущего отгонного скотоводства. Со своей стороны, горные хозяйства пытались не только создать такую базу, но и перевести на постоянный равнинный стационар часть своего скота, особенно КРС и породный скот, менее приспособленного к отгону и теряющего при отгоне свои продуктивные качества, не говоря уже о массовом падеже. Процесс этот начался уже в 50-е годы. В 1953 г. горные колхозы оставили на равнине, в Кочубейской зоне отгонных пастбищ, 3–4 тыс. овец-мериносов. К 1964 г. эта цифра возросла до 150 тыс.

Еще “масштабнее” это явление для КРС. В 1951 г. на равнине содержалось круглый год 20,2% КРС, в 1961 г. – 22,8%, в 1966 г. – 24,2, в 1977 г. уже 44% КРС (коров – 47%) [21. С. 121, 122; 22. С. 193; 57. С. 41] находилось на равнинном стационаре.

В колхозе им. Г. Саидова Кулинского района из 2296 голов КРС 1025 (775 нагульных и 250 коров) содержалось на равнине стационарно. В колхозе "Путь коммунизма" этого же района на стационаре находился весь нагульный скот в 200 голов из общего поголовья КРС в 1510 голов. В совхозе "Ругуджинский" Гунибского района, напротив, на равнине содержался круглый год весь молочный скот (550 голов), а в колхозе им. Омарова-Чохского этого же района из 2102 голов КРС – 70,5% было на равнинном стационаре. Еще один пример – колхоз им. Кирова Советского района, на горном стационаре находилось 56% поголовья КРС, а 23% – на равнинном [46. С. 27, 66, 67, 80, 93].

И тем не менее, стационаризация на равнине не могла приобрести масштабного массового характера, ибо для этого на равнине нет соответствующей кормовой базы и поэтому горное скотоводство остается преимущественно отгонным, а для общественных хозяйств – господствующе отгонным. При этом львиная доля корма, потребляемого скотом, падает на горные пастбища, кормоемкость которых в 3–8 раз превышает кормоемкость зимних равнинных пастбищ (от 400 до 1200 голов МРС на 100 га в среднем) [190. С. 265; 52. С. 9; сравните с другими регионами Кавказа: 211. С. 102; 200. С. 118]. А таких пастбищ в горной зоне около 500 тыс. га (490,5 тыс. га, по другим данным – 476,3 тыс. га). По некоторым другим расчетам, с учетом менее ценных угодий, горных пастбищ набирается 700 тыс. га. К ним можно присоединить 930 тыс. га склонов и осыпей, которые могут быть использованы для выпаса местных пород овец и коз. В большинстве высокогорных районов пастбища имеются в достаточном количестве для летнего выпаса и частично используются хозяйствами среднегорья. Так, в Кулинском районе имеется 113,1 тыс. га пастбищ (95,1% всех угодий района) [207. С. 128, 129; 146. С. 58]. Поэтому и большая часть продукции скотоводства горной зоны производится за счет естественных кормов. Например, в 1976 г. за счет этих кормов было произведено 67% молока, 75% привеса КРС и 77% привеса МРС горной зоны [201. С. 31, 32].

Следовательно, горные районы даже при использовании кутаных земель для стационарного содержания скота, особенно КРС, оставались зоной отгонного скотоводства. В 1979 г. 95,2% овец и 45,2% КРС горной зоны (общественных хозяйств) содержались посредством отгонного содержания. Индивидуальный скот, разумеется, отгоняется в меньшей степени, особенно КРС (40% – МРС и 2% – КРС).

В совокупности отгоняется 80% МРС и 20% КРС горной зоны [80. С. 24].

В связи с отгонным содержанием мы должны отметить одну особенность горного скотоводства, напоминающую психологический стереотип "лености" в земледелии и связанную с наделением горных хозяйств равнинными угодьями. В горном Дагестане, особенно в вы-

сокогорье как более удаленном от равнинных пастбищ и имевшем большой удельный резерв собственных горных пастбищ, в том числе годных для зимнего выпаса, раньше была распространена внутриальпийская система содержания скота. Быстрый рост хозяйств с прикутанскими зернокармными угодьями привел к упадку этой несомненно полезной и практичной формы содержания скота. Особенно выгодно и экономически рентабельно было содержать в условиях горного стационара овец местных пород. Приведем такой пример: содержание одной овцы на зимних равнинных пастбищах обошлось хозяйству Рутульского района в 59 руб., а выручка от ее продажи государству – всего 28 руб. На рынке хозяйство получило бы за эту овцу 110–115 руб. В то же время в колхозе им. Мирзабекова этого же района (с. Шиназ), практикующего традиционную внутриальпийскую форму безотгонного содержания, показатели рентабельности овцеводства за три года на 26,9% выше, чем в районе, и на 5,6% выше, чем в колхозах всех остальных районов. А рентабельность производства шерсти (91,1%) в три раза выше, чем в хозяйствах отгонного скотоводства горной зоны. Такая же картина в колхозе им. Махмуда Ундуккульского района, также практикующего безотгонное содержание овец [153. С. 59; 177. С. 33, 34]. Эти примеры свидетельствуют, что безотгонную форму содержания скота там, где есть резервы горных зимних пастбищ, надо постепенно возрождать и восстановить местные породы овец. Это дало бы дополнительные возможности и для увеличения равнинного стационарного содержания тонкорунных пород овец и высокопородного КРС, так как посредством высвобождения земель, занятых под пастбища в зоне орошаемого земледелия равнины, можно было бы увеличить кормовую базу на равнине за счет увеличения площадей зерновых и кормовых культур. Это тем более было бы целесообразным, учитывая то обстоятельство, что занятое под пастбище угодье даст 20–30 руб. дохода, под пашню и насаждение – в десятки и сотни раз больше. Помимо того, пахотные земли, культивируемые на прикутаных землях, по ряду причин объективного и субъективного характера (низкий уровень механизации, отсутствие опыта широкомасштабного земледелия, оторванность основных производительных сил, рабочей силы, невозможность держать здесь постоянно необходимый контингент рабочей силы и т.п.) дают намного более низкую отдачу, чем угодья равнинных колхозов и совхозов.

Так, по данным А.Н. Мургилова, И.Л. Гришиной урожайность на прикутаных землях на 6,6–8 ц ниже, чем на землях самих равнинных хозяйств. О.М. Гурбаев даже считает, что она ниже в 2–2,5 раза [153. С. 56; 106. С. 68; 107. С. 18].

Тем не менее прикутаный комплекс является для горных хозяйств более интенсивной и прогрессивной формой хозяйствования, так как он все-таки дает большую производительность труда, боль-

Таблица 17

Сравнительные данные по поголовью скота в среднегорных и высокогорных районах за 1986 г.

Районы	Территория, тыс. кв. км	Население, тыс. человек (1987 г.)	Количество скота		
			МРС		
			всего голов, тыс.	голов на 1 кв.км	голов на 1 человека

среднегорные

Акушинский	0,6	34,1	197,6	329	5,8
Ахвахский	0,3	11,2	67,1	223	6
Ботлихский	0,7	24,9	76,6	109	3
Гергебильский	0,3	10,6	28,6	95	2,7
Гунибский	0,6	20,1	184,0	306	9,1
Лакский	0,7	10,1	138,6	198	13,7
Леващинский	0,8	36,7	157,1	196	4,2
Советский	0,9	21,2	97,2	108	4,4
Унцукульский	0,6	12,0	40,8	68	3,4
Хунзахский	0,6	21,5	168,5	280	7,8
ИТОГО:	6,1	202,4	1146,1	187,8	5,6

высокогорные

Агульский	0,8	8,9	68,7	86	7,7
Ахтынский	1,6	31,7	119,2	74	3,7
Гумбетовский	0,7	13,2	96,2	137	7,2
Дахадаевский	0,7	30,6	105,0	150	3,4
Кулинский	0,6	12,7	141,2	235	11,1
Курахский	0,7	12,4	69,0	98	5,5
Рутульский	2,2	17,6	129,8	59	7,3
Тляратинский	1,7	14,0	111,7	68	8
Цумадинский	1,2	15,6	76,1	63	4,9
Цунтинский	1,3	11,4	50,2	38	4,4
Чародинский	1,1	12,4	147,7	134	11,9
ИТОГО:	12,6	181,0	1114,8	88,4	6,1

Количество скота

КРС			Оба вида в переводе на КРС (1:5)		
всего голов, тыс.	голов на 1 кв.км	голов на 1 человека	всего голов, тыс.	голов на 1 кв.км	голов на 1 человека

среднегорные

28,2	47	0,8	67,7	113	2
19,1	63	1,7	32,5	108	2,9
20,5	29	0,8	35,8	51	1,4
12,2	41	1,1	17,9	59	1,7
28,9	48	1,4	65,7	109	3,2
17,4	25	1,7	45,1	64	4,4
16,6	21	0,4	48	60	1,3
21,6	24	1	41	45	1,9
11,4	19	0,9	19,5	32	1,6
28,0	47	1,3	61,7	103	2,8
203,9	33,4	1,0	434,9	71,3	2,1

высокогорные

11,9	15	1,3	25,6	32	2,9
16,3	10	0,5	40,1	25	1,2
17,8	25	1,3	37	53	2,8
32,5	46	1,1	53,5	76	1,7
14,3	24	1,1	42,5	71	3,3
14,0	20	1,1	27,8	40	2,2
16,1	7	0,9	42	19	2,3
22,2	13	1,6	44,5	26	3,2
20,3	17	1,3	35,5	29	2,2
13,9	11	1,2	23,9	18	2
19,9	18	1,6	49,4	45	4
199,2	15,8	1,1	421,8	33,4	2,3

второе превышало поголовье Агульского района, который и по территории (на треть больше), и по наличию горных пастбищ и сенокосов имеет намного более благоприятные условия для развития скотоводства, особенно овцеводства. В 3–4 раза меньше овец, чем в Акушинском или Гунибском районах, в Цунтинском районе (территория в 2 раза больше любого из горных районов), Курахском, Цумадинском (площадь также вдвое больше). В 80-е годы почти по всем показателям скотоводства высокогорье уступает среднегорью. КРС в 1986 г. в среднегорной зоне было 203,9 тыс. голов, в высокогорной – 199,2 тыс. В расчете на 1 кв. км (100 га) в среднегорье – 33 головы, в высокогорье – 16. Таким образом, хотя местные природно-географические условия гораздо более благоприятны в высокогорной зоне (больше пастбищ и сенокосов, намного меньше плотность населения), замедляющим фактором здесь стала отдаленность отгонных пастбищ, их разбросанность, неудобства в пользовании ими, трудности с созданием достаточной кормовой базы.

К тому же, при организации совхозов у многих хозяйств высокогорных районов отобрали равнинные земли и прикрепили хозяйства к организованным на месте их земель откормочным совхозам, но содержание овец в них обходится так дорого (55–60 руб. за одну овцу за зиму), что мероприятие это лишь ухудшило положение овцеводства в высокогорных хозяйствах. Мы составили сравнительную таблицу по скотоводству обеих зон (табл. 17) [26. С. 107, 111; 22. С. 23, 24].

Из таблицы видно, что особенно отчетливо это выравнивание отражается в овцеводстве. Если в дореволюционном хозяйственном типе в высокогорье овец было почти вдвое больше, то теперь, наоборот, овец стало больше в среднегорной зоне (1 млн 146,1 тыс. и 1 млн 114,8 тыс. голов), 51 и 49% соответственно. Соотношение поголовья между обеими зонами по КРС (203,9 тыс. и 199,2 тыс. голов) также в пользу среднегорья и точно так же – 51 и 49%. При этом в среднегорье более чем вдвое больше голов МРС на 1 кв. км (187,8 и 88,4 голов) и почти равные показатели по поголовью на одного человека (5,6 и 6,1 головы). В отношении КРС почти те же соотношения: на 1 кв. км – 33,4 и 15,8 головы, на 1 человека – 1,0 и 1,1 головы. И, естественно, приблизительно, такие же показатели получают и для условных голов: 434,9 – среднегорье, 431,8 – высокогорье, соответственно 51 и 49%; на 1 кв. км – 71,3 и 33,4 головы, на 1 человека – 2,1 и 2,3 головы. Что касается пропорций внутри по зонам между видами скота, то в среднегорье МРС составляет 53%, КРС – 47%; в высокогорье – те же параметры.

С увеличением роли мясо-молочного разведения КРС, характерного в прошлом для высокогорья, начинается и выравнивание параметров содержания КРС. Этот процесс, знаменующий собой сближение и слияние хозяйственных типов обеих горных зон и образование единого ХКА, способствовал еще более четкому размежеванию

равнинного и горного ХКА при увеличении однородности внутри самих ареалов. Такое двуединое явление, в котором объединяются противоположные начала унификации и размежевания, привело к своеобразной поляризации ареалов, от которых идет постепенное сближение (к стыкам) хозяйственно-культурных компонентов – от высокогорья через среднегорье и верхнее предгорье к нижнему предгорью, от равнины через нижнее предгорье к границе верхнего предгорья.

В развитии скотоводства существует еще одна сторона, которая служит отличительным признаком горного и равнинного ареалов. Преобладающей скотоводческой системой горной зоны является пастбищная, в то время как на равнине базовая система – кормозаготовительная. В предыдущей главе мы подробно говорили о ней.

Следует кратко сказать и о механизации в скотоводстве, и в частности в заготовке сена. Нам не раз приходилось говорить о специфике механизации в животноводстве. Главная из особенностей состоит в том, что существуют объективные препятствия, трудности на пути механизации трудовых процессов в работе с животными. В земледелии проще. Во-первых, имешь дело с объектами, которые не реагируют на разные манипуляции. Во-вторых, сами операции оказываются проще, многие из них можно механизировать просто приспособлением механической тяги или умножением рабочих элементов (например: плуг и многолемешный тракторный плуг), или же механическим повторением ручной операции (коса – тракторная косилка; молотилка, комбайн с барабаном и то же хлестание и отбивание колосьев; вилы – стогометатель и т.д.). В животноводстве трудовые операции сложнее, многообразнее, поэтому механическое повторение возможно далеко не всегда; не случайно одними из первых поддались механизации доение коров (умножение движений пальцев) и стрижка овец (принцип косилки, бытовая стригущая машинка). Как подсчитали специалисты, для комплексной механизации овцеводческих ферм необходимо 85 наименований машин и оборудования, из которых имеется чуть больше трети [152].

Механизация с самого начала развивалась однопланово. Она была распространена главным образом при уходе за КРС. В овцеводстве же она внедрялась очень медленно, и констатация М.-С. Умахановым, что “в горно-отгонном овцеводстве механизирована только стрижка, а все остальные процессы выполняются вручную” [195] представляется вполне справедливой и на сегодняшний день. Полевые материалы по Гунибскому, Кулинскому, Чародинскому, Рутульскому, Ахтынскому, Дахадаевскому и другим районам горной зоны подтверждают это положение [48. С. 180; 46. С. 66, 93; 47. Тетр. 2. С. 157, 175, 193, 232; 54. С. 13].

В содержании КРС положение обстоит значительно лучше прежде всего потому, что КРС в значительной своей части содержится на стационаре, в животноводческих фермах, комплексах, а это на-

много облегчает механизацию, создает для ее внедрения необходимые условия и предпосылки. Поскольку отгонное скотоводство сосредоточено в горах, а стационарное на равнине, так сложилось, что и механизация работ в животноводстве сконцентрировалась на равнине. Этому способствовало и кутанное хозяйство горных районов, где происходил отмеченный выше частичный переход к стационарному содержанию скота. Стационарность характерна прежде всего для породного КРС и для МРС тонкорунных пород, так как они меньше приспособлены к перегонам. Поскольку эти виды требуют более хороших, “тепличных” условий содержания, для них строились фермы с вентиляцией, отоплением, соответствующей механизацией. На прикутаных землях горных хозяйств механизация в животноводстве внедрялась значительно быстрее, почти как в хозяйствах равнины.

Стало практиковаться строительство животноводческих комплексов горными хозяйствами на равнине. Это выгодно им во многих отношениях: не надо далеко возить строительные материалы, доступнее машины и оборудование, ремонтная база, проще обстоит дело с созданием резерва заготовленных кормов, легче становится реализация (или сдача) продукции. Особенно активно начали строиться подобные фермы и комплексы горных хозяйств на равнине с 70-х годов. В начале 1980-х годов все 7 комплексов по доращиванию и откорму молодняка они были построены на равнине, и 19 овцеводческих комплексов также построили на равнине (9 из них принадлежат горным хозяйствам), из 38 молочных механизированных комплексов только 4 – в горах, остальные на равнине [57. С. 156–161, 166–173]. В 1980-е годы механизация трудовых процессов в животноводстве делает заметные успехи, но они имеют отношение главным образом к стационарному скотоводству, к КРС. В 1985 г. доение коров механизировано в колхозах на 38%, в совхозах – на 42%, подача воды соответственно 26 и 28%, раздача кормов – 25 и 24%, очистка помещений от навоза – 29 и 33%, и, наконец, осуществлена комплексная механизация и в колхозах, и в совхозах на 23% (имеется в виду от общего количества поголовья скота). Однако на фоне достижений в этой области в целом по РСФСР и СССР, механизация в республике находится пока что на довольно низком уровне [22. С. 107; 26. С. 54, 55; 215. С. 145, 146; 29. С. 77; 30. С. 96]. В овцеводстве же, особенно отгонном, как указывалось выше, положение с механизацией очень неблагоприятное. Даже в РСФСР степень механизации в содержании КРС и МРС сильно различаются. Например, подача воды на фермах КРС механизирована на 92%, а в овцеводстве только на 50%, раздача кормов – соответственно 58 и 20%, удаление навоза – 84 и 20%, комплексная механизация – 56 и 9%. Неудивительно, что в стране в животноводстве работает (1985 г.) вручную 4,3 млн человек, это 70% всех работников, занятых в отрасли [30. С. 96, 109; 209].

В заключение раздела о скотоводстве несколько слов о других видах и категориях животных. Падение значения рабочего скота коснулось не только волов. Если на равнине практически исчез буйвол как рабочее животное, то в горной части подобная судьба постигла осла.

До революции в горах, особенно в среднегорье, ослов использовали в качестве транспортного средства, в сельскохозяйственных и скотоводческих работах. Поскольку их роль была велика на труднодоступных участках, которые стали забрасываться, постольку отпала необходимость в ослах как в рабочем животном. Еще до войны в среднегорных аулах, в частности в долинах, насчитывались сотни ослов, теперь их единицы. О вьючной лошади мы уже говорили. Будучи необходимой в отгонном скотоводстве (как вьючно-верховая), она в большей степени сохранилась в качестве разводимого рабочего скота. Впрочем, то небольшое количество ослов, которое еще сохранилось, также связано преимущественно с обслуживанием отгонного скотоводства.

Заготовка сена. В этом разделе следует равным образом остановиться на заготовке сена, важной операции, связанной с содержанием скота. Прежде всего отметим, что дифференцирующие особенности сенозаготовки сохранились в горной зоне и в советское время. Например, такая особенность, как двойное назначение заготовок, когда часть сена заготавливается на прикутаных землях и частично скармливается скоту на месте (страховой запас для отгоняемого скота, а также корм для скота, переведенного на стационарное содержание). В пределах самой горной зоны сократилось использование малоконтурных участков на террасах и крутых склонах. Тем не менее большая часть сенокосных угодий горной части не поддается механизации, на них невозможно использовать даже простые малогабаритные тракторные сенокосилки, не говоря уже о машинах типа копнителеев, стогометателей и др. В хозяйствах таких районов, как Рутульский, Чародинский, Курахский, Дахадаевский и др., с помощью сенокосилок (тракторных и даже тягловых) убирают сено лишь на небольшой части участков.

В колхозе “Коммунизм” (с. Кабир) Курахского района из 490 га сенокосов механизированным трудом скошено и закопнено 68 га, в совхозе “Стальский” (с. Рича) Агульского района соответственно 85 из 943 га, в колхозе им. 1-го Мая (с. Нижний Катрух) Рутульского района 116 из 187 га, в колхозе “Красный партизан” (с. Михрек) – 100 из 168 га, в колхозе им. Мирзабекова (с. Шиназ) – 157 из 250 га и т.д. [52. С. 31, 55, 69; 47. Тетр. 2. С. 157, 175, 193, 199, 206, 218, 232; 48. С. 180; 53. Дн. 1. С. 36]. Поэтому в общественных хозяйствах горных районов еще довольно велика в уборке сена роль ручного труда, т.е. косы и серпа. Мы не раз наблюдали, как на горных склонах мужчины скашивали сено косой. Конечно, упомянутый психологи-

ческий стереотип “лености” действует и в сенокосении и заготовке, но разница есть: хлеб, муку можно приобрести в торговой сети. В отношении же кормов для общественного и личного хозяйства положение гораздо труднее, поступление их с равнины тоже ограничено, поэтому горцам приходится как-то находить способ запастись корма вручную. Отдельные хозяйства, имеющие значительные запасы сенокосных угодий, организуют даже их своеобразный аукцион с целью привлечения рабочей силы со стороны для современной паевой уборки. Еще более тяжелая ситуация сложилась в заготовке сена в личном хозяйстве. В горах сено для личного скота заготавливают преимущественно женщины (на пологих склонах, особенно в высокогорье сено выкашивают мужчины). Почти ничего не изменилось в женском труде в этой трудовой операции. Основным орудием по-прежнему является серп, участки самые неудобные, трудные, отдаленные, забракованные функционерами общественного хозяйства, к тому же и доставка, нередко, как и раньше, осуществляется самими женщинами. Причем, если с участков, более или менее доступных, мужчины доставляют сено с помощью какого-либо транспорта (автомобиль, трактор, мотоцикл), то на труднодоступных участках транспортировка стала даже тяжелее, чем в прошлом, ибо меньше стало в общественном хозяйстве вьючного скота, намного уменьшилось количество лошадей. Отсюда (к 80-м годам) такие ненормальные явления, как скармливание скоту купленного в торговой сети дешевого хлеба, или же массовое сокращение содержания личного скота, особенно молочного, без которого невозможно воспроизводство стада (мясной еще иногда держат на летний, нагульный период и осенью забивают).

Таким образом, скотоводство горной части, являясь отраслью хозяйства, дает основания рассматривать эту отрасль как четко дифференцирующий компонент. Он обладает рядом специфических особенностей, отличающих его от скотоводства равнинного хозяйственного типа. Этому способствовала унификация земледелия в обеих зонах горной части (среднегорной и высокогорной) и соответственное уравнение в соотношении скотоводства и земледелия. Унификация форм скотоводства в горной части, увеличение доли отгонного скотоводства, в том числе и за счет внутриальпийской формы, усилили единообразие в целом горной зоны, с одной стороны, и увеличили размежевание, дифференциацию со стационарным скотоводством равнины – с другой. Своеобразная черта горного скотоводства – соединение его с равнинными пастбищами-кутанами, и что особенно характерно, – с прикутаным земледельческим (зернокарманным) хозяйством. Эта черта горного скотоводства сблизила хозяйства гор и равнины, но, в то же время придала специфику образу жизни горцев, так как им было необходимо постоянно менять местожительство. Это послужило и одной из причин их переселения с гор на равнину.

Соотношение видов скота напрямую зависело от изменений форм скотоводства. Горная зона стала единым ареалом преобладания отгонного овцеводства, что резко отделяло ее от равнины с преобладающим содержанием КРС с выгонно-стойловой формой содержания. В связи с формами же произошло дальнейшее размежевание зон в отношении кормовой базы. В горах преобладала пастбищная система, а на равнине – кормозаготовительная. Соответственно усилилась дифференциация в заготовке кормов. Почти полностью механизированная, высокоразвитая на равнине кормозаготовка контрастировала своей отсталостью и слаборазвитостью в горах. Сама механизация в скотоводстве также своеобразна. Ее успехи больше заметны в содержании КРС, который преобладал на равнине.

Половое разделение труда, отходничество, промыслы. Для того чтобы было легче определить особенности полового разделения труда, вспомним их традиционные черты. Мужчины занимались вспашкой, севом, поливом, косью, уборкой урожая с деревьев, уходом за ними, работой со скотом и упряжью. Они следили за скотом вне дома, пасли все виды скота, изготавливали орудия труда, оружие и всякую деревянную и металлическую утварь, решали вопросы обмена, покупок, заработков и т.д. Женщины занимались прополкой и мотыжением, ухаживали за скотом и птицей дома, сбором фруктов под деревьями, заготовкой впрок продуктов, а также домашней работой. Общие обязанности: уборка хлеба, сена, доставка сена (мужчина при помощи вьючного животного, женщина на плечах), молотьба, заготовка дров и др. Падение масштабов горного земледелия внесло существенные изменения в разделение труда. Отгонное скотоводство не так трудоемко как земледелие, поэтому занятость мужчин работами уменьшилась. Если на равнине увеличение масштабов земледелия компенсировалось нарастающей механизацией труда, то в горах механизация происходила гораздо в меньшей степени (больше на плато). При этом скотоводческую отрасль она затронула мало, в результате чего сдвиги в разделении труда здесь были незначительны, и, в частности, женщинам почти никакого облегчения не принесли.

Слабое земледелие, отгонное скотоводство, частичная механизация еще более увеличили традиционный избыток рабочей силы в горной части, и поскольку механизация больше затронула мужские работы, незанятых мужчин стало больше. Это усугубилось еще тем, что многие мужские работы, ставшие в годы войны временно женскими (например, косьба, выпас скота, уборка фруктов с деревьев, полив и др.), по инициативе мужчин, занимавших ключевые посты в отрасли (от бригадира до председателя колхоза и дальше до районных руководителей), так за женщинами и остались. А поскольку механизация также больше затронула мужской труд, то получилось, что женщина выполняла в основном все “свои женские” работы и те

из мужских, которые в горах еще мало механизированы. Такое положение должно было привести к поискам мест приложения рабочих рук. В первое время часть трудовых ресурсов поглощало кутанское хозяйство (первоначально на кутаны ездили на несколько месяцев большие бригады косарей, строителей, скотников), но потом механизация, переход на постоянное местожительство населения, занятия на кутанах, сузили возможности привлечения на кутаны избыточных рабочих рук.

Так, уже в 1950-е годы, когда наметилась определенная либерализация в возможностях передвижения населения, стала складываться основа для нового подъема отходничества из горного Дагестана. Мы уже частично касались этого вопроса. Избыток этот настолько велик (180–300 тыс. человек), что ни равнина Дагестана, ни города, ни промышленность соседних республик поглотить его не в состоянии. К тому же часть потенциальных переселенцев за пределы республики не желали совсем покидать ее, и предпочитали временные выезды на заработки, т.е. отходничество. К сожалению, помимо хороших заработков (на договорных работах они нередко возможны и на месте), к отходничеству горцев побуждал и определенный психологический стереотип непрестижности тяжелых видов интенсивного труда в своих местах. Похожая ситуация была в дореволюционном Дагестане: в своем селе малоимущие бедняки не шли в сельские пастухи (не чабаны), уходили в другие аулы. Поскольку отход на заработки как правило мужской, на женщин перекладывалась часть мужских работ. Справедливости ради отметим, что по-настоящему тяжелый труд у женщин в горной части бывает, в основном, только в период сенозаготовки. В то же время на равнине женский труд стал использоваться не столько в зерновом хозяйстве, сколько в овощеводстве, садоводстве, виноградарстве, где механизация еще невелика, особенно при уборке урожая. В горной части такого замещения сельскохозяйственных культур нет (в некоторой степени картофель и капуста), и производственная роль женщины уменьшается.

В этом процессе замещений по сравнению с дореволюционными хозяйственными типами и заключается новый характер различий между зонами в половом разделении труда.

Что касается отходничества, то механизация, естественный рост населения, переселение создали избыток рабочей силы и на равнине, и отходничество стало и здесь обычным явлением. Прежде в аулах, которые до включения в экономику дореволюционной России вообще не знали отхода, беднота находила себе работу и средства на жизнь в самом ауле или ближайших селах. В советское время отходничеством стали заниматься десятки и сотни тысяч людей. В предыдущей главе мы приводили пример с. Губден, крупной житницы дореволюционного Дагестана, принимавшего много отходников из горной Даргинии. В конце 70-х–80-х годов XX в. оттуда ежегодно

уезжали на заработки в Казахстан, Среднюю Азию, Россию более 300 молодых людей, главным образом на строительство, производство обожженного кирпича. Средний заработок – 1 тыс. руб. в месяц после всех удержаний. Поэтому об отходничестве и выезде из республики на постоянное жительство (порядка 300–400 тыс. человек) вряд ли можно говорить как о явлении, свойственном лишь горной зоне Дагестана. Однако можно указать на другую особенность – масштабное отходничество и, прежде всего, выезд на постоянное жительство в горы (в последнем случае, насколько можно судить по нашим наблюдениям во время поездок в район, выделяется южный Дагестан).

Приблизительно такое же положение с промыслами. Поскольку промыслы, которые раньше были в горной части, повсеместно пришли в упадок (главная причина: появление широкого ассортимента промышленной продукции, дороговизна кустарного труда и продукта, лишение многих промыслов сырьевой базы, запретительные установки и пр.), исчезла специфичность их существования и масштабы в горной зоне. Те же немногие промыслы, которые перешли на промышленную и полупромышленную основу (ювелирный, ковровый), стали достоянием и частью местной промышленности и имеются не только в горной зоне, но и в предгорье. Например, суконовый промысел, который был весьма распространенным занятием у женщин, проживающих в горном Дагестане, сошел на нет. Лишь местами сохранилось вязание шерстяных платков, пошив шапок, горских шуб и т.п. Поэтому, в отличие от традиционных хозяйственных типов горной части, современный объединенный тип не очень отличается от равнинного по развитости и масштабности промыслов, следовательно, дифференцирующим компонентом они не могут быть.

Транспорт (грузовые перевозки). Важным элементом хозяйства, имеющим существенные особенности, был в дореволюционных хозяйственных типах транспорт (грузовые перевозки).

Одно из самых радикальных изменений в хозяйствах горной зоны, особенно среднегорья, это исчезновение осла как одного из главных “транспортных” животных. Одну из причин мы указывали выше – забрасывание труднодоступных земельных и покосных участков. Другая причина – появление механических транспортных средств: автомобиля, мотоцикла, трактора, которые заменили как осла, так и арбу в воловьей упряжи в межсельских дальних перевозках. Надо сказать, что мотоцикл в горных условиях стал для местных жителей и присельским транспортом, и очень часто местные асы заводят их в такие места, где никогда никакое колесное транспортное средство не бывало. Автомобиль и трактор также используются в горах даже в самых высокогорных селах. К концу 1980-х годов в горной зоне находилось около 20% всего грузового

автопарка республики, на долю которого падает 90% всего объема перевозок народнохозяйственных грузов. За пятилетку (1981–1985 гг.) численность автопарка выросла на 23%, а грузоподъемность – даже на 30% [212. С. 58], что свидетельствует о появлении в горах большегрузных автомобилей. Например, в совхозе “Стальский” Агульского района в 1986 г. было 8 грузовых автомобилей, в колхозе “Коммунизм” Курахского района в 1986 г. – 10 грузовиков, в совхозе “Гельхенский” того же района – 10 и т.д. [53. Дн. 1. С. 29; 54. Дн. 1. С. 8, 30; 55. С. 8 и др.]. Однако протяженность автомобильных дорог увеличивалась не столь быстрыми темпами. Так, за ту же пятилетку при росте автопарка на 23% сеть автомобильных дорог увеличилась только на 2%, а с твердым покрытием – на 5,7% [212. С. 58]. Последняя цифра показывает, что рост автомобильных дорог в горной части происходил в основном только за счет магистральных дорог, ведущих из городов в районные центры и оттуда в крупные селения, особенно с крепким, дающим хорошую продукцию и доходы хозяйством. Поэтому главное использование автомобильного транспорта в горной зоне падало на перевозки в город и из города. Большое место в регулярных перевозках занимали разные виды собственной продукции хозяйств (шерсть, картофель, фрукты, скот, овчины и др.), а также техника и продукция, необходимые для хозяйства и населения. Значительную, иногда главную роль играют в подобных перевозках грузы из прикутаных хозяйств: зерно, корма, минеральные удобрения. В местных хозяйствах на собственных угодьях автомобили используются реже. Там до сих пор применяются традиционные виды транспорта, в частности арба, вьючная лошадь, осел, волокуша. Но и в этих перевозках все большее значение приобретают малогабаритные горные тракторные тележки, а в личном хозяйстве – мотоциклы и везде, где это возможно, – легковые автомобили. Отметим также, что значительная часть заготавливаемого сена в горной зоне, особенно в высокогорье, переносится до настоящего времени вручную женщинами, и этот труд стал в ряде случаев еще тяжелее, так как в хозяйствах стало меньше вьючных лошадей и ослов. Хотя надо отметить, что определенный контингент вьючных лошадей и ослов сохранился в связи с нуждами отгонного скотоводства. Именно в этом и состоят основные различия в транспорте горного и равнинного ареалов. В первом случае грузы перевозят с помощью гужевого, “полосного” и вьючного транспорта, а также вручную. Во втором – почти полное преобладание механических транспортных средств.

Подведем итог обзору хозяйственного типа. Этот тип хозяйств позволяет говорить о дифференцирующих свойствах и признаках горного хозяйственного типа. Главными из этих признаков, дихотомически противоположных особенностям равнинного типа, можно считать следующие: преобладание скотоводче-

ской отрасли; слабая техническая оснащенность обеих основных отраслей хозяйства, особенно скотоводства; кризис земледелия, особенно зернового (как в масштабах, так и по интенсивности); преобладание малоконтурных полей (плато, террасы, склоны); увеличение в земледелии перелогов и особенно залежей; упадок традиции удобрения почвы; слабое развитие садоводства, виноградарства, овощеводства, отсутствие рисосеяния, технических культур. Скотоводство прежде всего отличает отгонный характер; слабая механизированность; мясо-шерстно-молочное направление; незначительность высокопродуктивных пород; специфическое кутанное хозяйство, представляющее собой образец симбиоза горного (трудовые ресурсы) и равнинного (средства производства, сельскохозяйственные угодья) хозяйственных типов; преобладание в заготовке сена ручного мужского (косьба) и женского (уборка серпом и частичная доставка) труда; распространение промыслов и отходничества, а также выезды за пределы республики на постоянное жительство, которые приобрели характер ухода преимущественно в промышленность, в основном – строительство. Было характерно также слабое развитие автомобильного транспорта, главным образом из-за отсутствия дорог, сохранение традиционных видов транспорта (арба, волокуша, вьючная лошадь и осел, ручные перевозки). В целом, горное хозяйство, в том числе и его главную отрасль, характеризует, к сожалению, невысокая производительность труда и продуктивность.

На землях, которые в прошлом давали урожай сам-20–25, ныне едва собирают сам-3–4. Мы говорили уже выше, что многое из творящегося объясняется “раскрестьяниванием”, выведением из жизни такой социально-экономической категории, как крестьянин-труженик-собственник. Поразительные примеры в этом отношении дают семейные подряды: во многих из них производительность труда в несколько раз выше, чем в колхозах и совхозах (горной зоны) и даже в целом по республике (в 2,1 раза) [65. С. 52], а ведь среди этих семейных подрядчиков есть и просто неудачные, прогоревшие из-за искусственных препятствий и трудностей, создаваемых для них.

Приведем некоторые цифры: 529 сельскохозяйственных общественных предприятий республики владели (1988 г.) основной массой земельных угодий, техники, имели избыточные трудовые ресурсы (25 тыс. человек управленческого и обслуживающего персонала) и производили валовой продукции на 528 млн руб. А индивидуальный сектор, не имея почти ничего, производит ее на 358 млн руб. (67,8% от общественного продукта). Цифры по животноводству вообще поражают: общественная продукция – на 298 млн руб., индивидуального хозяйства – на 244 млн (81,8% от общественного) [198]. Комментарии, как говорится, излишни.

КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

Индустриальные формы, вошедшие в быт и культуру, имеют лишь свое фабричное или заводское “лицо”, их предметные и функциональные особенности в подавляющем большинстве случаев не находятся ни в соотносительных, ни тем более в причинно-следственных (казуальных) связях с экологией и хозяйством, с насущными потребностями, выражая порой непонятные капризы моды. Если экологические взаимосвязи еще действуют, особенно при дифференцировании элементов культуры полярных зон, то хозяйственная обусловленность культурных компонентов становится менее значительной, поскольку индустриализированная номенклатура компонентов приобретает черты надзональные, надэкологические.

Среди факторов, обуславливающих особенности культуры, приобретает большее значение социальный фактор. И в зависимости от развитости этой индустрии в разных ХКТ складываются и особенности культурных компонентов, в частности в степени бытования, удельного веса и пр. Не в последнюю очередь реализация возможностей такой индустрии зависит от природно-географических, ландшафтных особенностей, от экономических возможностей хозяйств, которые различаются по зонам. Вместе с тем следует отметить, что не только социально-направленная индустрия культуры, но и вся совокупность культурных компонентов индустриальной эпохи во многом различается по зонам, ареалам, которая связана не с источниками производства, а с возможностями использования, применения, приобретения, доступности, возможности доставки на место и т.д.

И, наконец, определенные затруднения в дифференциации вызывает то обстоятельство, что в нынешнее время всеобщего расширения коммуникаций, перемещений населения, усиления контактов как на межтерриториальном, так и межэтническом уровнях, намного повышаются диффузирующие свойства элементов культуры, увеличивается степень их взаимовлияний и взаимодействий. В этих условиях нередко трудно уловить генетическую хозяйственно-культурную обусловленность элемента, степень его местной привязанности (обусловленности) или привнесенности.

Пицца, напитки, хлебопекарные устройства, мельницы. Пицца один из наиболее многофакторных элементов культуры, в которой соединены как генетические субстратные, так и адстратные стороны. Как уже отмечалось, система питания обусловлена природно-географическими условиями, и в то же время обладает устойчивыми свойствами, приобретенными благодаря этнокультурной традиции.

Как известно, одним из главных свойств пищи является модель питания, заключающая в себе ответ на вопрос, какой продукт преи-

мущественно обеспечивает основную калорийность пищи. В этом отношении особых различий между питанием населения обоих ареалов – на равнине и в горах нет: это пшеничная мука и мясо. Но в горном ареале – это мука средних и низших сортов, а на равнине – преимущественно высших. Еще одна особенность горного ареала – недостаток хлеба, слабая хлебопекарная сеть, преобладание местного пресного хлеба, в высокогорье иногда в виде лепешек. Отличаются и хлебопекарные устройства. В горной зоне до сих пор преобладают плиточные устройства, которые обогреваются огнем, в отличие от равнинных подовых.

Особенности хлеба, его нехватка способствовали сохранению традиции хинкаловарения в виде галушек, имеющих самостоятельное значение как вида пищи с крахмальным содержанием (в отличие от пластинчатого равнинного, сочетаемого с основной едой – хлебом). Есть определенные особенности и в соотношении крахмальной и белковой пищи. Хотя и для горного ареала основной пищей является крахмальная, однако соотношение крахмала и белка в ней скорее паритетное (в отличие от равнины). В рационе горцев большее место занимают молочные продукты, особенно сыр, кислое молоко, творог, масло. Кроме того, важную роль, преимущественно летом, играют пресный хлеб и чай. Пицца горного ареала в целом характеризуется преобладанием баранины и говядины, зимой – вяленого мяса, в отличие от равнины, где баранина не так распространена и преобладают говядина и птица. Доступность домашней птицы обусловила ее использование как источника мяса. В результате, доля свежего мяса в районе жителей равнины была значительно выше, чем у горцев, которые в основном использовали сушеное мясо. Преобладание птицы на равнине обусловлено также тем, что здесь достаточно зернофуража, обеспечивающего для нее постоянный гарантированный корм.

Еще одна особенность пищи горного ареала: небольшая доля овощных блюд в рационе, овощных и фруктовых заготовок на зиму, что во многом объясняется отсутствием местной материальной базы. Следует однако отметить широкое распространение в горно-долинных селениях традиционных и новых видов фруктовых заготовок (сушеные фрукты, компоты, соки, варенье).

Надо сказать о заимствованиях в приготовлении пищи у русского и смешанного городского населения. В этом отношении население гор значительно отстает от жителей равнины. Главные причины этого – отдаленность от города и отсутствие материальной базы. Те блюда, которые на равнине уже вошли прочно в быт, в горах мало готовят, например, винегрет, каши из покупных круп, картофельное пюре, отварные макароны, уху, кисели, торты и др. Еще горцы редко различают первое и второе блюда в сочетании, здесь чаще готовят то или другое – побольше и с большим содержанием ингредиентов белкового характера (особенно, если есть возможность, мяса).

Таким образом, система питания горного ХКА имеет в исследуемое время определенные признаки, которые по принципу дихотомического противопоставления с равнинной позволяют дифференцировать ее в качестве компонента данного ареала: это преобладание муки низших и средних сортов и большое место сушеного мяса, недостаточность хлеба, преимущественное бытование пресного хлеба и хинкала в виде галушек, большой удельный вес в рационе животных продуктов (белков), преобладание потребления мяса баранины и говядины, незначительность овощных и отдельных заимствованных блюд. Сказанное позволяет отнести пищевой компонент к числу дифференцирующих для горного ХКА.

Относительно напитков можно сказать, что они также сильно изменились, как и на равнине. Однако некоторые дифференцирующие особенности можно отметить. Так, в горной части, особенно в высокогорье, еще сохранилось приготовление традиционных хлебных слабоалкогольных и безалкогольных напитков типа бузы и кваса. Кроме того, абсолютное преобладание водки над вином, в то время как на равнине, благодаря наличию местного производства, можно, по-видимому, говорить о преобладании вина. Общая черта – почти полное отсутствие самогонварения и увеличение потребления алкогольных напитков, особенно водки, по сравнению с дореволюционным временем. Отметим одну особенность для северо-западного высокогорья – распространение грузинской виноградной водки – “чачи”. Судя по всему, это явление стало серьезной проблемой быта и культуры населения части высокогорья.

Таким образом, главные отличительные черты горного ареала в этом отношении – меньшее потребление вина, частичное сохранение хлебных напитков, грузинская водка в северо-западном высокогорье.

В отношении хлебопекарных устройств можно отметить их всеобщую унификацию, исчезновение или значительное уменьшение наиболее архаических и примитивных устройств, в частности таких, как выпечка в золе, на садже (противне), устроенном над открытым огнем. Гораздо медленнее уступает свои позиции “корюк”. Хотя и не в такой степени, как на равнине, в горах применяется выпечка хлеба в современных электрических печах-пекарнях, которые получают все большее распространение. Например, с. Хаджалмахи еще несколько лет назад не имело пекарни и его жители привозили часть потребляемого хлеба из районного центра Левашы и соседнего Цудахара. Теперь здесь открыта электропекарня, обеспечивающая потребности аула. Открытие таких пекарен приводило к постепенному забрасыванию хлебопечения в традиционных хлебопекарных устройствах. Помимо указанной выше выпечки в золе и на садже, произошло вытеснение плиточной печи “хьар” и экономного “тарума”, главным образом в среднегорье.

Подобное распространение ближе к высокогорью более совершенных хлебопекарных устройств объясняется частичным решени-

ем проблемы снабжения топливом горных районов, а также ростом государственной и кооперативной торговли.

Можно отметить еще одну особенность: использование традиционных хлебопекарных устройств намного меньше в тех аулах, где женщины в основном заняты каким-либо рукодельным промыслом, например, вязанием шерстяных и пуховых изделий. В целом можно считать, что хлебопекарные устройства горного ареала значительно отличаются от равнинных.

Относительно мельниц: поскольку собственного зерна, идущего на питание, здесь почти нет, а поставляется мука, надобность в мельницах отпала, и они постепенно стали исчезать. К 1980-м годам их осталось очень мало, в большинстве селений – ни одной. Например, в с. Хаджалмахи в прошлом было 18 мельниц, которые работали на целый ряд окрестных селений, так как здесь были и такие мельницы (на р. Койсу), которые не останавливались зимой, а к указанным годам их не осталось совсем. Процесс этот общий для всей республики и поэтому говорить о каких-то местных особенностях не приходится (можно даже утверждать, что на равнине современных мельниц больше).

Поселение. Определенные местные особенности можно проследить и в современных поселениях. Тип расселения и тип поселения, материально отражающие общественную систему, не могут отличаться по зонам, поскольку различий в характере общественных отношений по зонам не имеется.

Но в типе заселения, показывающем расположение поселений на местности и соотносением с физико-географическими условиями, и типе планировки, отражающем форму поселения, его архитектурную структуру, дифференцирующие особенности достаточно определены. Тип заселения можно охарактеризовать как горный. Он противоположен равнинному, и поэтому можно говорить о его существенных дифференцирующих свойствах, о четкой самоинтеграции. Однако в советский период в типе заселения происходят значительные изменения. Они заключаются в том, что горные селения при малейшей возможности начинали строить на более ровных площадках. Это делали для того, чтобы дома имели хотя бы небольшие участки под посевы и насаждения, были ближе к складывающемуся, как правило, на ровной окраине общественному и торговому центру аула, были доступны для современного транспорта, особенно автомобиля, имели бы определенный простор, комфорт. В условиях компактной традиционной застройки это было невозможно. Но и в этом случае горный аул все-таки отличается от равнинного, так как, во-первых, полностью нивелировать особенности горного ландшафта не удастся и в новых кварталах, и во-вторых, в большинстве аулов, особенно в высокогорье, основная масса домов находится на склонах.

Поэтому заселение здесь можно назвать вертикально-горизонтальным. По форме горное поселение имеет квартально-улочковую застройку, без четкого разграничения между кварталами. Новые кварталы придают особый колорит традиционному архитектурному облику горного аула. Этот колорит усиливается наличием здесь общественных зданий, площадей, парков, памятников и т.п. В соответствии с преобладающим типом заселения планировка (форма) горного аула является компактной, по преимуществу кучевой. Эта планировка постепенно превращалась в компактно-усадебную, т.е. приближалась к равнинной форме. Влияние на планировку горного ландшафта устранить полностью было невозможно, и поэтому кучевой характер поселения, отсутствие правильной разбивки на кварталы и улицы, искривленность, прерывность и местами тупиковость улочек остаются. И поэтому и форма горного поселения может считаться своеобразной, отличающейся от таковой в равнинном поселении.

В значительной степени отличается горный аул от равнинного и по уровню коммунальной благоустроенности, культуры бытового обслуживания и обеспечения. Жилищно-коммунальное и бытовое обустройство горного аула во многом обуславливается тем, что некоторые факторы, обеспечивающие этот уровень, в силу объективных причин действуют недостаточно. Например, отдаленность от города и базы современных строительных материалов, отсутствие сети хороших дорог, обеспечивающих доступ к большинству селений современного транспорта, слабость экономики общественных хозяйств, не позволяющая выделять достаточно средств на благоустройство селений (парк, кинотеатр, спортивные сооружения, клуб, школа, больница, магазины и т.д.), значительно уменьшают возможности благоустройства.

Таким образом, и сейчас горное поселение имеет свою специфику, которая по принципу дихотомического противопоставления “горное-равнинное” можно считать дифференцирующей. Это прежде всего тип заселения, который можно охарактеризовать как горный, и тип планировки (форма поселения), характеризующийся компактной, квартально-улочковой застройкой, без четкого разделения кварталов. И в типе заселения, и в форме поселения есть тенденции к сближению с равнинным поселением, но ряд обстоятельств объективного характера, и прежде всего ландшафт и особенности экономики, препятствуют этому.

Жилище. Уровень современной экономики, техника, новые строительные материалы, новые формы быта, влияние города и иные факторы, являющиеся особенностью индустриальной эпохи и нового общественного строя, привели к новым ориентациям в строительстве жилища. Население стало ориентироваться не на традицию, а на современный образ жизни. В этих условиях появились воз-

можности устранения наиболее очевидных, тягостных для обитателей особенностей жилища. В этом ряду наиболее типичным стал отказ от плоской кровли в пользу стропильной. Последняя сразу решила “вечную” проблему предохранения протекания крыши. Такое изменение требовало (помимо влияния соседних народов, наличия определенных традиций и умения возводить стропильные кровли) соответствующей материальной базы (лес, шифер, железо). В результате массовое внедрение стропильной кровли в горах произошло намного позднее, чем на равнине, лишь с началом третьего периода (после 1965 г.). В этом отношении горное поселение и сейчас отличается от равнинного. На равнине стропильная кровля преобладает повсеместно, в горной же зоне такой массовости еще нет, особенно это касается сохранившегося традиционного жилого фонда, находящегося, как правило, в центральной части поселения. Постепенно стал исчезать в горной части тип многоэтажного жилищно-хозяйственного комплекса-ансамбля. Появился в строительстве пиленый камень, жженный кирпич, цемент, бетонные блоки, стальные трубы и арматура, оцинкованное железо, шифер и т.д. Процесс этот однотипен с происходящим на равнине, и в этом смысле тоже можно говорить о “сближении” жилища обеих зон. Различие заключается только в массовости инноваций, по которой горная зона значительно отстает от равнинной. Отметим, что в горной зоне почти нет саманного строительства, в то время как на равнине, особенно в очагах традиционного турлучного жилища (т.е. бескаменного строительства), саман занимает значительное место. Помимо малой степени обновленности жилого фонда, особенностью горного жилища следует считать и слабое развитие усадебного хозяйства, обусловленное прежде всего природно-географическими и экономическими обстоятельствами. В отношении планировки происходит сближение типов не только в пределах зон “предгорье-равнина” и “высокогогорья-среднегорье”, но и между этими полярными областями. Исключая квадратную одноэтажную конструкцию равнинного жилища, выдержанную в стиле русско-городской архитектуры и внедрившуюся в новом плановом строительстве в послевоенный период, остальные типы имеют очевидную тенденцию на унификацию типологии. Наиболее часто встречающаяся форма в горах – это верандный дом (в прошлом был более характерен для долинных селений, ныне его ареал стал шире). Имеются разные его модификации. Все они направлены на сокращение веранды и увеличение жилплощади, с превращением жилища в “лоджийный” тип. Более специфическим, свойственным только горному ареалу в перечисленных формах можно считать большую приверженность строителей горной части к верандам и балконам, в то время как на равнине предпочитают не слишком раскрывать жилище солнечным лучам.

Таким образом, в домах горного ареала тоже имеются, при всей наметившейся тенденции к унификации жилища разных зон, опреде-

ленные дифференцирующие признаки, основными из которых по принципу дихотомического противопоставления являются: незначительность саманного строительства, слабое развитие усадебного хозяйства, господство двухэтажной конструкции, меньшая степень обремененности жилого фонда, наличие старых жилищ, особенно в центральной части аулов, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одежда. Как и жилище, стиль в одежде формировался исторически, под воздействием как природно-географических и социально-экономических условий, так и этнокультурных традиций. Последнее во многих случаях преобладало (например, в укладке головных уборов дагестанских женщин). Поэтому одежда – не тот компонент культуры, который может многое дать для хозяйственно-культурной интерпретации. Тем более, что процесс унификации одежды разных регионов и народов происходит в стране в очень широком масштабе и зашел достаточно глубоко. Уже в 1970-х годах специалисты отмечают в одежде превалирование “общесоветских современных городских типов” [188. С. 235; 99. С. 143], в 80-х годах можно говорить уже о господстве этих типов, особенно для равнинной зоны. В этом процессе горная зона выделяется в двух отношениях: во-первых, до сих пор значительное место занимают в горах, особенно в высокогорье, отдельные элементы местной традиционной одежды и обуви, например, папахи, шубы, шерстяная обувь, во-вторых, инновации в меньшей степени затронули женщин, особенно пожилых. Наблюдается даже своеобразный парадокс: женщина, носившая в 50-е годы городскую или полугородскую одежду, достигнув преклонного возраста, возвращается к традиционному национальному чепчику (чутку) или платку, кушаку, шароварам, налобным украшениям и т.д.

Некоторые дифференцирующие различия, связанные с хозяйственно-культурной интерпретацией, сохранились в тех предметах одежды, которые больше носят предметно-функциональный характер, отраженный в сугубо пригнанных к экологическо-хозяйственной среде признаках.

Такова горская овчинная накидная шуба с универсальными функциями одежды, покрывала, постели, временной подстилки и т.п. В период коллективизации и войны она вышла было из употребления, стала непопулярной, так как не является рабочей одеждой, но уже с 60-х годов стала вновь возрождаться и теперь занимает большое место в одежде мужчин среднего возраста. На равнине же она выглядела бы слишком теплой, тяжелой, мало подходящей для более комфортного быта и механизированного хозяйства с его современным ритмом. Точно так же используют шерстяные носки и особенно шерстяную обувь – на сланцевых осыпях или скалах они гораздо полезнее и сподручнее, чем на равнинных жирных почвах.

В заключение разговора о компонентах культуры ХКА скажем несколько слов о духовной культуре. В последнее время духовная

культура переживает период национального подъема. Она, в отличие от материальной культуры, стала средоточием этнически окрашенного, национально осознанного, свято чтимого и хранимого. Но подобные элементы культуры трудно увязываются с экологией и хозяйством. Их нельзя интерпретировать сквозь хозяйственно-экологическую призму, и следовательно, трудно соотнести с компонентами ХКА. Несколько иное положение с обрядами, праздниками, которые в определенной мере связаны с хозяйственным циклом, с экологией и могут обнаружить определенную специфику, местные особенности, делающие возможной дифференциацию.

В этом плане мы выбрали для дореволюционных ХКА обряд первой борозды, который привязывается в основном к горному Дагестану. В послевоенные годы, особенно в 70–80-е годы, отношение официальных органов к нему изменилось, наконец-то было признано, что это не религиозный, а народный праздник, и поэтому стало возможным его возрождение на новой основе, с использованием как традиционных, так и современных атрибутов. Как и в прошлом, наибольшее распространение этот обряд-праздник имеет в среднегорье, но имеются определенные признаки того, что ареал распространения праздника будет расширяться в пределах горной зоны. Это дает нам известные основания для того, чтобы включить его в состав культурных компонентов горного ХКА. Других обрядов или праздников, которые, являясь общими для горной зоны, были бы дихотомически дифференцирующими по отношению к равнинному ареалу, мы не находим. Как видно, компоненты культуры труднее поддаются хозяйственно-экологической классификации, и на их основе выделение ХКА оказывается невозможным. Тем более затруднительно говорить о каком-либо установленном перечне компонентов культуры, который можно было бы использовать для разделения ХКА. По этой причине их изучение по дифференцирующим признакам потребовало более универсального подхода, включая определение феномена как такового, или его отдельного свойства, или по степени распространения, и даже по специфике взаимодействия с другими подобными или разнородными феноменами культуры.

Материальная культура напрямую зависит от эколого-хозяйственной среды. Поэтому ее проще дифференцировать по ХКТ (в отличие от духовной культуры, которая носит более инерционный, этнокультурный характер). Наиболее результативно изучать элементы, имеющие по своему содержанию и функционированию более непосредственные связи с хозяйством и экологией.

Подведем небольшие итоги компонентного анализа равнинного и горного ХКА. Отметим, что принципиальный вопрос о правомерности постановки вопроса о ХКТ в индустриальную эпоху в принципе находит положительное решение. Одна из главных причин, которая обусловила возможность существования ХКТ в советское время – сохранение, хотя и в менее выраженной степени, взаимодейст-

вия формулы “экология–хозяйство”. Особенно четко действие этой формулы прослеживается в историко-культурной области, объединяющей экологически противоположные зоны: пустыня–плодородная орошаемая равнина, горы–равнина и т.п. Действие этой обусловленности проявляется и в том, что хозяйственные и культурные компоненты, рожденные механизацией, НТР, фабрично-заводским происхождением способствуют группированию и дифференциации хозяйственно-культурных компонентов в пределах разных зон (по принципу возможности доставки и применимости).

Далее. Материалы показывают необходимость и правомерность диахронного (стадиального) исследования ХКТ и ХКА. Становление современных ХКТ происходит лишь в течение третьего периода (1965–1990 гг.). В это время механизация, НТР радикально изменили облик большинства компонентов сельского хозяйства, сделали разные хозяйственные типы более дифференцированными по уровню технической модернизации. При складывании и дифференциации динамических хозяйственных стереотипов и их пространственно-территориальной ареализации происходило не только изменение старых зональных типов, но и их ареалов, в обособлении которых проявилась тенденция к созданию полярных хозяйственных полюсов (высокогорье–равнина). Это привело к определенной унификации ХКТ, сложению двух основных: высокогорье–среднегорье и равнина–предгорье. В результате на равнине и нижнем предгорье выделяется ХКА оседлых земледельцев, механизаторов, ирригаторов и стационарных животноводов. В горном соединились традиционные горный и высокогорный ХКА. Основу объединения составила унификация форм скотоводства в обеих зонах и падение роли земледелия в среднегорье, что уподобило их хозяйственные типы и способствовало образованию единого для горной части скотоводческо-земледельческого хозяйственного типа.

Основные признаки равнинного ХКТ: преобладание механизированного земледелия на обширных ровных площадях – пашнях; высокая техническая оснащенность (атрибут равнинного ХКА); ведущая роль земледелия по масштабу, удельному весу, валовой продукции; господство плодосеменной интенсивной системы земледелия с элементами паровой; использование органических и минеральных удобрений; масштабное развитие орошения; значительный удельный вес садоводства, особенно виноградарства; рисосеяние, овощеводство, большая доля кормовых культур в земледельческом цикле, осуществление всех операций с помощью механических орудий и приспособлений, значительная степень механизации сенозаготовки и др.

Земледелие горного ХКА унифицировалось благодаря выравниванию уровней развития земледелия в среднегорье и высокогорье, сближению типов (характер угодий и орудий) и систем земледелия. Как второстепенная отрасль хозяйства, маломасштабная, сла-

бомеханизированная, с недостаточным развитием орошения и удобрения, маломощным зерновым и кормозаготовительным хозяйством, горное земледелие является в советское время прямой противоположностью равнинному. Садоводство маломасштабно, но занимает большой удельный вес в растениеводстве, экономике долин, виноградарство и особенно рисосеяние отсутствуют как отрасли, что также контрастирует с равниной, овощеводство – слабое. В земледельческом цикле ручная уборка и стационарный обмолот. Для равнины характерно также скотоводство – интенсивное, стационарное, кормозаготовительное, в котором преобладают высокопородные виды скота, в основном продуктивный КРС. Для равнинного ХКА типичны относительная механизированность скотоводства, расположение механизированных ферм и комплексов хозяйств горных районов на равнине, делающее ее средоточием механизированного животноводства республики; наличие прикутанного хозяйства, также отражающего ведущую роль равнинного хозяйства в регионе.

Скотоводство горной зоны характеризуют: главенство скотоводства отгонного содержания, сочетавшегося с кутанным хозяйством, мясо-шерстного направления и преобладанием в целом овцеводства, малая механизированность, в основном только в содержании КРС, особенно в кутанном хозяйстве, которое отражало симбиотическую связь между равнинным земледельческим и горным скотоводческим хозяйственными типами. Кормовая база преимущественно пастбищная.

Отметим еще преобладание в сенозаготовке скотопупряного и ручного труда, особенно женского в личном хозяйстве.

В половом разделении труда на равнине в обеих отраслях доминируют механизированный мужской и ручной женский. В горной зоне, несмотря на то что часть мужских работ перешла к женщинам, упадок земледелия (малоконтурного) и относительная механизация привели к падению производственной роли женщины.

Домашние промыслы, неразвитые на равнине и в прошлом, в советское время почти исчезли. Отходничество стало новым феноменом равнины, и его отличие от отходничества горского населения заключается в том, что избыток рабочей силы здесь образовался за счет внедрения механизации. В отходничестве горной зоны – масштабность, массовость, большой удельный вес уезжающих за пределы республики на постоянное жительство.

И наконец, транспорт на равнине характеризуется тем, что здесь на механическую тягу (автомобиль, трактор) приходится не только межсельские, но и внутрихозяйственные грузовые перевозки, а также – полный отсутствием ручных перевозок. В горной зоне транспорт считал автомобильный (больше по трассам горы–город,–равнина,–кутаны) и традиционный, в котором резко упала роль арбы и осла и значительно значение вьючно-верховой лошади для нужд отгонного скотоводства.

**СОВОКУПНОСТЬ
ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ
ТИПОВ (АРЕАЛОВ) ДАГЕСТАНА.
ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО
И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
(вместо заключения)**

Относительно компонентов культуры картина менее определенная, хотя некоторые дифференцирующие черты у них тоже удается найти.

Пища в равнинном ХКА в основном растительная. Есть особенности в дополнительных формах потребления крахмала, массовое распространение заимствованных блюд. В системе питания горного ХКА выделяется более высокий удельный вес животноводческой пищи, чем хлеба в трапезе, плиточного пресного хлеба, сушеного мяса, сочетания баранина–говядина.

Напитки характеризуются отсутствием самогоноварения и преобладанием вина на равнине, в горном же ХКА – хлебные напитки, самогон, водка, грузинская чача.

В хлебопекарных устройствах характерно преобладание и даже распространение за пределы ареала равнинной подовой печи, отличающейся от горной плиточной (тарум в горах стал редок).

Констатируется почти полное исчезновение сельских мельниц, обусловленное отсутствием у населения зерна и наличием муки и хлеба в торговле.

Поселение равнинного ХКА характеризуют особенности: горизонтальное заселение; компактная квартально-уличная усадебная застройка; высокий уровень коммунального благоустройства и культурно-бытового обслуживания. Жилищу равнины свойственны: усадебный характер, распространенность одноэтажной конструкции, почти полное обновление жилого фонда, чуткость к современным социально-бытовым и культурным запросам. В то же время наблюдается независимость от природно-географических и этнокультурных традиций в пользу современных культурно-эстетических представлений.

В горном ХКА преобладали горный тип заселения и кучевая компактная квартально-улочковая планировка; жилище – безусадебное, незначительное применение самана, большой удельный вес традиционных жилищ, господство двухэтажной конструкции.

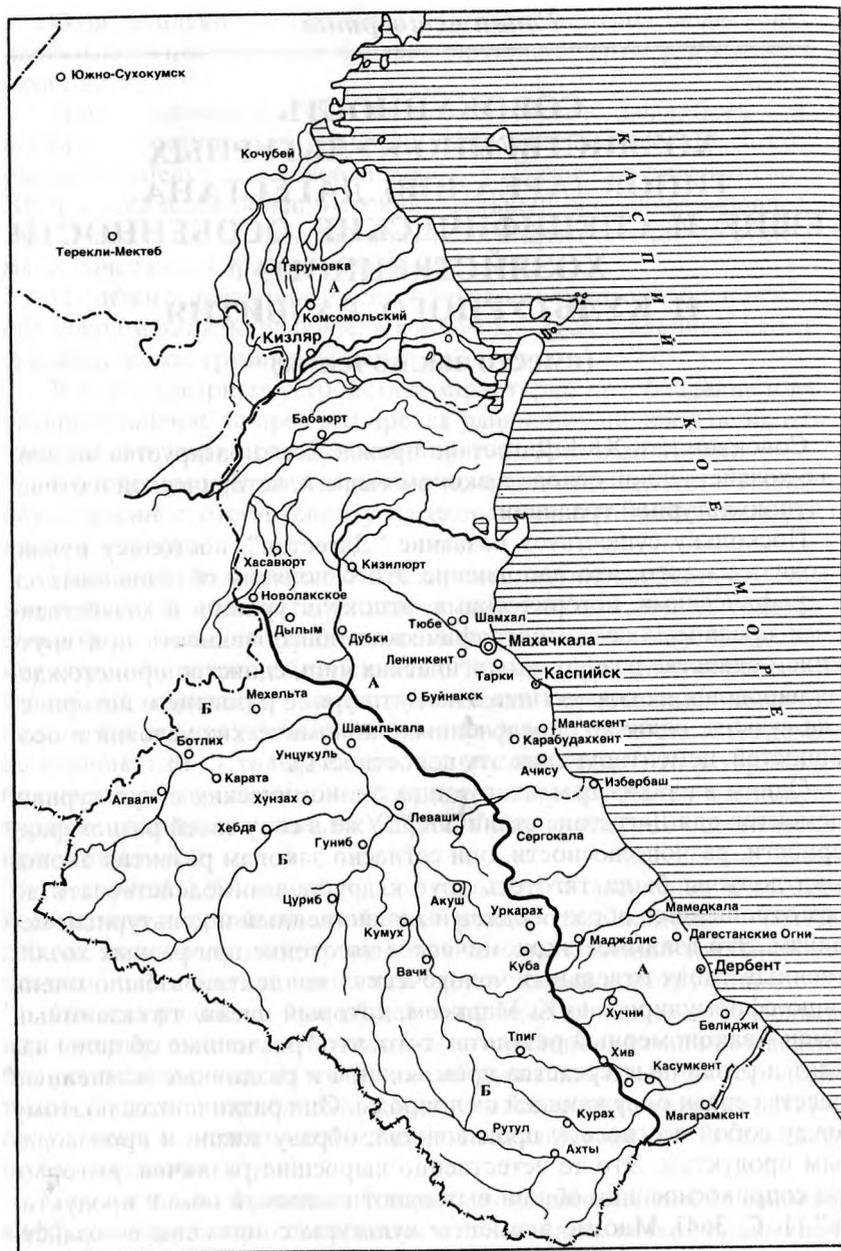
Одежда равнины, при общей унифицированности и ее подверженности процессам урбанизации и интернационализации в масштабах республики, выделяется большей степенью освоения городских типов. В одежде горного ХКА выделяются лишь некоторые, сугубо пригнанные к эколого-хозяйственной ситуации элементы (накидная шуба, шерстяная обувь).

Так выглядит примерный перечень компонентов, обладающий дифференцирующими свойствами и признаками, позволившими выделить равнинный и горный ХКА. Они находятся в постоянном взаимодействии между собой (наиболее отчетливое выражение – куланное хозяйство) через механизм сдаточно-распределительной экономики. Вне постоянного взаимодействия в рамках дагестанской ИКО самодовлеющее существование обоих ХКА было бы невозможно.

Совокупность ХКТ Дагестана прежде всего базируется на эколого-хозяйственной основе и экономической, исторической и отчасти этнокультурной традиции.

Поскольку существует название “Дагестан”, постольку нужно исходить из того, что наполнение этого понятия обуславливается географическими, историческими, этнокультурными и хозяйственными предпосылками (географическая обособленность при внутреннем единстве разных экологических ниш, единство происхождения народов и их совместные этнокультурное развитие и исторические судьбы, наличие определенных экономических условий и особенностей, цементирующих эту целостность).

Одним из таких цементирующих экономических и культурных элементов для Дагестана стали ХКТ. Уже в силу своей разнохарактерности, разнополюсности, они согласно законам развития экономики должны были тяготеть друг к другу, взаимодействовать во всех отношениях, образуя единый хозяйственный и культурный механизм. Это взаимное экономическое тяготение при разных хозяйственных типах отдельных человеческих коллективов было очень точно сформулировано К. Марксом, который писал, что взаимный обмен – закономерный результат того, что “различные общины находят и различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами” [1. С. 364]. Многие элементы культуры сопряжены с хозяйством, во многом определяются и обуславливаются хозяйством вкупе с экологией, поэтому взаимодействие хозяйственных типов сопровождается культурными контактами и взаимодействиями. Так создаются предпосылки для формирования ИКО, представляющей собой “территорию, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности судеб народов, населяющих эту территорию,

2. Карта хозяйственно-культурных ареалов Дагестана (XX в.)

Условные обозначения

А – равнинно-предгорный ареал земледельцев, механизаторов, пригаторов, стационарных скотоводов; Б – горный ареал отгонных скотоводов и земледельцев

сложилась определенная культурная общность” [141. С. 10, 12]. Поскольку ХКТ как динамические стереотипы реализуются на конкретной территории и образуют ХКА, поскольку они в форме ХКА также являются составными компонентами ИКО, которая включает общности для всех ХКА хозяйственные компоненты и феномены культуры.

В определенной степени должно было способствовать укреплению межрегиональных связей и усиление контрастов зональной хозяйственной специализации. Как указывалось, произошло уменьшение хозяйственно-культурного значения среднегорья, сопровождающееся ростом специализации скотоводческой отрасли, зональной выраженности культуры (“рельефности” элементов, их четкой обособленности) высокогорной зоны. Кроме того, расширяется равнинный ХКА за счет сухих степей равнины и лесостепей нижнего предгорья.

Такое усиление взаимных связей действительно происходит, но в несколько неожиданной, нетрадиционной форме. Раньше главной связующей отраслью между населением гор и равнины было земледелие последней и его основной продукт – хлеб, в уборке которого горцы принимали немалое участие. Хотя отгон скота на равнину практиковался и в прошлом, он не имел такого жизнеобеспечивающего значения, как хлеб равнины. Значение хлеба (зерна), его торгово-экономический престиж настолько превалировал над всеми продуктами обмена (торговли), что обладатель зерна не особенно и заботился о его сбыте, доставке к местам обмена, ибо издавна сложилось такое положение, что нуждающиеся в зерне сами за ним приходили. Независимо от занятий, профиля хозяйства в системе питания дагестанцев всех зон преобладала зерномучная пища, даже там, где зерна было очень и очень мало.

Наряду с фактом повсеместного распространения земледелия как занятия (“хлебопашеством занимаются все без исключения” – по словам Н. Абельдяева), это преобладание – также несомненный признак древности и фундаментальности земледельческих традиций дагестанских народов. Во взаимоотношениях же зональных ХКА советского времени на первый план выступает скотоводческая отрасль хозяйства, причем, как и в отношении земледелия, нуждающейся потребляющей стороной выступает горная часть.

Однако различие имеется. Оно заключается в том, что равнина, более богатая природными ресурсами, помогает населению горной части не хлебом (зерном), а в обеспечении кормовой базы животноводства, (особенно зимней). С этой целью на равнине выделяются горным хозяйствам сельскохозяйственные угодья – пастбища, сенокосы, пашни. Именно на базе подобных комплексов горные хозяйства создают на равнине многоотраслевые хозяйственные комплексы (кутанное хозяйство), долженствующие разрешить проблему

зимней кормовой базы для их скота и частично вопросы снабжения населения горных аулов хлебом и овощами. Кутанное хозяйство стало таким образом связующим звеном между горным и равнинным ХКА. Однако не обошлось при этом и без определенных переделок, которые выразались в ущемлении хозяйственных интересов равнинных селений, нарушении их хозяйственных норм, традиций, связей. Тем не менее, кутанное хозяйство, ставшее хозяйственным феноменом, объединившим природные богатства равнины и человеческие ресурсы горной части, несомненно является прогрессивной и перспективной формой хозяйствования и протекания современных демографических процессов. Надо только вести его разумно и взвешенно, с учетом интересов населения как равнинного, так и горского.

Следует отметить, что кутанное хозяйство, его экономическая роль способствовали и ослаблению и даже исчезновению традиционной былой жесткости, обязательности приспособления хозяйства к нуждам и потребностям населения. В частности, сильно ослабла в горах тяга к неперемемному, пусть самому незначительному, занятию хлебопашеством, так как зерно получается из кутанов и государственно-кооперативной торговли. В таких условиях определяющим фактором специализации хозяйства становится не местная потребность, а экономическая целесообразность с учетом возможностей механизации отрасли, использования достижений НТР. Разумеется, не меньшую роль, чем кутаны, играла в этом явлении и система сдаточно-распределительного механизма, экономического “выражения” административно-командной системы. При этом прямой обмен заменили операции по сдаче запланированной продукции – главный стержень сдаточно-распределительной системы и частичного централизованного снабжения с подключением кооперативной торговли (по принципу: по плану поставяет, по плану получает). Как и во всей стране, сдаточно-распределительный механизм подорвал экономик республике, особенно сельское хозяйство. Возможно, он в какой-то мере сыграл положительную роль в период восстановления хозяйства, когда разные уровни экономического развития различных регионов оправдывали и требовали осуществления централизованного сдаточно-распределительного принципа (вместо обменно-продуктового и торгово-товарного). После того как удалось частично преодолеть дисбаланс в развитии народного хозяйства, эта система, игнорирующая закон стоимости, хозрасчетную экономику, стала давать сбои, способствовала почти авантюристическому волюнтаризму в экономике, ослаблению экономической заинтересованности производителей продукции и соответственно застоным явлениям. При таком положении совершенно игнорировался принцип рациональной эксплуатации земельных угодий, соответствия возможностей природы и масштабов ведения хозяйства, разумного баланса в эксплуатации угодий и производственной деятельности че-

ловека. Отсюда огульное безудержное распахивание все новых участков, увеличение стад без всякого учета нагрузки на пастбища и возможностей обеспечения кормовой базы и т.п. Показатели должны расти независимо от того, какое содержание стоит за этим ростом, насколько это хозяйственно, выгодно, прибыльно – таков главный принцип адептов сдаточно-распределительной (командно-административной) системы. Одним из главных последствий и неисправимых зол этой системы явилось “раскрестьянивание”, превращение сельского труженика в колхозно-совхозного крепостного. В результате – резкий упадок горного земледелия и сенокосения, забрасывание террас, созданных столетиями упорного труда, увлечение монокультурами (план требует), чрезмерная нагрузка на пастбища и их выбивание, превращение в полупустыни, пески, голые горные склоны.

Причем такое варварское отношение к природе молчаливо подразумевалось, поскольку во имя выполнения плана чуть ли не исповедовался известный принцип иезуитов – “цель оправдывает средства”. В том же духе “работало” и знаменитое изречение Мичурина о милостях природы, которых надо не ждать, а брать.

Таким образом, система поставок стала главным регулятором зонального хозяйственного районирования. В качестве причин для специализации хозяйства, сельскохозяйственных культур и видов скота выступали не конкретные потребности населения данного региона, не интересы, рожденные зональным хозяйственным районированием, а экономическая сдаточно-распределительная целесообразность производимой продукции, ориентированная на интересы “центра”. Однако в самой заданности местного производства учитывается насколько благоприятны природно-географические условия для тех или иных сельскохозяйственных культур (их продуктивность и качество, время созревания, возможности уборки и переработки и др.). Например, республика была одним из крупных производителей и поставщиков шерсти, но преобладающая ее часть шла в необработанном виде в центр.

Следовательно, эколого-хозяйственный детерминизм в республике выражен достаточно отчетливо, но в своеобразном преломлении. Он запрограммирован с учетом потребностей сдаточно-распределительной системы с упором на плановые поставки.

Нетрудно заметить, что эта система вкупе с эколого-хозяйственным детерминизмом привела к ослаблению хозяйственно-культурных связей между ХКА республики. Связи возникают из насущных потребностей. Если одна из сторон не может ничего предложить в обмен на необходимую для нее продукцию, то связи ослабевают, принимают односторонний товарно-денежный характер. В условиях командно-административной системы не осталось места для обмена. Без этого обмена ослабли и политические, этнические, культурные взаимодействия. Разорванные таким образом исторические хозяйст-

венно-культурные связи между ХКА в определенной степени поддерживались отгонным скотоводством и обязанным ему возникновением кутанным хозяйством. В остальном же их заменили функционеры сдаточно-распределительной системы. Так отражается историзм ХКТ и ХКА, которые изменяются не только благодаря спонтанным подвижкам в хозяйстве, компонентах культуры, но и преобразованиям в общественно-политической структуре.

Следует сказать, что функционирование этой системы совершенно изменило и соотношение компонентов культуры отдельных ХКА. В традиционных ХКА, как мы видели, их набор во многом обуславливался спецификой природно-географической среды и хозяйства. В индустриальную эпоху изменяется, во-первых, техническая вооруженность хозяйства, во-вторых – источники пополнения, замена стареющих элементов культуры новыми. Изменения в технической оснащенности вызваны трансформацией горных хозяйств. Выше говорилось, здесь происходит активный процесс забрасывания террасных пахотных земель, небольших крутых сенокосных участков, что исключило (уменьшило) степень применения специфических горных орудий (рало, двухпозиционная коса, косовидный серп и др.). В горных общественных хозяйствах перешли на современные плуги, бороны, фабричные косы и т.п. Еще в 1950-е годы в отдельных горно-долинных селениях Левашинского района с помощью одноручной косы заготавливались тысячи тонн высококачественного альпийского сена. А в 1980-е годы – ни одного вьюка, ни одного килограмма.

Естественно, это “вымывание” традиционных старых орудий труда способствовало унификации одного из тех культурных компонентов, который характеризовался в прошлом значительными зональными отличиями. Отметим, что унификация, как и всякий процесс отрицания всего старого, выработанного тысячелетним опытом и традициями, сопровождался и многими отрицательными последствиями. Так, во многих горных хозяйствах оказался губительным тракторный плуг, разрушавший структуру тонкого слоя почвы горных земель и поднимавший к плодородной части почвы элементы “мертвых” грунтовых слоев, с одновременным рассеиванием, “захоронением” на глубину, практическим уничтожением гумусного слоя почвы (для сравнения см.: с. Мочох) [56. С. 96]. Правда, в индивидуальном хозяйстве еще сохранились традиционные орудия, но преимущественно ручные (например, одноручная коса), которые и служат главным образом для разграничения культурных компонентов.

Что касается других компонентов культуры, не связанных или недостаточно связанных с хозяйством, то здесь произошла еще большая унификация, поскольку почти весь их перечень обеспечивался для населения всех зон фабрично-заводской промышленностью, выпускающей однотипную продукцию. Продукция эта не только стандартна, но и универсальна. Так, компонент, имеющий

отношение к транспортным перевозкам, стал единым почти для всей территории республики. Главным видом для всех зон стал автомобильный транспорт, и лишь в индивидуальном хозяйстве частично сохранилась роль вьючного и тяглового транспорта и местами перевозка грузов на себе. Аналогичная ситуация сложилась в производственной, жизнеобеспечивающей, соционормативной и познавательной (эмоциональной, сенсуальной) областях. Достаточно взглянуть на современное жилище, одежду, пищу.

Однако эти процессы вымывания традиционных и появления новых унифицированных компонентов происходили неравномерно. Наиболее интенсивно они происходили в равнинно-нижнепредгорном ХКА, наименее интенсивно – в высокогорной части горного ХКА. Таким образом были образованы два полюса равнины и высокогорья (с более активными процессами в среднегорье, особенно в горных долинах). В свете сказанного можно считать, что компоненты культуры разных ХКА обладают определенными таксономическими свойствами, особенно с точки зрения массового распространения определенных компонентов в разных ХКА и их соотношений.

Таким образом, процессы культурных изменений имеют многофакторный характер. Поскольку техническая оснащенность привела к забрасыванию многих угодий, мало подходящих для современной техники, уменьшаются каузальные соотношения между экологией и хозяйством, с одной стороны, и набором культурных компонентов – с другой.

В связи с этим можно, по-видимому, считать, что ХКА республики трансформировались не только (и не столько) по причине хозяйственно-культурной эволюции совокупности соседних ХКА, сколько в соответствии с командными импульсами, исходящими от сдаточно-распределительной (командно-административной) системы.

Как указывалось, трансформированный ХКТ (и ХКА) подвергается преобразованию под воздействием определенных внешних факторов, будь то соседние ХКА, промышленные области, город и т.п.

Скотоводческая отрасль в горном ХКА почти не имеет различий (в высокогорной части более высок удельный вес внутриальпийского хозяйства). В земледельческой отрасли их несколько больше (пахотные угодья из плато и террас вместо склонов, более высокая техническая оснащенность в среднегорье). Особенность трансформированного ХКА заключается в том, что он изменил особенности своей основной отрасли не только в результате взаимодействия с другими ХКА или городом, но и в итоге внутреннего спонтанного развития своих главных элементов. Таким является равнинный ХКА, который изменился не только под воздействием сдаточно-распределительной системы, но и в результате саморазвития, выразившегося в быстром подъеме основной отрасли – земледелия, росте его технической оснащенности, степени ирригации и т.п. Эти про-

цессы настолько изменили содержание ХКА, что для него требуется другое наименование, отражающее новый уровень его структурной сбалансированности, технической оснащенности и взаимодействия с другими промышленными и аграрными комплексами, с другими ХКА. Разнообразие структур и потенциальных ресурсов должны были создать взаимное экономическое “притяжение”, и оно, в общем-то имело место. Но оно осуществлялось главным образом через сдаточно-распределительную систему, а между самими ХКА экономические связи были довольно слабы. И только отгонная система скотоводства и возникшее на его основе кутанное хозяйство стали связующим звеном между равнинным и горным ХКА. Сам состав этих связей подразделялся на несколько уровней, включающих и структуру кутанного хозяйства. Первый уровень связей, наиболее важный и емкий, который реализуется на государственном уровне, почти не был связан непосредственно с отношениями между ХКА, он находился над ними. Связи эти проходили через город, который в лице управленческих структур представлял сдаточно-распределительную систему. На этом же уровне находятся отчасти и выделенные для отгонного скотоводства летние и особенно зимние пастбища и кутанное хозяйство. Поскольку выделение пастбищ находилось всецело в ведении командно-административной системы, и здесь (как в любом администрировании) не обошлось без ошибок, накладок и даже прямой несправедливости. Так получилось, что среднегорные районы, имеющие более выгодное географическое (между высокогорьем и равниной) и транспортное положение, оказались в более лучшем и иногда даже в привилегированном положении. Эти выгоды заключались, например, в том, что среднегорные хозяйства нередко получали пастбищные угодья в ущерб местному скотоводству и даже земледелию (на равнине, например, в Бабаюртовской зоне отгонных пастбищ).

Так получали угодья в обеих зонах (высокогорье и равнина) хозяйства Акушинского, Гунибского, Хунзахского, Левашинского и других районов. Разумеется, в этом сыграли роль богатые традиции и опыт населения этой зоны в отгонном скотоводстве, веками сложившаяся система найма высокогорных и равнинных пастбищ, которая в условиях советской власти превратилась в бесплатное надление.

По-видимому, не требует особых доказательств положение, что если бы это взаимное пользование осуществлялось на уровне связей между отдельными хозяйствами, оно было бы экономически более оправданным и политически более справедливым. Этот уровень стал вторым видом взаимосвязей дагестанских ХКА. Базирующееся в основном на производительных силах равнины, подкрепляемое и поддерживаемое равнинной техникой и орошением, в своем функционировании опирающееся на население горной зоны, дающее многие формы взаимодействия горных хозяйств с равнинными, кутан-

ное хозяйство представляет собой наиболее яркое выражение этого уровня связей.

Даже такой отрицательный, экономически неоправданный момент надления пастбищами, как их разбросанность по многим районам (например, пастбища, выделенные Гунибскому району, расположены в 11 районах: Тляртинском – 11,3%, Чародинском – 11,2, Цунтинском – 5,3, Кулинском – 5,2, Лакском – 0,7, Кизлярском – 34,8, Кизилюртовском – 25,5, Хасавюртовском – 0,1, Ленинском – 1,5, Буйнакском – 1,2, Бабаюртовском – 3,2%), в данном случае способствовал интенсификации и разнообразию форм взаимосвязей. Но, повторяем, связи подобного рода могли быть более эффективными и плодотворными, если бы осуществлялись на свободной экономической основе без административного распределения угодий, диктата и принуждения.

И, наконец, третий уровень связей – непосредственно между населением, жителями дагестанских ХКА. Эти связи активизируются постоянно происходящей миграцией горцев на равнину, которая носит организованный и стихийный характер (формы). Надо отметить, что в отличие от связей в масштабах сдаточно-распределительной системы и на уровне общественных хозяйств, связи “населенческого” уровня более активны и многосторонни, затрагивают широкий спектр отношений, начиная от экономических и кончая культурными. Они осуществляются и через экономику кутанного хозяйства, и через население равнины, занятого в этом типе хозяйств, и посредством торгово-хозяйственных контактов. Горцы, временно проживающие на равнине, были не только посредниками, но и своеобразными “эмиссарами”, выявляющими взаимные “резервы” экономических и культурных взаимосвязей. Хотя основной продукт питания (хлеб) горцы получали через государственно-кооперативную торговую сеть, в остальном экономические связи равнины и гор напоминали традиционные, с оговоркой, что обязательные государственные поставки подавляющей части продукции сельского хозяйства уменьшают масштабы этого обмена.

Характерно, например, что увеличение спроса на овощи, особенно помидоры, среди горцев значительно активизировало вывоз в горы. Также увеличился по сравнению с традиционным обменом завоз в горы продукции бахчевых плантаций, особенно арбузов. С гор на равнину отправляют, как и прежде, часть животноводческой продукции, причем больше ее потребляют (особенно овечий сыр, курдюк, сушеное мясо) переселенцы – бывшие горцы. Из культурных влияний можно указать на увеличение потребления не только овощей, но и солений, маринадов, соков, варенья в горной части, активное проникновение некоторых видов пищи и одежды. Из обратных заимствований можно указать на двухэтажную конструкцию жилища, верандного и двухрядного типа, которая также первоначально внедрялась горцами-переселенцами.

Эта трехступенчатая система взаимосвязей, хотя и не очень масштабных, дает определенные основания для того, чтобы говорить о взаимодействующей совокупности дагестанских ХКА. При формировании такого единства играют роль и факторы иного порядка, в том числе общественно-политические, этнокультурные, морально-этические и др. Можно даже сказать, что перечисленные факторы играют не меньшую роль, чем указанные уровни взаимосвязей, так как сдаточно-распределительная система ликвидировала главные отраслевые стимулы взаимных связей экономического характера: предоставление продукции скотоводства и рабочей силы, с одной стороны, хлеба и зимних пастбищ – с другой.

Однако ослабление экономических взаимосвязей не означает стирания различий между равнинным и горным ХКА. Напротив, чем интенсивнее становится научно-технический прогресс в сельском хозяйстве, тем более увеличивается технологический разрыв между обоими ХКА. Нам уже приходилось отмечать, что и в индустриальную эпоху велика роль природно-географических условий в хозяйственной специализации, соотношении разных отраслей хозяйства. И эта роль выражается еще более отчетливо в регионах, объединяющих сильно различающиеся природно-географические зоны, например: орошаемая равнина и полупустыня или горы. Кстати, если согласно последним географическим исследованиям для выделения горных территорий необходимо не только измерять высотность (гипсометрия), но и “степень расчлененности рельефа, крутизну склонов и температурный режим” [62. С. 12, 13], то трудно найти область с более “горным” характером, чем горный Дагестан. Следовательно, роль экологии сохраняется, но ее регулирующая функция в определенной степени ослабевает, благодаря тому что механизация и НТР в известной мере нейтрализуют экологическое воздействие.

Если попытаться сформулировать основные факторы, определяющие современную специализацию сельского хозяйства относительно (и применительно) отдельных природно-географических зон, то можно указать на триаду предпосылок или обстоятельств (экология, импульсы сдаточно-распределительной системы, потребности населения). В первую очередь, это особенности природно-географических условий, поскольку их воздействие радикально не может быть устранено никакими обстоятельствами. Например, механизация любой отрасли хозяйства, особенно земледелия, прямо зависит от того, в какой зоне отрасль функционирует. При всем желании невозможно механизировать земледельческие работы или транспорт в горной зоне в такой же степени как на равнине. Никакие усилия и затраты не обеспечат в горах масштабного орошения, ибо здесь нет в силу особенностей рельефа никаких объективных возможностей для этого. И, наконец, профиль хозяйства, развитие определенных отраслей также во многом обусловлены комплексом природно-географических условий. Так, в горной зоне невозможны

масштабное земледелие, рисосеяние, виноградарство, бахчеводство и другие отрасли, а равнина мало приспособлена к массовому разведению овец. Второй определяющий фактор – импульсы (приказы) сдаточно-распределительной системы, которые выступают в форме партийно-государственных заданий. Обычно сначала определяли сравнительно разумные госзаказы (задания), а потом под давлением партийных органов принимались повышенные обязательства. Эти задания обуславливались эколого-хозяйственным детерминизмом, опирающимся на хозяйственные традиции, на отрасли с наибольшей продуктивностью в данных природно-географических условиях, на интересы государства. При этом нужды местного населения и даже республики в целом не принимались во внимание. Например, дагестанскому овцеводству традиционно была свойственна мясо-шерстная направленность. Она отвечала хозяйственным, бытовым, пищевым традициям, удовлетворяла и потребности развитых промыслов по обработке шерсти, была соотнесена с особенностями природно-географических условий. В советское время направление было изменено на шерстно-мясное, многие ценные местные породы овец вывелись, так как не давали, по мнению власти предрержащих, достаточно хорошую шерсть (с тонким руном). Стали вводиться новые породы, ориентированные на тонкорунную шерсть, которая шла преимущественно на государственные фабрики.

Местное производство высококачественных ковров, сукон, вязаных изделий лишилось сырьевой базы. Кроме того, республика лишилась ежегодного производства овечьего сыра порядка 7–10 тыс. т из-за представления (как оказалось впоследствии, ошибочного) о том, что доение овец отрицательно сказывается на выходе и качестве шерсти [121]. Такая же история произошла и с виноградом. Расширение насаждений и превращение его в ряды мест в монокультуру, значительно подорвало и зерновую, и кормовую базу, уменьшило плантации овощей, площади фруктовых садов. Все это приносилось в жертву ради того, чтобы достигнуть определенных рубежей в производстве винограда, преимущественно технических сортов.

После этих примеров должно быть ясно, что третий определяющий фактор – нужды местного населения – действовал гораздо слабее и был как бы под давлением второго фактора. В колхозах и совхозах вообще не было принято в какой-то степени подчинять производство, состав и объем продукции нуждам самих колхозников или рабочих совхоза. В период сталинской диктатуры выдать хотя бы один килограмм зерна нового урожая, например, на питание во время страды, до выполнения планов госпоставок считалось государственным преступлением, рассматривалось чуть ли не как измена Родине.

В плане третьего фактора (нужды населения) можно было бы сделать акцент на индивидуальное хозяйство, которое функциони-

рует в согласии с первым фактором (экологическим), но с учетом потребностей личного хозяйства, семьи, дома. Основные отрасли, направления культуры, виды скота, задействованные в личном хозяйстве, совпадают с таковыми в общественном. Однако личное хозяйство не знает диктата сдаточно-распределительной экономики. Хотя оно в значительной степени подчинено интересам и требованиям рынка, но тем не менее, даже когда есть тенденция к монокультуре (выгоден сбыт, например, чеснока, ранних томатов, арбузов и т.п.), учитываются собственные потребности в сельскохозяйственной продукции. В этом отношении можно сказать, что личное хозяйство больше подчинено системе рыночных отношений, но создать рынок без той продукции, которую общественные хозяйства в рамках сдаточно-распределительной системы просто сдают государству, оно не в состоянии. В целом, следует считать, что соотношенное с экологией индивидуальное хозяйство подчиняется закономерностям зональной хозяйственной специализации и на этой основе участвует во взаимодействии дагестанских ХКА, создает предпосылки для единства хозяйственных и культурных типов. Последнее на “лично-хозяйственном” уровне происходит даже более активно, так как действия, связанные с торговлей, сопровождаются активными межличностными и межсельскими контактами, принимающими форму этнических взаимоотношений.

Хотя, отметим еще раз, что вопрос об этничности ХКА становится в индустриальную эпоху менее актуальным. Это и понятно, поскольку механизация, НТР, изготовление большинства компонентов культуры в фабрично-заводской промышленности по единым образцам и стандартам привело к унификации феноменов хозяйства и культуры, появлению однотипных элементов как в разных ХКА, так и у разных этносов. Например, в прошлом транспорт был одним из четко различающихся культурных феноменов в разных ХКА, на равнине господствовала в перевозках упряжная повозка, в среднегорье использовали главным образом вьючного осла, в высокогорье – вьючную лошадь, а к 70–80-м годам XX в. большую часть перевозок во всех зонах и соответствующих ХКА осуществляет автомобильный транспорт. Или же пахотное орудие, которое было для традиционных ХКА одним из главных различительных признаков (отвалный плуг на равнине, рало в среднегорье, более простое рало с шарнирным грядилем-дышлом в высокогорье), стало единым для всех зон – плуг, разница только отчасти в упряжке и в количестве объединенных плугов в одной связке (тракторный плуг).

Не будет, по-видимому, ошибкой считать, что единообразие, происходящее на межрегиональном уровне, сопровождается унификацией и в межэтнических соотношениях. Оба этих процесса взаимосвязаны, причем нивелировка специфически этнического шла в общем быстрее, чем специфически регионального, зонального. В отношении традиционных ХКА нам уже приходилось отмечать их

надэтнический характер, с элементами иногда, при особых обстоятельствах, складывающейся их этнизации. В еще большей степени “надэтничность” проявляется в современных ХКА, причем “уменьшение” национального прямо пропорционально стратиграфии ХКА, в прогрессе ХКА от традиционного через трансформированный ХКА к аграрно-бытовому комплексу (“новые зональные комплексы экономического и бытового характера”, складывающиеся “благодаря механизации, росту промышленного производства и городов”) [74. С. 15, 16]. Понятно, что и механизация, и промышленное производство, и рост городов отнюдь не способствуют этнизации культурных феноменов, как раз наоборот. А поскольку процессы механизации, унификации и другие наиболее интенсивно происходили на равнине, где наблюдается тенденция к перерастанию трансформированного ХКА в аграрно-бытовой комплекс (зону), то и вымывание этничности ХКА происходит здесь быстрее. Этому способствовали и демографические процессы на равнине, интенсивный рост миграции сюда разноэтнических групп со всех концов горного Дагестана.

В целом, если сравнивать закономерности хозяйственного и культурного развития всего Дагестана и специфически местные, относящиеся к развитию отдельных ХКА, то становится очевидным, что общие закономерности для всей ИКО Дагестана явно преобладают над местными. Видимо, будет полезно проследить особенности этих закономерностей на феноменах отдельных ХКА.

Основной компонент ХКА – хозяйство, в нем самом – соотношение его отраслей. В равнинном ХКА советского периода шло активное развитие и рост земледельческой отрасли, рос ее удельный вес, степень механизированности и внедрения достижений НТР. Отрасль стала не только ведущей, но и господствующей. При этом, несмотря на жесткие рамки сдаточно-распределительной системы, она оказывала немалое воздействие, особенно через кутанное хозяйство, и на горное хозяйство. Это не противоречило тенденциям ее развития до революции, но теперь это развитие имеет качественно иной характер, поскольку сопровождалось технической (и технологической) революцией. В соотношении с другой отраслью (скотоводством) появляются новые моменты. Если в традиционном ХКА обе отрасли были симбиозны, то в индустриальную эпоху роль рабочего скота сходит на нет, появляются неорганические удобрения, и в то же время намного возрастает роль сеяных кормов для поддержания скотоводства на современном уровне. Таким образом, главной тенденцией и особенностью развития хозяйства равнинного ХКА стало опережающее развитие земледелия, которое было опорой не только равнинного, но и частично горного скотоводства.

Противоположные процессы происходят в горном хозяйстве. Земледелие, занимавшее твердые позиции в среднегорье и имевшее определенный вес в высокогорье, отстает еще более на задний

план. Основной ведущей отраслью стало скотоводство, которое превратилось в однотипную отрасль хозяйства. Следовательно, и в горной части протекает процесс роста и преобладания одной отрасли за счет другой, причем здесь он сопровождается и унификацией отрасли в пределах двух бывших ХКА – среднегорного и высокогорного.

Таким образом, можно сделать вывод о противоположных закономерностях развития хозяйства обеих зон и ХКА. Эта противоположность проявляется не только в различиях в удельном весе и темпах развития разнополюсных отраслей, но и в степени их механизированности, ибо скотоводство, особенно горное, намного отстает в этом отношении от земледелия. Общей тенденцией здесь можно назвать только одну. Это профилизация, наиболее отвечающая местным природно-географическим условиям применительно к общесоюзным потребностям (эколого-хозяйственный детерминизм). В остальном эволюция отраслей представляет собой один из наиболее характерных и ярких феноменов хозяйственного развития, иллюстрирующего местные особенности ХКА в индустриальную эпоху.

Теперь остановимся на закономерностях развития самих отраслей хозяйства. В земледельческой отрасли начнем с такого феномена, как тип земледелия, включающего особенности основного пахотного орудия и ландшафтную характеристику пахотных угодий. В эволюции пахотных орудий наблюдается отчасти парадоксальная картина: горное орудие (рало) постепенно сошло на нет, а его место занимает равнинный плуг. На равнине же идет совершенствование плуга, который был там и раньше.

Таким образом, уменьшение количества пахотных орудий в горах произошло вследствие появления заимствованного орудия (тракторный плуг), что можно считать общей закономерностью. Что касается ландшафтной характеристики угодий, то и здесь, как ни странно, происходит определенное сближение в их конфигурации. Связано это с приспособлением горных земледельческих хозяйств к тракторному плугу. Горные земледельцы с помощью мощной современной техники разравнивают все что возможно, в том числе и террасы, особенно откосные. А то, что недоступно современному тракторному плугу, особенно террасы с подпорными стенами, постепенно забрасывалось, сохраняя лишь в долинах, в местах интенсивного садоводства. История этого орудия труда свидетельствует о “сближении” различных феноменов.

Таким образом, и основное пахотное орудие и ландшафтная особенность угодий, проявляя разные тенденции внутри зон, в совокупности выражают общую тенденцию с одной направленностью, заключавшуюся во внедрении современных форм и технологий.

Теперь обратимся к системе земледелия. Процессы, происходящие на местах, и здесь обратные. На равнине залежная система совершенно исчезает в процессе всеобщей интенсификации и ее место

занимает плодосменная система, основанная на современной агротехнике и технологии. В горной зоне, наоборот, в земледелии произошел определенный упадок. Соответственно появились элементы залежной системы. Однако на тех угодьях, которые пригодны для обработки современными пахотными орудиями, в горах также превалирует плодосменная система. В целом, получилось, что равнинная зона (ХКА) через отрицание залежной и горная через дальнейшее развитие плодосменной пришли к единому знаменателю, свойственному и всей стране, – вытеснение залежных и паровых форм, а также интенсификация плодосменных. В составном компоненте системы земледелия, в удобрениях также процессы неоднозначны. Равнинная зона, традиционно их не применявшая, стала районом интенсивного использования органических и неорганических удобрений.

В горном ХКА, где раньше масштабы использования удобрений были чрезвычайно велики, теперь масштабы их применения значительно уменьшились. Это вызвано примерно теми же причинами, что и забрасывание террасных полей, – горцы все меньше и меньше расположены к тяжелому ручному или слабомеханизированному труду, каковым пока остается вывоз навоза на поля в горных условиях. В практике удобрения полей преобладают местные закономерности, но с обратным по сравнению с традиционной практикой знаком, что и стало той общей закономерностью, которая характеризует и сближает оба ХКА. В другом элементе системы земледелия – орошении сохраняются традиционные соотношения. Равнинная зона остается ведущей, более масштабной в этом отношении, но и в горном ХКА орошение не падает и является прогрессирующим элементом земледелия. Поэтому можно говорить об общих закономерностях, характерных для развития орошения всех ХКА, исключая один аспект – масштабность. В этом отношении равнинная и горная зона несравнимы.

Из других видов земледелия, помимо полевого, отметим также сходные тенденции в садоводстве, основная линия развития которого была нацелена на дальнейший рост. Однако эта нацеленность реализовалась по-разному. На равнине под сады отводятся большие площади, обязательно орошаемые, растет урожайность, валовой сбор фруктов. Так, Магарамкентский район стал самым крупным садоводческим районом по количеству насаждений, урожайности и валовому сбору (124,5 тыс. ц из 635,9 тыс. ц по республике в 1981–1985 гг.) [26. С. 97]. До революции богатейшее зерноводческое с. Губден было одним из основных потребителей фруктов горно-долинных селений даргинцев (цудахарцев) и аварцев (хиндалалцев). А в советское время губденцы вывозят фрукты в массовом порядке в города и даже в те же районы (например, Левашинский), откуда в прошлом их получали. На базарах горных Улуя или Акуша (и даже Цудахара, в определенные периоды лета) губденские фрукты стали обычным явлением (также как и на консервных заводах нагорного Дагестана). В горах

рост площадей почти не происходит, напротив, в ряде мест даже перестали обрабатывать наиболее неудобные, узкие, удаленные террасы; оставшиеся от доколхозного времени состарившиеся сады плохо заменяются насаждениями из новых высокоурожайных сортов, лучшие из местных сортов постепенно выходят из практики садоводства. Например, аул Хаджалмахи еще в 1950-е годы сдавал государству в урожайный год более 1,5 тыс. т абрикосов и 2–3 тыс. т яблок и груш. В садах были груши местных сортов, дававшие по 2–3 т с дерева, ныне таких деревьев почти не осталось, а урожаем исчисляются несколькими сотнями тонн.

Относительно виноградарства закономерности также обратные. В равнинном ХКА виноградарство – высокоразвитая промышленная отрасль земледелия, постоянно развивающаяся и даже имсущая во многих местах все признаки монокультуры. В горном ХКА виноградарство (и только столовых сортов) существует только в личном хозяйстве, перспектив развития у него пока нет (если не изменится положение о собственности на землю и крестьяне не получают в полное владение все террасные угодья).

В овощеводстве положение более однотипное. Овощи, конечно, в основном типичны для равнины (как и бахчевые), но картофеля больше в горах. И в горной части, особенно в личном хозяйстве, овощам отводится достаточно места на приусадебных участках, хотя, разумеется, там нет условий для их масштабного выращивания. Однако, в отличие от зернового земледелия, овощеводство (как и садоводство, виноградарство) не заброшено, оно просто не имеет объективных предпосылок для масштабного развития, но как отрасль личного хозяйства имеет все шансы для расширения в будущем.

И, наконец, рисосеяние можно включить в перечень закономерностей развития равнинного ХКА, поскольку в горной части оно невозможно. Правда, горные колхозы и совхозы практикуют рисосеяние на своих кутанных угодьях, но, как уже говорилось, кутанное хозяйство в строгом смысле слова не является частью горного хозяйства, а представляет собой гибрид горного (рабочая сила) и равнинного (угодья, техника, технология, культура земледелия) хозяйства.

Такие же различия мы наблюдаем в разных ХКА в операциях земледельческого цикла. О проблеме пахоты мы частично упоминали в связи с историей основного орудия труда. Различия в ней – масштаб работ, применение на равнине многолемешных тракторных плугов, запахивание здесь небольших участков, в том числе индивидуальных огородных, также тракторным плугом, в то время как в горной зоне часть малых участков, в частности личных, остаются недоступными для тракторного плуга.

Унифицирующие закономерности произошли и в бороновании. Горная зона с ралом в качестве главного обрабатывающего орудия не знала в прошлом бороны. В советское время обработка плугом обуславливает и в горах обязательное боронование. В обеих зонах

боронование стало однотипным, хотя масштабность его сильно различается.

Процедура жатвы имеет больше сходства, чем различий. В последнее время господствует прямое комбайнирование, и это свойственно и горной зоне. Лишь на личных участках, особенно в высокогорье, еще сохранилась уборка вручную (серпом). На равнине на собственных участках зерновые не сеют. Обмолот традиционным способом, с помощью молотильных досок в упряжи, также сохранился главным образом в высокогорье, преимущественно в индивидуальных хозяйствах. В колхозах и совхозах частично используют прямое комбайнирование, но большее применение имеет стационарная молотилка на механической или электрической тяге. Таким образом, во всех операциях земледельческого цикла мы видим в обоих ХКА сходные закономерности в развитии современных способов и технологий, и лишь объективные природно-географические условия препятствуют полному и адекватному их осуществлению в горной зоне в такой же степени, как в равнинной.

В целом, воздействию современных технических и технологических процессов в земледелии поддается хозяйство обоих ХКА. В этом отношении можно говорить о единстве закономерного их развития в индустриальную эпоху. Однако степень проявления этих закономерностей неодинакова в разных ареалах, и она во многом зависит от экологии, что приводит порою к обратным закономерностям при общности воздействующих факторов. Так, современная техника вызвала большой рост масштабов земледелия на равнине и в то же время способствовала (косвенно) кризису горного земледелия. В этом плане большое значение приобретает “эффект применимости”, который регулирует проявление многих из современных закономерностей развития хозяйства (например, возможность применения техники, масштабного орошения или рисования и т.п.).

Значительны контрасты в развитии скотоводства разных ХКА. В горном ХКА все годы советской власти, особенно с колхозного периода, развивалось главным образом скотоводство, в то время как на равнине основной отраслью было земледелие, от которого зависел и рост местного скотоводства, занимающего здесь вторые позиции.

В свете этого основного отличия и следует рассматривать общие и частные закономерности развития скотоводства в обоих ХКА.

Одна из них, имеющая обратный характер, заключается в том, что горное скотоводство базируется на пастбищной системе, а равнинное скотоводство – преимущественно на заготовке кормов. Причем ограниченность кормовой базы в горах в зимний период вызывает не только необходимость отгона скота на равнинные зимние пастбища, но и подвоза заготовленных на равнине кормов в горные районы. В основе животноводства заключена предпосылка, определяющая его характер, формы, которые тоже являются диаметрально противоположны-

ми для обеих зон. Равнинная зона стала ареалом развитого стационарного скотоводства с очень редким отгоном скота, горный же ареал стал районом интенсивного, масштабного, охватывающего всю отрасль отгонного скотоводства. Начиная с земельно-водной реформы и образования колхозов, и весь советский период в республике делалось все, для того чтобы увеличить масштабы отгонного скотоводства, расширить его пастбищно-кормовую базу. Результатом этой политики было наделение горных хозяйств равнинными пастбищными и иными угодьями, часто в ущерб равнинному земледельческо-скотоводческому хозяйству и интересам жителей равнины. Итогом такого наделения стало образование кутанного (или прикутанного) хозяйства, гибрида горного и равнинного хозяйственного типа, объединившего природно-географические и технологические ресурсы равнины с рабочей силой горной части. Кутанное хозяйство во многом способствовало смычке обоих ХКА, вызвало миграционные процессы (переселение с гор на равнину), дало толчок развитию производительных сил республики, особенно ее горной части. Однако включение дополнительных (часто избыточных) земледельческих функций не всегда оправдывает себя, так как продуктивность земледельческой отрасли кутанов при тех же угодьях оказалась намного ниже продуктивности других отраслей на равнине (опыт, навыки, масштабность, техническая оснащенность, постоянный уход за посевами и другие характеристики на равнине значительно выше). Отгонное скотоводство, снимающее большую часть забот о кормовой базе (заготовленных кормах) приняло в горной зоне больший размах. Одной из форм явилась стационарность (временная и постоянная) содержания части скота на равнине, на заготовленных кормах, на животноводческих фермах и комплексах. Таким образом, при почти полярных характерах скотоводства в обоих ХКА (отгонная и стационарная) имеются и закономерности, которые типичны для скотоводства обеих зон (кутанное хозяйство и стационарное скотоводство горной зоны). Однако степень стационарности невелика, особенно в овцеводстве, основной отрасли скотоводства горной части. Всеобщее увлечение отгонным скотоводством приводит к угасанию таких рациональных форм горного скотоводства, как внутриапальпийская.

Соответственно главным формам скотоводства горного и равнинного хозяйственных типов (стационарная и отгонная) сложилось и соотношение видов скота. Форма скотоводства и преобладание определенного вида содержащегося скота взаимосвязаны и обусловлены: форма определяет главный вид скота, а вид скота, в свою очередь, воздействует на выбор той или иной формы скотоводства. Тут несколько уровней взаимосвязей. Особенности природных условий горной зоны, при наличии поблизости равнинных угодий, которые могут быть использованы в качестве зимних пастбищ, обуславливают отгонную форму скотоводства. К подобной форме более приспособлены овцы, а уже сложившиеся традиции овцеводства способст-

вуют утверждению отгонной формы. А крупный рогатый скот менее приспособлен к отгону и для него предпочтительнее стационарная форма, а традиции его разведения соответственно – утверждению стационарного скотоводства. И в советскую эпоху эти соотношения сохраняют свою силу, что нашло отражение и в составе стада обоих ХКА: овцы – в горном, крупный рогатый скот – в равнинном. При этом чем быстрее развиваются эти отрасли животноводства, тем четче становится разделение и по видам скота: отгонная форма – преобладают овцы, стационарная – крупный рогатый скот. Еще один элемент, показывающий действие обратных закономерностей, – это уровень механизации сельского хозяйства.

Первый аспект этих закономерностей – механизация на уровне отраслей. В земледелии она намного выше, чем в скотоводстве. Это обусловлено объективными обстоятельствами. Главная причина состоит в том, что объект механизации живое существо. Следовательно, равнина, которая была районом развитого земледелия, одновременно характеризовалась более высоким уровнем механизации. Второй аспект – внутриотраслевой – связан с тем, что стационарное скотоводство с его крупными фермами и комплексами, а также характером основных операций легче и быстрее поддается механизации, чем отгонное, не имеющее постоянно функционирующих баз и видов скота, содержание которого труднее механизировать.

Таким образом, и в скотоводческой отрасли наблюдаются закономерности развития, как сближающие оба ХКА, так и различающие их. Несоответствие закономерностей вызвано характером самих отраслей (земледелие, скотоводство), степенью сохранности традиционных систем, форм, комплексов, институтов, способов хозяйствования, и особенно объективными возможностями и степенью реализации современных процессов механизации и внедрения достижений НТР в отрасли.

Теперь рассмотрим более частные вопросы, имеющие, однако, немалое значение для определения различий ХКА. Одним из таких элементов было половое разделение труда. Закономерности видоизменений здесь совершенно различны по ареалам и могут считаться в общем-то однотипными. Эти изменения связаны с развитием механизации. В горах механизация частично облегчила женский труд, который стал больше применяться в индивидуальном хозяйстве. На равнине из-за механизации часть мужских работ перешла к женщинам. Вообще, женщины стали больше заниматься хозяйственными работами, чем в прошлом, и таким образом произошло как бы выравнивание удельного веса женского труда в сельскохозяйственных работах. В связи с этой проблемой можно остановиться и на вопросе о заготовке сена, поскольку он служил точным показателем полового разделения труда. И в этом отношении в общественных хозяйствах происходит процесс, сближающий сеноуборку по зонам. Однако жители равнины продвинулись в механизации заготовки сена дальше, в горной же части еще

велик, особенно в подсобном хозяйстве, удельный вес женского труда (в том числе и в перевозке сена).

С разделением труда, с загруженностью мужчин и женщин сельскохозяйственными работами связан вопрос о промыслах и отходничестве. Процессы, протекающие в промыслах однотипны или одноплановы для всей ИКО, всех ХКА. Промыслы приходили в упадок, а некоторые из них исчезли.

Причины этого уже освещались. Отметим только, что упадок промыслов не связан с увеличением занятости населения. Избыток рабочих рук остается в республике и в наши дни. Это достаточно убедительно иллюстрируется развитым временным и постоянным отходом населения из республики. Особенностью дагестанского дальнего отходничества было стремление сохранить более или менее тесную связь с родным поселением, в результате чего сложилось интересное явление бислокальных семей (одни, обычно молодежь, занимаются отходничеством, в том числе в промышленности; другие – взрослые, старики и дети – живут в своем селе). Летом, как правило, семья собирается в ауле. Сельская жизнь в южном поселении обходится сравнительно дешево, при хороших заработках, получаемых на севере, востоке страны, такая кооперация имеет немалые материальные (да и культурные) выгоды. Отметим, что закономерность роста отходничества, в том числе бислокального проживания, характерна, в отличие от прошлого, обоим ХКА – и горному и равнинному. Например, крупнейшие зерноводческие аулы прошлого, такие, как Губден или Утамыш, для которых докапиталистическое отходничество вообще было исключено, отличаются большим распространением отходничества – временного (Губден), временного и бислокального (Утамыш).

Еще один элемент ХКА, в котором произошли большие изменения – транспорт (грузовые перевозки). В прошлом это был один из самых специфичных компонентов ХКА. Закономерности преобразования транспортной системы в индустриальную эпоху в пределах дагестанской ИКО, т.е. во всех ХКА совпадают, хотя определенная местная специфика неустранима и остается, особенно в горной части. Главное направление изменения транспорта, перевозок – это повсеместное распространение автомобиля, даже в высокогорье. Но на равнине он стал основным, чуть ли не единственным видом транспорта, в горах же еще немалую роль играют выючные и ручные перевозки. Как и во многих других случаях, равной степени механизации разных ХКА препятствуют различия в природно-географических условиях, т.е. действует “эффект применимости”. Отметим, что автомобильный транспорт горной части в одном отношении стал иметь сходное значение с транспортом равнины – он полностью обслуживает кутанное хозяйство, и как связующее между обеими зонами звено (челночные перевозки с гор и в горы), и как основной транспорт на конкретной местности.

Довольно сложны проявления общих и местных (специфических для отдельных ХКА) закономерностей в отношении компонентов культуры. С одной стороны, разные темпы вытеснения традиционных элементов, иногда разная степень приверженности к традиционному, разные возможности их замены более лучшими современными образцами.

С другой – разная степень и масштабы распространения новых культурных элементов, их приживаемости, доступности, объективные возможности воздействия культурных и городских центров. Один из элементов, в котором особенно четко проявились общие закономерности развития, – это пища и пищевые продукты. В этом элементе не действует принцип применимости, а затруднения в смысле влияния со стороны культурных центров, города могут выражаться лишь в дальности расстояний. Иными словами, оба ХКА имеют одну и ту же общую тенденцию – заимствование новых блюд, приобретение и заготовка новых продуктов (фабричные продукты, консервы, варенья и т.п.), но в равнинной части эти процессы идут интенсивнее. Отметим такую консервативную деталь, свойственную для всей ИКО, но особенно для горной части – сохранение хинкала в качестве одного из главных постоянных (и престижных) блюд. Следует сказать, что кутанное хозяйство и обслуживающее его население горных аулов служит своеобразным посредником в смысле внедрения в быт горцев многих культурных инноваций, которые среди жителей равнины утверждаются раньше и более масштабно. В отношении напитков можно отметить, что дагестанцы познакомились со многими, неизвестными ранее, безалкогольными напитками – ситро, морс, лимонад, разные соки и т.д.

С другой стороны – намного увеличилось и потребление алкогольных напитков, особенно водки и крепленого вина. К сожалению, тенденция эта повсеместна во всей республике. Можно только отметить, что отдаленность от мест производства и продажи в некоторых местах сдерживают рост потребления алкогольных напитков. Играть определенную роль в этом и некоторые местные традиции, в частности почти полное отсутствие производства и потребления алкоголя (как, например, в отдельных высокогорных районах южного и центрального Дагестана). Из отличий можно указать на то, что равнинный Дагестан имеет больше объективных обстоятельств, способствующих потреблению алкогольных напитков. Это наличие собственного (в том числе в личных хозяйствах) винограда технических сортов, и соответственно вина, сети винзаводов, близость города с его винными, лучше снабжаемыми, магазинами и т.п.

Определенные тенденции наблюдаются и в развитии хлебопечкарных устройств и мельниц. Общая черта везде одна – сокращение, исчезновение традиционных устройств. На равнине, правда, больше общественных пекарен, так как обычно соседний город поставляет хлеб в сельскую местность. В горной же (особенно высокогорной)

зоне больше полагаются на собственное хлебопечение. Однако некоторые равнинные селения, имеющие богатые зерноводческие традиции, и в которых практикуется выдача (или продажа) зерна работникам хозяйства, предпочитают собственное зерно, муку и хлеб.

В причинной связи с этими явлениями находится и вопрос о современных мельницах. Горцы получают от торговли хлеб не в виде зерна, а – муки, что сделано ненужным иметь многочисленные мельницы. Они чаще встречаются на равнине, где больше зерна для переработки.

В целом, для продуктов питания, пищи и связанных с ними устройств всего Дагестана более характерно угасание старого, внедрение нового и унификация феноменов культуры.

То же самое можно сказать и о других элементах материальной культуры, которые отличались в тех или иных ареалах только по интенсивности инновационных процессов. Так, в отношении поселений можно отметить общий процесс – изменение социальной структуры поселения, приобретение ими новой структуры, главными особенностями которой являются общественное хозяйство (колхоз, совхоз) и советская власть. Изменения происходят во всех компонентах поселений, причем в большинстве случаев они носят общedaгестанский характер. В типе расселения изменения коснулись прежде всего структуры поселения, общину заменила структура общественного хозяйства и сельского совета, падает значение кварталов и особенно “тухумов”, совершенно меняется облик общественных мест и по составу, и по структуре, и по характеру. В типе поселения полностью повсюду изменились социально-экономическая природа, общественно-политический характер, структура и характер власти. Тип заселения изменился мало, так как поселения в основном остались на своих местах. Однако тип планировки (форма) поселения подвергался по всему Дагестану радикальным изменениям, поскольку появились совершенно новые способы планировки, ориентированные на квартально-уличную планировку с домами усадебного типа, с огородами и насаждениями (особенно на равнине). В жилище также преобладают общие закономерности, несмотря на его довольно тесную связанность с местными природно-географическими условиями. Одно из изменений общего характера заключается в неожиданном, если судить по большинству культурных компонентов, проникновении форм горного жилища на равнину, как в отношении планировки (верандный, лоджийный двухрядный), так и этажности (двухэтажный). В то же время в горах стали использовать скатную кровлю, которая раньше здесь была неизвестна. Таким образом, общей тенденцией можно считать появление многоэтажных построек на равнине, утверждение скатной конструкции кровли и однотипная планировка зданий. Одной из особенностей строительства была планировка жилища на склонах и маленькие приусадебные участки.

Последний из компонентов материальной культуры, на котором необходимо остановиться – одежда. Пожалуй, это один из тех элемен-

тов культуры, где в наибольшей степени проявляются общие черты. Главная из них – унификация форм одежды, причем унификация не только в масштабах всей республики, но и в отдельных ареалах. Процесс этот происходит на основе форм городской, фабрично-заводской одежды. Отметим, что горная зона не является в данном случае регионом большего проявления местных традиций, чем равнинная. В отдельных случаях жители небольших равнинных регионов оказались более консервативными в одежде, чем горные районы.

В отношении сохранности отдельных элементов духовной культуры (религиозных убеждений, традиционных обрядов, праздников семейного и общественного характера) выделяется горная зона. Здесь еще можно наблюдать, хотя и в измененном состоянии, немало обрядов и ритуалов прошлого. Некоторые из них даже возрождены, правда на несколько иных основах. Как в определенной степени местный праздник, можно отметить возрожденный праздник “первой борозды”, имеющий распространение главным образом в горах.

Однако в элементах духовной культуры не всегда наблюдается соотношение, характеризующее преобладание традиционного, консервативного в горной части и инновационного в равнинной. Так, население равнинного Карабудахкентского района по степени своей религиозности намного превосходит население многих горных и высокогорных районов.

Большая часть изменений в ХКА в индустриальную эпоху связана с механизацией сельского хозяйства, внедрением достижений НТР, общим техническим и культурным прогрессом, сдвигами в общественной жизни. Масштабность и глубина изменений обусловлены местными природно-географическими условиями, особенностями географического положения ХКА (особенно по отношению к городу) и объективными возможностями преобразований (то, что мы назвали “эффектом или принципом применимости”). Поэтому изменения масштабнее и существеннее в равнинном ХКА, более доступном техническому и культурному воздействию, городскому влиянию. В целом преобладают общedaгестанские закономерности преобразований, но основное дихотомическое различие (равнина–горы, земледелие–скотоводство) сохраняется.

В заключение постараемся очень кратко (поскольку были довольно подробные заключения по главам) суммировать результаты нашего исследования.

Ответ на возможности существования ХКТ и ХКА в индустриальную эпоху можно считать положительным.

Основная предпосылка этого – взаимодействие формулы экология–хозяйство (определяющего компонента ХКТ), особенно действенного в условиях контактных экологически противоположных зон.

Основными факторами трансформации старых и становления новых ХКА, происходящих стадийно по мере усиления действия этих факторов являются механизация, НТР, изменения в обществен-

ной структуре и хозяйственно-торговом механизме страны, сдаточно-распределительная система, индустриальное производство орудий и предметов материальной культуры.

В результате образовалось два ХКА: равнинный – оседлых земледельцев, механизаторов, ирригаторов и стационарных скотоводов и горный – оседлых отгонных скотоводов и земледельцев. Распространяясь от двух полюсов (равнина и высокогорье), они стыкуются где-то в верхнем предгорье.

Основные черты равнинного ХКА. Главная отрасль – высокомеханизированное земледелие; развитые удобрения, орошение, виноградарство, рисосеяние, овощеводство, стационарное скотоводство с преобладанием КРС и кормозаготовительной системы. Главная отрасль ХКА – отгонное овцеводство с пастбищной системой, сочетающаяся с кутанным хозяйством на выделенных равнинных землях, маломощное земледелие, слабая механизация, особенно в скотоводстве, долинное садоводство, незначительное овощеводство, существенная роль ручного труда, особенно в личном хозяйстве.

В грузовых перевозках в обоих ХКА развит автомобильный транспорт, но в горном он преимущественно используется для межрайонных перевозок (горы–равнина–кутаны–город). Здесь еще значительны вьючные и ручные перевозки.

В культурных компонентах при общедагестанских процессах стандартизации и унификации, связанных с единым промышленным источником производства орудий и предметов материальной культуры, усилением взаимовлияний и диффузий, также можно проследить определенные зональные различия.

В питании на равнине преобладает растительная пища, в том числе овощи, фрукты, печеные изделия (хлеб), из белковых – птица, говядина, много русских, европейских и городских блюд. В горном ХКА – удельный вес животноводческой пищи значительно выше, преобладание вареных мучных изделий (хинкал), мясо больше баранье (и говядина), заимствований меньше.

В поселениях и жилищах, при общей для Дагестана общественно-политической природе и структуре, можно отметить на равнине – горизонтальное заселение, улично-усадебную планировку, обновленность жилого фонда, большее соответствие современным культурно-бытовым запросам; в горах – вертикальное заселение, кучевая квартально-улочковая форма, безусадебность, относительная сохранность традиционного жилища, преобладание двухэтажной конструкции.

Одежда на равнине сильно подвержена современной городской моде, в горах частично сохранились традиционные формы: национальный чепчик, горская накидная шуба, шерстяная обувь.

Так выглядят итоги изучения современных ХКТ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

instituteofhistory.ru

Прошло всего несколько лет после завершения нашей работы, и в экономике хозяйственно-культурных ареалов произошли громадные изменения. Хотя они не повлияли существенно на ареализацию хозяйственно-культурных форм и стратификацию ХКА, но основательно затормозили поступательный ход развития закономерностей, определяющих изменения в содержании и распространении компонентов этих ареалов. Особенно это коснулось дальнейшего размежевания ХКА на аграрно-промышленную зону (равнина) и хозяйственно-бытовой комплекс (горы). Речь идет о проблемах промышленности, механизации, хозяйственного районирования, научно-технического прогресса, форм организации труда, быта, досуга.

Начало, казалось, было хорошим и обнадеживающим.

С перестройкой начался развал командно-административной системы и ее проявления в сельском хозяйстве – сдаточно-распределительного механизма. Стали вроде бы появляться определенные ростки экономических отношений, а позднее даже было объявлено о переходе к рыночной экономике. Однако рынок получился очень странный, однобокий. И начало этому положила ведущая отрасль экономики – промышленность. Сказалась давняя болезнь дагестанской промышленности – промежуточный характер. Отсутствовало производство конечной продукции; предприятия работали на привозном сырье, 95% комплектующих также поставлялось из других регионов. Не хватало и мощностей для переработки собственного сырья (шерсть, нефть).

Добавим к этому, что, как оказалось, в течение тридцати “доперестроечных” лет объем капиталовложений в расчете на душу населения в Дагестане был почти в 2 раза ниже, чем в среднем по России [179. С. 125].

Поэтому нарушение межрегиональных производственных связей обернулось, наряду с другими факторами, весьма серьезными последствиями, в том числе скоротечным упадком промышленности. С 1990 г. объем промышленного производства сократился в

6 раз, сельского хозяйства – в 3 раза. И на сегодняшний день производственный потенциал в республике в расчете на одного жителя в 3,7 раза меньше, чем по России, и в 2,2 раза меньше, чем по Северному Кавказу. Соответственно и фондовооруженность трудоспособного жителя в Дагестане ниже, чем в России в 3,4 раза, и в 2,1 раза, чем на Северном Кавказе [82. С. 130]. Уровень производимого на душу населения валового продукта ниже общероссийского в 6 раз, уровень производства промышленной продукции в 12,5 раз, а сельскохозяйственной в 2,8 раза [179. С. 125].

Горцев Дагестана прежде всего обеспечивал их труд или военная служба. Если было мало земли, скота, если собственное хозяйство не обеспечивало прожиточного минимума, горец брался за все – ремесленничество, отхожий промысел. Поскольку таких ситуаций, обусловленных бедностью природных ресурсов, малоземельем, было много, то приработки имели для горцев весьма существенное значение. Неслучайно в начале XX в. численность отходников из Дагестана превысила 100-тысячный рубеж.

В сельском хозяйстве появились свои проблемы. Главная из них – вопрос о земельной собственности. Колхозно-совхозный строй сделал свое дело. От отлучил крестьянина от собственности и тем самым отучил его от настоящего труда, вкладывания в этот труд души и творчества, от здравого смысла, от умения самостоятельно организовать свое хозяйство, реализовать свои возможности.

В результате такая категория, как “трудолюбивый горец”, стала весьма относительной, и сейчас трудно представить, что грандиозные террасы в горных долинах создавались еще сравнительно недавно предками нынешней молодежи. Крестьяне отвыкли от ручного труда, горцы забрасывают уголья. Кроме того, экономическая несоизмеримость производительности труда и соответственно стоимости местной и равнинно-городской рыночной продукции (например, зерна) также способствует сокращению собственного хозяйства, неприятию физического труда, упованию на заработки на стороне. А источники этих заработков тоже сильно сократились: промышленность в упадке, поездки за пределы Дагестана сильно осложнились, да они и не так прибыльны, как в прошлом. И даже в фермерских и приусадебных подсобных (для многих они не подсобные, а главные, порой единственные источники обеспечения) хозяйствах производительность труда и эффективность производства намного выше, чем в колхозах и совхозах. Например, урожайность в 1998 г. выглядела следующим образом: зерно, в общественных хозяйствах – 13,3 ц с га, в личных – 14,3; овощи – соответственно 42,4 и 89,6; картофель – 40,6 и 74,2; плоды – 11,3 и 88,2; виноград – 29,2 и 120 ц с га.

Одной из причин сохранности общественных хозяйств явилась отмеченная выше деградация крестьянства, которое стало менее инициативным. Отсюда еще оставшиеся 478 колхозов и 235 совхозов. Многие крестьяне чувствуют себя в них более защищенными,

уповают на других, на государственную организаторскую, экономическую и техническую помощь, в которой они, конечно, нуждаются. К примеру, за последние 10 лет цена на машины, оборудование, товары для аграрно-промышленного комплекса, возросли в 20 тыс. раз, электроэнергию – в 12 тыс., горючее – в 13 тыс., в то время как на зерно – только в 2 тыс. раз, мясо – в 400, шерсть – в 600 раз. Несмотря на то что за колхозами и совхозами осталось 75% сельскохозяйственных угодий, 71% из них убыточны, и долг их достиг 440 млн руб. За последние 8 лет тракторов стало меньше на 4,5 тыс. единиц, автомобилей – на 3,5 тыс., комбайнов – на 500 единиц, а их приобретение уменьшилось в 30 раз. Не лучше положение в скотоводстве: на начало 2000 г. было 604 тыс. голов КРС (по другим данным на конец 2000 г. – 645,6 голов), из них (в начале того же года) – 508 тыс. голов в частном секторе. МРС было 2 млн 85 тыс. голов, из них в частном секторе – 1 млн 670 тыс. голов. За последние 9 лет поголовье КРС сократилось на 140 тыс. голов, МРС – на 1 млн 267 тыс. голов.

В республике под посевы и посадку занято только 307,3 тыс. га пахотный угодий из имеющихся 518 тыс. га.

Общественные хозяйства явно не выдерживают конкуренции в условиях рыночного хозяйства. Например, фермерские хозяйства республики, занимая всего 1,3% сельскохозяйственных угодий (2,6 га на одно хозяйство), произвели в 1999 г. 5,8% валовой продукции сельского хозяйства, т.е. их эффективность выше в 4,4 раза. Еще в 1990 г. общественные хозяйства дали 57% продукции сельского хозяйства, а в 2000 г. – только около 16% (доля хозяйств частного сектора – 80%). Доля населения, занимающегося посадкой овощей, увеличилась с 44% в 1990 г. до 80% в 2000 г., картофеля – соответственно с 61 до 95%, садов – с 16 до 50%. По важнейшим видам сельхозпродукции личные хозяйства являются основными производителями овощей – до 95%, картофеля – 95, плодов – до 76, мяса – 86, молока – более 80, шерсти – более 60% [90; 205; 111. С. 1].

Впрочем это – общероссийское явление, личные подсобные хозяйства Российской Федерации также производят 90% картофеля и 77% овощей страны [122]. И надо сказать, что именно прогресс в личных и фермерских хозяйствах обеспечивает рост продукции сельского хозяйства, особенно это заметно в области животноводства, которое за последние 2–3 года намного увеличило продуктивность и темпы воспроизводства (рост поголовья).

О значительных достижениях сельского хозяйства республики свидетельствуют итоговые показатели 2001 г.: по сравнению с 2000 г. валовая продукция сельского хозяйства выросла на 21,2%, производство зерна – на 14,3%, в том числе кукурузы – на 33,9%. Производство картофеля увеличилось в 2,1 раза (урожайность его тоже в 2,1 раза), овощей – на 45,1% (урожайность на 15,8%). Поголовье КРС выросло на 2,6% и составило 696,1 тыс. голов (это 106,7% к поголовью 1986 г.), поголовье МРС выросло на 12% и составило 2 млн 577,7 тыс. голов

(это, правда, только 75,2% к 1986 г.). Отметим еще рост производства мяса на 11,8% и молока на 2,4%. И последнее – о вкладе личных хозяйств населения: доля в валовой продукции – 77,4%, в поголовье КРС – 81,8, МРС – 64,7% [68. С. 1; 26. С. 107, 111]. Прогресс, как видим, есть (уже несколько лет), хотя и медленный.

Тяжелое экономическое положение способствует росту преступности, особенно среди молодежи – в обществе с рыночной экономикой, с растущим неравенством в жизнеобеспечении отдельных слоев населения появляются неудовлетворенность получаемыми благами, стремление иметь как можно больше и лучшего качества еды, одежду, предметы обихода и развлечения, а для всего этого нужны средства. Чтобы добыть их в условиях безработицы, нередко становятся на путь преступления. Сама безработица, безделье – тоже один из возможных источников преступности (безделье – отсутствие средств, господство потребительства – один из главных факторов криминогенных ситуаций).

Естественно, на этом фоне хозяйственного и морально-бытового кризиса происходит и определенное вымывание хозяйственно-культурных форм и особенностей традиции. Бедность, оскудение, невозможность получения дорогостоящей техники не привели к реставрации старых традиционных форм хозяйствования и культуры, оживлению традиционных навыков, например ручного труда, или возобновлению хозяйственных операций с использованием животных (тягловых, вьючных).

Очерченные нами горный и равнинный ХКА еще сохраняются, поскольку специфические наборы компонентов и их дихотомические оппозиции по ареалам еще имеют место. Однако многое из того, что казалось перспективным, ожидаемым, в частности рост механизации, особенно скотоводства, перерастание равнинного ареала в аграрно-промышленную зону, развитие горно-долинного садоводства, рост стационарного безотгонного скотоводства и т.п. – все это сохранилось только как тенденция, а в последние годы во многих отношениях следует говорить даже о регрессе (например, в долинном садоводстве). Тем не менее отмеченные перспективы и закономерности развития ХКА могут реализоваться в любой момент, как только улучшится экономическая ситуация, возродится промышленность, оживут торгово-экономические и культурные связи.

Не нам подсказывать пути оживления экономики республики. Мы можем только предложить не предавать забвению некоторые формы и достижения традиционной хозяйственной культуры народов Дагестана. При этом несомненно, что прежде всего должен быть решен вопрос о земельной собственности, причем решать его надо по-разному в горной и равнинной части, с учетом разного качества угодий, особенно в нагорье (террасные, орошаемые, дальние, всякие бедленды). Это потребует наделения земель по ее качественным категориям; затем надо учесть традиции общинного и частного земле-

владения (равнина и горы), последствия переселения горцев на равнину (местами значительное утеснение местного населения) и т.п.

Очень важный элемент экономики и хозяйственной культуры дагестанцев – хутора. Без них хозяйство (особенно скотоводство) в горной части, к примеру, вообще неразумно и мало перспективно. Комплексные хутора при достатке угодий являются основой продуктивного товарного хозяйства, а их владельцы становятся, как правило, самыми рачительными и крепкими хозяевами (вспомним П.А. Столыпина).

Другой путь развития – равнинное виноградарство и горно-долинное садоводство. Возобновление народной селекции (особенно по возрождению сортов с природным иммунитетом против червоточины), исключение химии и производство экологически чистого продукта сделало бы продукцию высококачественной, а сельское хозяйство – высокорентабельным.

В сфере скотоводства наиболее насущная проблема – упорядочение использования угодий, четкая их специализация, восстановление пастбищ, пашен, сенокосного оборота. Это намного повысило бы продуктивность и кормоспособность угодий. Из других заслуживающих внимания вопросов укажем на желательность возрождения отдельных местных пород овец, имея в виду и предпочтительность их шерсти для бурочной и ковровой (с естественными красителями) промыслов, а также пород вьючных животных (ослы, мулы) для рационализации труда в горном садоводстве, сенокосении, картофелеводстве (также одна из перспективных отраслей).

Поскольку в современном скотоводстве становится господствующей тенденция к стационаризации, необходимо всемерно развивать традиционные стационарные формы скотоводства – внутриальпийскую и летненагульную, сочетающиеся с содержанием скота на равнинных скотоводческо-земледельческих базах (кутанах). Большой экономический эффект обещает при этом перенесение основной массы убоя скота на осень, до отгона (период наивысших убойных кондиций животных), по месту стационарного содержания скота (примерные потери при отгоне, как указывалось, 15% веса скота и 3,5% поголовья).

Думается, господство рыночной экономики, преобладание частного хозяйства при оживлении естественных обменных связей и культурных взаимодействий, традиционные хозяйственно-культурные формы, стереотипы и обычаи подвергнутся известной консервации, с последующим определенным оживлением и возобновлением.

Во всяком случае картина происходящего в сфере духовной культуры, в которой наметились процессы возрождения частью забытых, частью задавленных и вытесненных политическим и идеологическим прессом национальных форм и стереотипов культуры – традиций, обычаев, обрядов, праздников и т.п. – внушает такие надежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
2. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
4. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 27.
5. Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Полн. собр. соч. Т. 43.
6. Ленин В.И. О продовольственном налоге // Значение новой политики и ее условия // Там же.
7. Ленин В.И. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики // Там же.
8. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
9. Даргинский округ Дагестанской области: Свод стат. данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887.
10. Дагестанская область: Свод стат. данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890.
11. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1890. Т. II. Вып. VI. Хасавюртовский округ.
12. Обзоры Дагестанской области за 1892–1915 гг.: Приложения к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1893–1916.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Вып. XII. Дагестанская область.
14. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г.: Терская область: Поселенные итоги. Владикавказ, 1919.
15. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г.: Дагестанская область: Тр. Даг. стат. упр. Махачкала, 1924. Вып. 1–6.
16. Народное хозяйство Дагестанской АССР: Стат. сб. Махачкала, 1958.
17. Советский Дагестан за 40 лет: Стат. сб. Махачкала, 1960.
18. Советский Дагестан за 45 лет: Стат. сб. Махачкала, 1965.
19. ДАССР за 50 лет: Стат. сб. Махачкала, 1967.
20. Состав населенных пунктов по административным районам и городам Дагестанской АССР. Махачкала, 1971. Ч. 1, 2.
21. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбил. стат. сб. Махачкала, 1972.

22. Дагестан к 60-летию Великого Октября: Стат. сб. Махачкала, 1977.
23. Породный учет скота на 1.I 1974 г. и на 1.I 1980 г.: Данные ЦСУ ДАССР. Махачкала, 1980.
24. Дагестанская АССР: Адм. террит. деление. Махачкала, 1980.
25. Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет: Юбил. стат. сб. Махачкала, 1981.
26. Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке: Стат. сб. Махачкала, 1987.
27. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977.
28. Народное хозяйство СССР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977.
29. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. М., 1987.
30. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Стат. ежегодник. М., 1987.
31. ЦГА ДАССР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3.
32. ЦГА ДАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.
33. ЦГА ДАССР. Ф. 37. Оп. 19. Д. 147.
34. ЦГА ДАССР. Ф. 127-Р. Оп. 11. Д. 15.
35. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестанской АССР: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1976. Ч. 1, 2.
36. РФ ИИАЭ. Полевой этнографический материал М.О. Османова, собр. во всех районах Дагестана.
37. Полевой материал 1961–1962 гг. Ф. 3. Оп. 3. Д. 138/3020.
38. Полевой материал 1962–1963 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214/6924.
39. Полевой материал 1964–1965 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 97/3500.
40. Полевой материал 1965 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 131/4278.
41. Полевой материал 1966 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 97/3500.
42. Полевой материал 1973 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 155/5020.
43. Полевой материал 1974 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 157/6029.
44. Полевой материал 1975 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214/6824.
45. Полевой материал 1976 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 165/6220.
46. Полевой материал 1977 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 182/6337.
47. Полевой материал 1978 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 191/6381.
48. Полевой материал 1979 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 203/6678.
49. Полевой материал 1980 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214/6824.
50. Полевой материал 1981 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 243/7140.
51. Полевой материал 1983 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 299/7542.
52. Полевой материал 1986 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 349/8307.
53. Полевой материал 1987 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 392/8524.
54. Полевой материал 1988 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 410/8715.
55. Полевой материал 1989 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 430/8793.
56. Полевой материал 1990 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446/9036.
57. Абдулбасиров М.М. Некоторые вопросы интенсификации животноводства Дагестана. Махачкала, 1977.
58. Абдулбасиров М.М. Неотложные задачи дня // Блокнот агитатора и политинформатора Дагобкома КПСС. Махачкала, 1979. № 9.
59. Абдуллаев З.М. Структура и уровень занятости населения в сельском хозяйстве Курахского района // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики: Тез. докл. науч.-практ. совещ. Махачкала, 1988.
60. Аболин Р.И. Краткая характеристика основных типов естественных угодий горного Дагестана. Махачкала, 1932.
61. Абуев М.Ш. Система отгонного овцеводства горного Дагестана: Докл. на науч.-экон. конф. Северного Кавказа. Махачкала, 1966.
62. Авакян Г.Е. Подходы к определению горных территорий // Проблемы горного хозяйства и расселения. М., 1988.

63. *Агларов М.А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев – (до XX века) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 13. Сер. ист.
64. *Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР.* Л., 1963.
65. *Айвазов В.Ш., Бабаханов М.С.* О факторах роста производительности труда в сельском хозяйстве горной зоны // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
66. *Алиева Б.Г.* Некоторые аспекты горного садоводства // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
67. *Алиева Б.Г., Курбанов Г.В.* Повышение эффективности производства продукции животноводства в горной зоне Дагестана // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
68. *Алирзаев А.* Перемены к лучшему. Предварительные итоги социально-экономического развития Республики Дагестан в 2001 г. // Даг. правда. 2002. 4 марта.
69. *Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Историко-этнографические области (Проблема историко-этнографического районирования) // СЭ. 1975. № 3.
70. *Андреанов Б.В.* К изучению агроэтнографии // СЭ. 1976. № 3.
71. *Андреанов Б.В.* Конференция по изучению систем земледелия (История и современная практика) // СЭ. 1973. № 4.
72. *Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Опыт историко-этнографического районирования некоторых районов Африки и Зарубежной Азии // СЭ. 1975. № 4.
73. *Андреанов Б.В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2.
74. *Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2.
75. *Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
76. *Арутюнов С.А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
77. *Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов (на материалах армянской системы питания) // Всесоюз. сес., посвящ. итог. полевых этнографических и антропологических исследований в 1976–1977 гг.: Тез. докл. Ереван, 1978.
78. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры, развитие и взаимодействие. М., 1989.
79. *Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1979.
80. *Атлас Дагестанской АССР.* М., 1979.
81. *Ахлаков И.И.* Семейный подряд как способ решения проблем сельского хозяйства в горных районах Дагестана // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
82. *Ахмедов А.Ш.* Проблемы обеспечения экономической безопасности Республики Дагестан // ВДНЦ, 2. Махачкала, 1998.
83. *Баглиев В.Д.* Руководство партийной организации Дагестана переселением горцев на равнину. Махачкала, 1975.
84. *Берг Л.С.* Географические зоны Советского Союза. М., 1947. Т. I; М., 1952. Т. II.
85. *Бибиков С.Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики) // СА. 1965. № 1.
86. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981.
87. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
88. *Брук С.И.* Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964.
89. *Брук С.И., Козлов В.И.* Основные проблемы этнической картографии // СЭ. 1961. № 5.
90. *Бучаев Г.А.* Земля должна иметь реального хозяина // Даг. правда. 2000. 17 мая.
91. *Бюджет времени сельского населения.* М., 1979.
92. *Вавилов Н.И.* Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1957. № 5.
93. *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2.
94. *Вардунян Д.С.* Историко-сравнительная характеристика хозяйственно-культурных типов Армении // Всесоюз. сес. по итог. полевых этнографических исследований 1980–1981 гг.: Тез. докл. Нальчик, 1982.
95. *Вардунян Д.С.* К характеристике хозяйственно-культурных типов Кавказа // Всесоюз. сес., посвящ. итог. полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг.: Тез. докл.
96. *Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов А.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М.* Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический очерк. Махачкала, 1958.
97. *Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. М., 1982.
98. *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
99. *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – начала XX в. М., 1981.
100. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М., 1985.
101. *Гамзатов М.Г.* Регионализация и проблемы горных территорий // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
102. *Ганиев А.Г.* Географические проблемы организации отгонного скотоводства в Дагестане // Проблемы горного хозяйства и расселения. М., 1988.
103. *Гвоздецкий Н.А.* Кавказ: Очерки природы. М., 1963.
104. *Гвоздецкий Н.А.* Физическая география Кавказа. М., 1954. Вып. 1. Общая часть. Большой Кавказ; М., 1958. Вып. 2. Предкавказье. Закавказье.
105. *Гиренко Ф.И.* Экология: Цивилизация: Ноосфера. М., 1987.
106. *Гришина И.Л.* Основы повышения экономической эффективности производства зерна в Дагестанской АССР // Развитие и размещение отраслей народного хозяйства ДАССР. Махачкала, 1978. Вып. XVI.
107. *Гурбаев О.М.* Пути улучшения использования прикутаных земель горных хозяйств // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
108. *Гурлев И.А.* Природные зоны Дагестана. Махачкала, 1972.
109. *Гусейнов С.И.* Горский скот Дагестана и пути его преобразования. Махачкала, 1961.
110. *Голь К.К., Власова С.С., Кисин И.М., Тертеров А.А.* Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
111. *Дагестан в фактах и цифрах* // Даг. правда. 2001. 5 сент.
112. *Даниялов Г.Д.* Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965). М., 1966.

113. Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941). Махачкала, 1960.

114. Даниялова Н.В., Юсупова М.Е. Экономическая эффективность капитальных вложений в орошаемое земледелие Дагестана // Развитие и размещение отраслей народного хозяйства ДАССР. Темат. сб. Махачкала, 1978. Вып. XVI.

115. Десять лет автономии ДАССР. Махачкала, 1931.

116. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958.

117. Добрынин Б.Ф. География Дагестанской С.С. Республики. Буйнакск, 1926.

118. Забелин И.М. Физическая география и наука будущего. М., 1970.

119. Зефирова И. Большой Карачай и его хозяйство // На аграрном фронте. 1925. № 9.

120. Зонн С.В. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946.

121. Зубаиров М. Резерв: Овечьё молоко // Даг. правда. 1977. 18 дек.

122. Исаев З. Чья земля нас кормит // Новое дело (газ.). 1999. № 21. (Махачкала).

123. История Дагестана: В 4 т. М., 1968. Т. III; М., 1969. Т. IV.

124. История советского крестьянства Дагестана. Махачкала, 1986. Т. I.

125. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.

126. Казан М.С. Классификация и систематизация // Типы в культуре. Методические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979.

127. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1.

128. Кириллов А.С. Земельная реформа в Дагестане. М., 1928.

129. Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ. 1988. № 4.

130. Ковалевский В.Г. Культурно-историческая и биологическая роль горных районов // Природа. 1931. № 2.

131. Ковалевский В.Г. Мировые особенности в вертикальном распространении сельскохозяйственных культур // Природа. 1932. № 1.

132. Козлов В.И. Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

133. Козлов В.И. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. 1979. № 3.

134. Козлов В.И. Этнос и территория // СЭ. 1971. № 6.

135. Козлов В.И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // СЭ. 1970. № 6.

136. Колесник С.В. Общия географические закономерности земли. М., 1970.

137. Конакбиев А.Т. Организация рационального и эффективного использования земель. Махачкала, 1981.

138. Крюков М.В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (На примере типологии жилища) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

139. Кузнецов Н.В. Естествознание, философия и становление ноосферы // Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2.

140. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (по материалам армянской сельской культуры). Ереван, 1983.

141. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: К постановке вопроса // СЭ. 1955. № 4.

142. Лишь Яо Хуа, Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы Китая // ТИЭ. М., 1961. Вып. XXIII.

143. Липс Ю. Происхождение вещей: Из истории культуры человечества. М., 1954.

144. Магдиев А.Л. Эффективно использовать производственный потенциал горных районов // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.

145. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2.

146. Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.

147. Марков Г.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

148. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

149. Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологическое исследование этнических культур. Ереван, 1979.

150. Мкртумян Ю.И. Соотношение земледелия и скотоводства и его роль в формировании современной культуры и быта сельского населения Кавказа: IX МКАЭН. М., 1973.

151. Морозов С.Г. Пастбища Дагестанской АССР и вопросы реорганизации их хозяйства // Плановое хозяйство Дагестана. № 2, 3. Махачкала, 1929.

152. Муравьев А.А. Проблемы механизации трудоемких процессов // Даг. правда. 1980. 7 июня.

153. Муртилов А.Н. Совершенствование системы ведения скотоводства и улучшение использования земель равнинного Дагестана // Развитие и размещение отраслей народного хозяйства ДАССР. Вып. XVI.

154. Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // СЭ. 1952. № 4.

155. Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. Вып. XVIII.

156. Омаров Б. Успехи колхозного строительства в Дагестане в годы третьей пятилетки // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. IV.

157. Осинский С. Краткий очерк экономической географии Юго-Востока // Весь Юго-Восток. Ростов н/Д., 1924.

158. Османов А.М. Дагестан. М., 1986.

159. Османов А.М. Мой край Дагестан. М., 1979.

160. Османов Г.Г. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970.

161. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

162. Османов М.О. Аграрные традиции дагестанцев (теоретический и конкретно-этнографический аспекты) // Материальная культура народов России: Сер. "Культура народов России". Новосибирск, 1995. Т. I.

163. Османов М.О. Некоторые вопросы изучения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1991. № 2.

164. Османов М.О. О современных хозяйственно-культурных типах Дагестана: Тез. докл. науч. сес., посвящ. итог. экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1986–1987 гг. Махачкала, 1988.

165. Османов М.О. О соотношении хозяйственно-культурных типов и хозяйственно-культурных ареалов // Краткое содержание Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. СПб., 1993.
166. Османов М.О. Развитие хозяйственно-культурных ареалов Дагестана в индустриальную эпоху // Там же. СПб., 1994.
167. Османов М.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX века. М., 1990.
168. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996.
169. Основные национальности Республики Дагестан: Стат. сб. Махачкала, 1995.
170. Панин А.И. Животноводство ДАССР на новые рельсы // Плановое хозяйство Дагестана. 1930. № 1, 2.
171. Панин А.И. К вопросу о развитии овцеводства в Дагестане // Плановое хозяйство Дагестана. 1928. № 10–12.
172. Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // СЭ. 1986. № 5.
173. Погорельский П.В. Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах Дагестана // Сельское хозяйство горного Дагестана. М.; Л., 1940.
174. Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
175. Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
176. Пуляркин В.А. О содержании понятия “географическая среда” и о влиянии географической среды на общество // Природа и общество. М., 1968.
177. Раджабов Т.М. Цены как фактор увеличения ресурсов горных районов // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
178. Резолюционные комитеты Дагестана: Сб. док. Махачкала, 1959.
179. Сагидов Ю.А. Общероссийская экономическая ситуация и основные условия подъема экономики Дагестана // ВДНЦ. 2. Махачкала, 1998.
180. Саидов Т.С. Резервы роста эффективности сельскохозяйственного производства. Махачкала, 1980.
181. Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967.
182. Сергеева Г.А. Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в Дагестане // СЭ. 1981. № 3.
183. Симонян Р. Честный счет всегда в нашу пользу // Изв. 1988. 13 окт.
184. Симпозиум по типологии явлений культуры // СЭ. 1979. № 2.
185. Система ведения сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1967.
186. Системы ведения сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1983.
187. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971.
188. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.
189. Список высот селений и наиболее высоких горных вершин по отдельным зонам // Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1929. № 2, 3.
190. Степанов Е.Ф. Предварительные итоги двухлетних работ сектора ботаники по изучению пастбищ и сенокосов Дагестана // Тр. 2-й науч. сес. Даг. базы АН СССР. Махачкала, 1949.
191. Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979.
192. Толстов С.П. Этнография и современность // СЭ. 1946. № 1.
193. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988.
194. Уллабиев К.Ш. Пути интенсификации горно-долинного садоводства // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.

195. Умаханов М.-С.И. Овцеводству – научную основу // Даг. правда. 1980. 7 июня.
196. Умаханов М.-С.И. Это и есть интернационализм. М., 1980.
197. Уразаев Э.К. Проблемы миграции молодежи горных районов Дагестана // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
198. Ханукаев С. Земля ищет хозяина // Даг. правда. 1989. 3 окт.
199. Хашиев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
200. Христианович В.П. Горная Ингушия: К материалам по экономике альпийского ландшафта // Тр. Северо-Кавказской ассоц. НИИ. Ростов н/Д, 1928. № 36.
201. Хусбудинов К., Изабакаров И. Резервы повышения производительности труда в сельском хозяйстве // Блокнот агитатора и политинформатора Дагкомхоза КПСС. 1976. № 19.
202. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
203. Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы Восточной Азии // Народы Восточной Азии: Сер. “Народы мира. Этнографические очерки”. М.; Л., 1965.
204. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
205. Чергибчиев И. Преодолевая препоны на пути к стабилизации // Даг. правда. 2001. 23 мая.
206. Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // СЭ. 1970. № 6.
207. Чеснов Я.В. О теории “культурных областей” в американской этнографии // Концепция зарубежной этнологии: Критические этюды. М., 1976.
208. Читая Г.С. К природно-хозяйственному районированию Грузии // Дополнит. материалы сес., посвящ. итог. археологических и этнографических исследований в СССР в 1964 г. Баку, 1965.
209. Что знает статистика // Изв. 1986. 12 окт.
210. Чурсин. Праздник “выхода плуга” у горских народов Дагестана // Изв. КИАИ. Тифлис, 1927. Т. V.
211. Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979.
212. Шахбанов Р.Б. Анализ эффективности использования автомобильного транспорта в горных районах // Горные районы в хозяйственном комплексе автономной республики.
213. Шенников А.А. О понятии “этнографический комплекс” // Докл. отд-ний и комис. ГО СССР. Л., 1967. Вып. 3. Этнография.
214. Шиллинг Е.М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа // КСИЭ. 1946. Вып. 1.
215. Шихсаидов Ш.И. Интенсификация и ее экономическая эффективность в скотоводстве. Махачкала, 1969.
216. Шмелева М.Н. Вопросы типологии и классификации при сравнительном изучении пищи народов СССР // Всесоюз. сес., посвящ. итог. полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг. Тез. докл.
217. Щербинин. Перспективы сельского хозяйства // Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1929. № 6, 7.
218. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981.
219. Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // СЭ. 1986. № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДНЦ	– Вестник Дагестанского научного центра РАН
ГО СССР	– Географическое общество СССР
КИАИ	– Кавказский историко-археологический институт
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии
КЭС	– Кавказский этнографический сборник
МКАЭН	– Международный конгресс антропологических и этнографических наук
РФ ИИАЭ	– Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
ССК	– Сборник сведений о Кавказе
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах
СССК	– Сборник статистических сведений о Кавказе
СЭ	– Советская этнография
ТИЭ	– Труды Института этнографии
УЗ ИИЯЛ	– Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ЦГА РД	– Центральный государственный архив Республики Дагестан

Замеченные опечатки и исправления

стр-ца	строка	напечатано	следует читать
9	4 сверху	осталось	осталась
11	17 снизу	равнинной	равниней
17	10 сверху	Но	На
21	12 сверху	аэробных	аробных
24	11 снизу	и горнодолин ный	(и горнодолинный)
24	6 снизу	«собственно»	«собственное»
26	11 снизу	основ тех	основ и тех
30	10 снизу	от 28	от – 28
34	3 снизу	были связаны	были связаны с
37	15 снизу	650 тыс.	650 тыс. пудов
39	17 сверху	удачными	удачным
40	20 сверху	необходимо	необходима
45	7 сверху	скотоводы	земледельцы - скотоводы
61	12 сверху	теперь	треть
64	23 сверху	числе – 74,7 тыс.	числе пахотных – 74,7 тыс.
78	3 сверху	форм. Для	форм, для
94	11 сверху	Шилихюр	Шимихюр
94	11 сверху	Вича	Рича
95	17 сверху	от нее. Опыт	от нее, опыт
95	18 снизу	равнину	землю на равнине
96	7 снизу	посекторные	погектарные
99	20 сверху	Как-Шура	Кака-Шура
99	22 снизу	высокотовар- ным	высокотоварным,
99	21 снизу	селениях,	селениях
99	13 снизу	Кюринскими	Кюринском
117	4 сверху	транспота	транспорта
117	19 снизу	дифференциа- ция	дифференциации
119	7 снизу	продукты	продукты
123	19 сверху	табасаран- ская [187...	табасаранская форма уступа- ет место рядовой верандной форме [187...
123	16 снизу	обусловлен- ность	обновленность
126	1 сверху	увеличение	увеличения
127	16 сверху	сохранились	появились
127	17 снизу	о том могут ли быть	могут быть

128	4 сверху	перерастают	перерастают в
134	23 сверху	не были	не было
135	10 снизу	были более	были только немногим более
140	1 снизу	сказалось	сказалась
141	22 сверху	повысит	повысит
143	17 сверху	плодосмены	плодосмена
143	14 снизу	залежной и	залежной, и
144	6 сверху	равнину	равнине
146	10 сверху	в том числе, и орошаемых	в том числе и орошаемых,
150	5 снизу	признаком	критерийным признаком
168	8 сверху	современной	своевременной
171	9 сверху	в горы	в город
171	10 сверху	в район	в районы
172	4 снизу	хозяйств	хозяйства
175	13 сверху	как вида	как вид
187	3 сверху	поскольку	постольку
188	14 сверху	экономичная	экономическая
190	14 сверху	замена	замены
191	10 снизу	из плато	плато
196	3 сверху	направления	направления,
200	17 сверху	получают	получат
201	17 снизу	рисования	рисосеяния
206	18 сверху	происходит	происходят
207	8 снизу	возможности	возможность
208	13 сверху	отрасль ХКА	отрасль горного ХКА
211	17 снизу	производителями	производителями:
212	19 сверху	особенностей традиции	особенностей, традиций

Научное издание

Османов Магомед-Загир Османович

**ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ
ТИПЫ (АРЕАЛЫ) ДАГЕСТАНА
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

**Закономерности
развития и трансформации,
вымывание традиционных форм**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского научного центра*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Д. Лебедев*
Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 24.06.2002
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,0. Уч.-изд.л. 16,8
Тираж 400 экз. Тип. зак. 3464

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

ISBN 5-02-008800-5

9 785020 088009